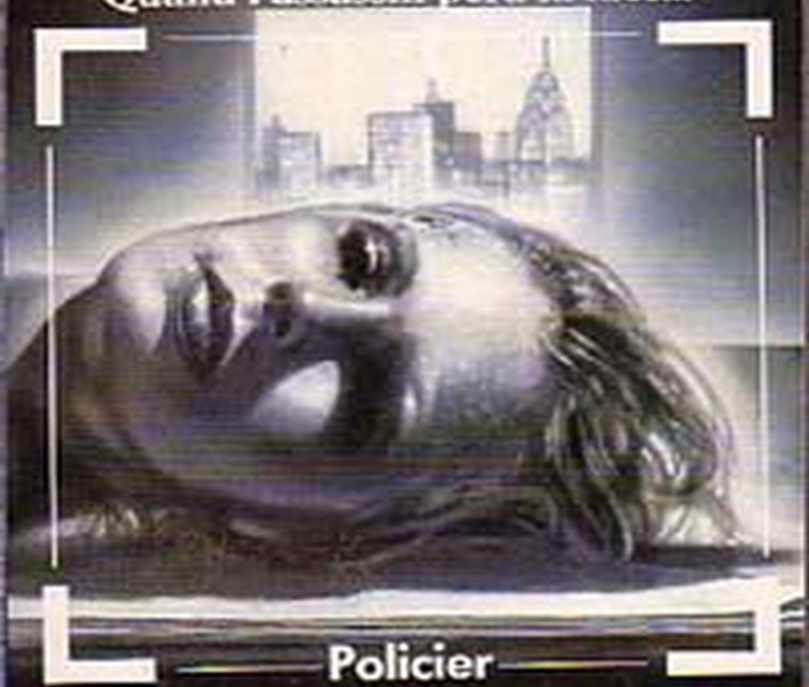
J'AI LU

ELLERY QUEEN

FACE À FACE

Quand l'assassin perd la face...



Policier

Лицом к лицу
Эллери Квин

Аннотация
Эллери Квин. «Лицом к лицу»
Часть первая. ПРОФИЛЬ
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Часть вторая. ПОЛОВИНА ЛИЦА
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18

Глава 19
Глава 20
Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Часть третья. ТРИ ЧЕТВЕРТИ ЛИЦА
Глава 30
Глава 31
Глава 32
Глава 33
Глава 34
Глава 35
Глава 36
Глава 37
Глава 38
Глава 39
Глава 40
Часть четвертая ЛИЦО АНФАС
Глава 41
Глава 42

Глава 43
Глава 44
Глава 45
Глава 46

Аннотация

Эллери Квин — псевдоним двух кузенов: Фредерика Дэнни (1905–1982) и Манфреда Ли (1905–1971). Их перу принадлежат 25 детективов, которые объединяет общий герой, сыщик и автор криминальных романов Эллери Квин, чья известность под стать популярности Шерлока Холмса и Эркюля Пуаро. Творчество братьев-соавторов в основном укладывается в русло классического детектива, где достаточно запутанных логических ходов, ложных следов, хитроумных ловушек.

Эллери Квин — не только псевдоним двух писателей, но и действующее лицо их многих произведений — профессиональный сочинитель детективных историй и сыщик-любитель, приходящий на помощь своему отцу, инспектору полиции Ричарду Квину, когда очередной криминальный орешек оказывается тому не по зубам.

Ссылки на иллюстрации:

http://oldmaglib.com/book/q/Queen_Ellery__Face_To_Face_pic1.jpg

http://oldmaglib.com/book/q/

Queen_Ellery__Face_To_Face_pic2.jpg

Эллери Квин
«Лицом к лицу»

Часть первая
ПРОФИЛЬ

В каждом человеческом лице есть история или пророчество.
С.Т. Колридж

Глава 1

На предпоследнем этапе своего кругосветного путешествия, в ходе которого он терзал шефов полиции различных городов в поисках пригодных для новых романов историй, Эллери планировал остановиться в Лондоне на одну ночь. Но, прилетев из аэропорта Орли, он столкнулся в кабинете комиссара Вейла в Новом Скотленд-Ярде с сотрудником Интерпола. Сотрудник был отличным парнем, поэтому одна история сменяла другую, один паб — другой, в результате чего несколько дней и ночей пролетели незаметно, и Новый год оказался прямо-таки на носу.

Следующим утром Эллери, подстрекаемый совестью и головной болью, отправился в авиакассу за билетом. Там он познакомился с Гарри

Берком, который собирался лететь в Нью-Йорк тем же рейсом.

Сотрудник Интерпола представил Берка как частного детектива — «одного из лучших, Квин, а это, разумеется, значит, что он не превышает свой отчет о расходах больше, чем на десять процентов». Берк засмеялся — это был рыжеватый коротышка с шеей борца, производивший впечатление отличного партнера в драке, с очень светлыми, почти прозрачными глазами, обладавшими способностью исчезать, словно они не существовали вовсе. Берк походил на немца, фамилия же предполагала, что он должен говорить с ирландским акцентом, однако его речь была картавой, и сотрудник Интерпола, прежде чем покинуть их, шутливо представил его как ренегата-шотландца.

Потягивая пиво и покуривая старую трубку в ближайшем пабе, Берк осведомился:

— Значит, вы Квин-младший? Это фантастика.

— Неужели? — отозвался Эллери.

— Я имею в виду, встретить вас вот так. Не прошло и пятнадцати часов с тех пор, как я пребывал в обществе вашего отца.

— Моего отца?

— Инспектора Ричарда Квина из Главного

полицейского управления Нью-Йорка, — торжественно произнес Берк.

— Вы только что прилетели?

Шотландец кивнул.

— Но я видел, как несколько минут назад вы покупали билет назад в Нью-Йорк.

— Сойдя с самолета, я обнаружил поджидающую меня телеграмму от инспектора Квина. Кажется, произошли изменения в деле, которое первый раз привело меня в Штаты. Он хочет, чтобы я немедленно летел обратно.

— В этом весь папа, — усмехнулся Эллери. — Он не упоминает, почему?

— Нет, но телеграмма содержит слово «срочно».

— Должно быть, это важно. — Эллери с благодарностью принял еще одну кружку эля у барменши, которая выглядела так, будто могла принести на ладони целый бочонок. — Что это за дело, Берк? Не из тех ли, которым у меня не хватает сил противостоять?

— Не знаю, сколько вы в состоянии вытерпеть. — Берк улыбнулся толстой барменше и зарылся каледонским[1] носом в кружке. Он был

---

[1] ПРИМЕЧАНИЯ: 1

Каледония — древнее наименование Шотландии. (Здесь и далее примеч. пер.)

весьма недурен собой.

Они полетели на запад, сидя плечом к плечу. По поводу своего дела шотландец молчал, несмотря на все намеки Эллери, словно работал на ЦРУ. Впрочем, на прочие темы он охотно распространялся. Ранее Гарри Берк был детективом-инспектором Скотленд-Ярда, но недавно ушел в отставку, чтобы создать собственное агентство.

— Вначале бизнес продвигался со скрипом. Если бы не мои связи в Ярде, я бы еле сводил концы с концами. Но комиссар Вейл был очень любезен.

Эллери понял, что теперешнее расследование Берка было результатом любезности Вейла. Дело поступило в Скотленд-Ярд, но Вейл, сочтя его неподходящим для Ярда, порекомендовал для этой работы Берка. Эллери подозревал, что это было отнюдь не первой услугой Вейла подобного рода. Поэтому Берк теперь прыгал с места на место.

— Но я холостяк, — продолжал он, — и не обязан отчитываться перед какой-нибудь нудной особой в своем местопребывании. Нет, и на повестке дня никого не предвидится, благодарю покорно. Я слишком мало нахожусь на одном месте, чтобы у меня возникла привязанность к какой-нибудь

женщине.

— А по-моему, — поддразнил его Эллери, — вас ничего не стоит подцепить на крючок.

— Еще не родился рыболов, способный меня поймать.

— Подождите, пока не окажетесь на моей стороне пирога. Американские женщины любят ловить рыбку, которая срывается с крючка.

— Но вас они, похоже, упустили, Квин.

— Ну, я умею увертываться со дня рождения.

— В таком случае у нас много общего.

Это оказалось соответствующим действительности, включая склонность к маленьким разногласиям. Ко времени приземления в Гэндере они дружелюбно пререкались по поводу того, как следует подавать шотландского копченого лосося — с луком или без, — и едва не пропустили наступление Нового года, которое произошло во время продолжения полета.

В аэропорту Кеннеди они приземлились рано утром 1 января в тумане, чуть менее густом, чем тот, который окружал их в Гэндере.

— Нет смысла в такой час искать ощупью комнату в отеле, Гарри, — сказал Эллери. — Поехали ко мне домой.

— Нет-нет. Я не могу причинять неудобства вам

и инспектору.

— Чепуха. У меня в кабинете есть кушетка. Кроме того, это поможет вам поскорее выяснить, почему мой отец вернул вас в Нью-Йорк. — Но этот пробный шар не вызвал у Гарри Берка никакого ощутимого отклика, кроме добродушного кивка. — Такси?

Они проехали на север через Таймс-сквер, которая выглядела как призрачный город, куда вторглось перекати-поле.

— Все-таки люди ужасные грязнули, верно? — заметил Берк, указывая черенком трубки на мусор. — Каждый раз, когда я вижу такое, я вспоминаю последнюю сцену в «На берегу».[2]

— Может быть, грязнули тоже ее вспоминали.

Прибыв в квартиру Квинов, они не обнаружили там инспектора ни в кровати, ни где-либо еще.

— Отмечает Новый год? — рискнул спросить Берк.

— Только не папа. Если он ушел, то по делу. Что это?

В кабинете Эллери к его пишущей машинке

---

[2] ПРИМЕЧАНИЯ: 2

«На берегу» — фильм американского кинорежиссера Стэнли Крамера (1913–2001) по роману английского писателя Невила Шута (1899–1960), где рассказывается о гибели человечества после ядерной войны. В последнем кадре ветер разносит мусор по опустевшим улицам.

был прислонен лист бумаги с сообщением, написанным неровным почерком старика: «Дорогой сын, некая мисс Роберта Уэст с Восточной Семьдесят третьей улицы хочет, чтобы ты ей позвонил, как только вернешься, — в любое время. Я по уши в одном деле. Скоро тебе звякну. Совсем забыл — с Новым годом!»

Внизу стояла подпись «Папа» и был добавлен телефонный номер.

— Это образец семейной жизни Квинов? — осведомился шотландец.

— Только в случае чего-либо экстраординарного. Обычно мы с папой встречаем Новый год, подремывая у телевизора. — Эллери набрал номер. — Поставьте чемоданы в мою спальню, Гарри, она вон там. Да, а бар в гостиной, если хотите выпить… Алло!

— Эллери Квин? — послышался обеспокоенный голос.

— Да. Я получил сообщение с просьбой позвонить мисс Уэст.

— Я мисс Уэст. Чудесно, что вы позвонили мне так рано. Мне сказали по телефону, что вы летите из Англии. Вы только что прибыли, мистер Квин?

— Да. В чем дело, мисс Уэст?

— И вы говорите из дому?

— Да.

— Я бы хотела приехать.

— Сейчас? — удивленно переспросил Эллери. — Я еще не брился, не завтракал, а сон в трансатлантическом авиалайнере едва ли можно назвать отдыхом. Не может ли это подождать?

— Я тоже не спала, ожидая вашего звонка. Пожалуйста…

Судя по голосу, она была хорошенькой девушкой. Поэтому Эллери вздохнул и осведомился:

— Вы знаете адрес?

Глава 2

Роберта Уэст оказалась еще более хорошенькой, чем сулил ее голос. С первого же взгляда Эллери мысленно отметил ее ярлыком «Театр», добавив в скобках «маленький?». У нее были изящная фигура, светлая кожа, рыжевато-каштановые волосы, блестящие глаза с темными тенями бессонной ночи или огорчений и очаровательная родинка на правой щеке, похожая на крошечного мотылька. Вывод Эллери относительно ее профессии был сделан на основании ряда быстрых наблюдений — того, как она шла и вскидывала

голову, несколько напряженной осанки, умения контролировать работу мышц, а главное — четкой, словно тщательно тренированной дикции. На ней были юбка, свитер из шерсти, похожей на ангорскую, модное пальто, наброшенное на плечи, шарф, чей рисунок мог бы принадлежать Пикассо, и перчатки с крагами. На миниатюрных ножках красовались туфельки без каблуков с пряжками в виде бабочек — последние, как не сомневался Эллери, были выбраны с целью уравновесить родинку на щеке.

В целом девушка являла собой настолько явный образец умения создавать впечатление небрежности, что Эллери ощутил искушение усомниться в собственных выводах. Он знал по опыту, что, если женщина выглядит так, словно только что сошла со страниц журнала «Вог», она почти всегда оказывается прислугой в чьем-то офисе.

— Вы актриса, — сказал Эллери.

Блестящие, почти обжигающие глаза в удивлении расширились.

— Откуда вы знаете, мистер Квин?

— У меня свои методы, — усмехнулся он, провожая ее в гостиную. — Это мистер Берк. Мисс Уэст.

Девушка что-то пробормотала, а Гарри Берк

произнес «здравствуйте» таким тоном, будто обо что-то споткнулся.

— Я пойду умоюсь, Эллери, — с неохотой сказал он, направляясь к кабинету. — Или еще чем-нибудь займусь.

— Возможно, мисс Уэст не станет возражать против вашего присутствия. Мистер Берк — частный детектив, прибывший из Лондона по делам.

— В таком случае конечно, — быстро отозвалась мисс Уэст, почему-то опустив голову.

Берк, устремив на Эллери взгляд преданного пса, скользнул к одному из окон и остановился там, уставясь на девушку.

— А теперь, — сказал Эллери, когда девушка села и взяла зажженную для нее сигарету, — может быть, перейдем к делу, мисс Уэст?

Несколько секунд она сидела неподвижно.

— Я едва знаю, с чего начать… — Внезапно девушка склонилась вперед и стряхнула пепел в пепельницу. — Полагаю, вы помните Глори Гилд?

Эллери, безусловно, помнил Глори Гилд. Он предпочел бы признаться в недостатке любых чувств, но только не в амнезии. Эллери не просто помнил Глори Гилд — он слушал ее в молодости развесив уши, мечтал о ней, и одно воспоминание

о ее голосе вызывало у него дрожь. Воспоминания были всем, что оставалось людям, которых пресс-агент в пору расцвета таланта Глори Гилд не слишком удачно именовал ее «клевретами».

О да, Эллери слышал Джи-Джи, как называли Глори Гилд близкие ей люди (к коим он, увы, никогда не принадлежал), а в лунные ночи, чувствуя свои года, нередко ставил ее старые пластинки на 78 оборотов. Это было то же самое, как если бы девушка с рыжевато-каштановыми волосами упомянула Хелен Морган, Галли-Курчи или девочку с пульсирующим горлом в фильме «Волшебник из Оз».[3]

— А при чем тут Глори Гилд? — Едва заметное движение Гарри Берка подсказало ему, что Берк тоже удивлен, и не только удивлен. Эллери испытывал жгучее желание узнать, что с ним, но вынудил себя вновь перенести внимание на Роберту Уэст.

— Я влюблена в мужа Глори Гилд, — сказала девушка. — Вернее, была влюблена в Карлоса. —

---

[3] ПРИМЕЧАНИЯ: 3

Морган, Хелен (1900–1941) — американская актриса и певица. Галли-Курчи, Амелита (1889–1964) — американская певица (сопрано) итальянского происхождения. Гарленд, Джуди (1922–1969) — американская актриса и певица, сыгравшая главную роль в фильме «Волшебник из Оз» (1939) по сказке американского писателя Фрэнка Баума (1856–1919).

Эллери почудилось, что она вздрогнула, хотя он знал, что в действительности это делают лишь немногие, несмотря на россказни писателей. — Как могут женщины быть такими слепыми, безмозглыми дурами! — И она заплакала.

Плачущие женщины были не в новинку в квартире Квинов, а причина слез была очевидной. Тем не менее Эллери был тронут и позволил ей выплакаться. Наконец девушка достала из сумочки платок и поднесла его к маленькому носику, сопя как ребенок.

— Простите. Я не собиралась этого делать. Ведь все кончилось уже семь месяцев назад. Или я так думала. Но теперь кое-что случилось…

Глава 3

История Роберты походила на фрагменты мозаики, которую следовало понемногу собирать воедино. Она начиналась с краткого описания жизни и творчества Глори Гилд.

Ее настоящее имя было Глория Гулденстерн, она родилась в 1914 году на Среднем Западе, который покинула в 30-х годах с чисто льюисовским намерением взять штурмом Нью-Йорк, а впоследствии все Соединенные Штаты. Глори никогда

в жизни не брала уроки музыки — она самостоятельно обучалась пению, игре на фортепиано, теории музыки и аккомпанировала сама себе.

О Глори Гилд часто говорили, что она играет и на своем голосе. Безусловно, ее вокальная техника была такой же точно рассчитанной, как четкая нотная запись на ее бумаге. В ее тихом голосе звучал трепет страсти, почти отчаяния, который завораживал публику, словно дудочка факира, и в ночных клубах заставлял умолкнуть даже пьяных. Критики называли это «интимным» голосом, подходящим только для баров, и все же его магия действовала безотказно. К концу 30-х годов она каждую неделю пела в собственном радио-шоу для десятков миллионов слушателей, став звездой американского радио.

Глори Гилд появлялась в эфире под звуки «Боевого гимна республики»,[4] негромко и медленно исполняемого ее оркестром из сорока двух музыкантов. Естественно, что в те наивные дни обозреватель назвал ее «Глори-Глори». Но при этом «Глори-Глори» была весьма практичной женщиной. Самым разумным ее поступком яви-

[4] ПРИМЕЧАНИЯ: 4

Имеется в виду песня «Тело Джона Брауна» с припевом «Glory, glory, halleluja» («Слава, слава, аллилуйя»), ставшая боевым гимном северян во время Гражданской войны в США.

лась передача дел в цепкие руки театрального агента Селмы Пилтер, которая быстро стала ее менеджером. Миссис Пилтер (существовал и мистер Пилтер, но он давно исчез в тумане суда по бракоразводным делам) так ловко вела дела Глори, что ко времени потери голоса и ухода на покой в 1949 году певица, как говорили, была миллионершей.

Глори обладала пытливым умом; конец артистической карьеры позволил ей вернуться не только к изучению музыки, но и к другой ее страсти — всевозможным интеллектуальным загадкам. Она была фанатиком высококачественной радиоаппаратуры задолго до того, как это стало общенациональным помешательством; ее фонотека современной музыки являлась мечтой коллекционеров. Причины увлечения загадками были не так ясны. Глори происходила из сельской семьи в Миннесоте, чьи интересы к подобного рода времяпрепровождению никогда не поднимались выше потрепанного сборника кроссвордов в гостиной фермерского дома. Тем не менее Глори проводила многие часы за кроссвордами, анаграммами и детективами (классическими образцами жанра — ее не увлекали истории о сексе и насилии или психологические

тайны, начавшие заполнять книжные полки после Второй мировой войны). Нью-йоркская квартира Глори и ее уединенный коттедж среди сосен на берегу озера неподалеку от Ньютауна в штате Коннектикут были завалены проигрывателями, пластинками, коротковолновыми радиоприемниками, звукозаписывающим оборудованием (ей недоставало сил с ним расстаться), музыкальными инструментами, целыми кучами детективных историй и сборников загадок, а на открытой террасе стояли стулья, сплетенные из сырого тростника в Португалии, чей секрет состоял в том, что, каждый раз попадая под дождь, они становились все более крепкими.

В течение карьеры певицы Глори оставалась одинокой, хотя была красивой полногрудой блондинкой, не испытывавшей недостатка в ухажерах. Когда голос начал подводить ее в возрасте тридцати пяти лет, безжалостная ирония судьбы приговорила ее к уединению в стиле великой Гарбо, и (как и в случае с Гарбо) пресса утверждала, что она никогда не выйдет замуж. Глори оправдывала это мнение девять лет. Но в 1958 году, в возрасте сорока четырех лет, она познакомилась с графом Карлосом Армандо (которому тогда было тридцать три года), и спустя

три месяца они поженились.

Графский титул Карлос пожаловал себе сам, и никто, кроме него, не принимал его всерьез. Происхождение Армандо было весьма туманным, и даже подлинность его имени вызывала сомнения. В зависимости от настроения он объявлял себя то испанцем, то итальянцем, то португальцем, то сыном грека и румынки, а однажды даже заявил, что его мать была египтянкой. «Очевидно, ты являешься прямым потомком Клеопатры», — пошутил один из членов его интернациональной компании (настоящий граф). «Разумеется, caro,[5] — отозвался Карлос с ослепительной улыбкой. — Со стороны Ромео». Претендовавшие на достоверную информацию утверждали, что его родители были цыганами, и что он родился в крытой телеге на обочине убогой албанской дороги. Это вполне могло быть правдой, однако не влияло на отношение к нему женщин. Они целыми рядами падали под натиском его чар, как оловянные солдатики. Карлос держал порох сухим из чисто практических соображений, не тратя его на искренние эмоции. Женщины были его профессией. Другой работой он не занимался

[5] ПРИМЕЧАНИЯ: 5
Дорогой (ит.).

ни один день за всю свою жизнь.

Первый раз Карлос женился в возрасте девятнадцати лет на вдове нефтяного магната из Оклахомы, которая была ровно втрое старше его и испытывала алчность к молодым самцам, что весьма его забавляло. Через два года она бросила Карлоса ради красивого юноши из Афин. «Выходное пособие» было более чем солидным, и Карлос провел безумный год, тратя его.

Второй его женой была состоятельная датская баронесса с лицом горгульи,[6] чьим главным развлечением было причесывать черные вьющиеся волосы супруга, как если бы он был куклой. Четырех месяцев лежания на диванах с ощущением жутких пальцев, ползающих по его голове, хватило Карлосу с избытком — он соблазнил секретаршу жены, устроил так, чтобы его застали на месте преступления, и дерзко настоял на «выходном пособии».

После очередного года бурной жизни Карлос вновь начал оглядываться по сторонам.

Связь с аппетитной шестнадцатилетней дочкой сенатора Соединенных Штатов, проводящей лето в Альпах, привела к скандалу с участием вы-

---

[6] ПРИМЕЧАНИЯ: 6

Горгулья — резная фигура в виде гротескного изображения человека или животного, нередко украшающая готические соборы.

сокооплачиваемого подпольного швейцарского акушера (от которого Карлос получил пятнадцать процентов гонорара) и сенаторскому чеку на огромную сумму в качестве платы за молчание с угрозой судебного иска в случае нарушения договора.

Проходили годы, а вместе с ними и парад жен — богатых, глупых и достаточно старых, чтобы годиться Карлосу в матери: дамы из нью-йоркского высшего света, которая развелась с мужем-банкиром, чтобы выйти замуж за Карлоса (этот союз распался после скандала во время ночной вечеринки на вилле жены в Ньюпорте, обошедшегося ей в сотню тысяч долларов и ставшего достоянием бульварных газет); старой девы-алкоголички из фешенебельного Бэк-Бей, чьи предки высадились на Плимутской скале;[7] венгерской графини, умирающей от туберкулеза (она не оставила Карлосу ничего, кроме замка, окруженного рвом со стоячей водой, поскольку он успел растратить состояние супруги до ее кончины); пожилой красавицы евроазиатского происхождения, которую Карлос буквально продал богатому турку, подлинной целью которого

[7] ПРИМЕЧАНИЯ: 7

Плимутская скала — место высадки первых британских колонистов в Массачусетсе в 1620 г.

(как и Карлоса) являлась ее достигшая брачного возраста дочь; вдовы чикагского мясоконсервного промышленника, которая в с сопровождении фотографа застала Карлоса в постели ее горничной и вышвырнула его вон без единого цента, предъявив, к удивлению Карлоса, фотографии в суде, несмотря на присутствие прессы.

Последний развод привел его к финансовым затруднениям, которые были в самом разгаре, когда он встретил Джи-Джи Гилд.

Глори была все еще привлекательна и куда моложе всех предыдущих жен Карлоса, но для него самым важным вопросом было, достаточно ли она богата. Праздная жизнь начинала оставлять следы на его смуглой атлетической плоти — по крайней мере, так ему казалось при изучении себя в зеркале. Пожилые и старые дамы, которые, подобно его первой жене, жадно стремились лакать из источника мужской юности, могли скоро заметить изменения вкуса воды в этом источнике в лице графа Армандо. Когда этот день наступит, коровам понадобится пастбище позеленее.

Армандо решил, что на данном этапе своей жизни он не может позволить себе ошибки. Тайком он осуществил проверку финансов Глори Гилд, которая не посрамила бы опытного агента

организации по предоставлению кредитов. Результаты ободрили его, и он устремился вперед к победе.

Это было нелегко, хотя Глори оказалась достаточно восприимчивой. Она стала совсем одинокой, а отражение в зеркале все сильнее ее беспокоило. Учитывая все это, появление молодого человека типа Карлоса Армандо выглядело неизбежным. Поскольку до нее доходили слухи о нем, Глори обратилась в надежное агентство с целью проверки его прошлого. Ее подозрения подтвердились, и она твердо решила не идти тем путем, которым шли ее глупые предшественницы.

— Мне нравится твое общество, — сказала Глори Карлосу в ответ на предложение брака, — а тебе нужны мои деньги, верно? Ну, я выйду за тебя замуж при одном условии.

— Должны ли мы говорить об этом в такое время, дорогая моя? — осведомился Карлос, целуя ей руки.

— Условие таково: ты подпишешь добрачное соглашение, по которому заранее отказываешься от любой доли моего состояния.

Карлос издал негодующий возглас.

— Даже от одной трети наследства, которую

закон гарантирует вдовцу, — сухо добавила Глори. — Я посоветовалась со своим поверенным, и он сказал, что подобный контракт в этом штате будет абсолютно законным, в случае если тебе придет в голову разорвать его впоследствии.

— Как же плохо ты обо мне думаешь, bonita,[8] — заныл Карлос, — если ставишь такое несправедливое условие. Я ведь предлагаю тебе всего себя.

— Это немало, — промолвила Глори, ласково ероша ему волосы (он вовремя удержался, чтобы не отпрянуть). — Поэтому я придумала то, что юристы называют quid pro quo.[9]

— А что это такое, сокровище мое? — спросил Карлос, как будто не знал этого.

— Зуб за зуб.

— Понятно. Ты имеешь в виду срок действия договора? — У Карлоса была острая интуиция во всем, что касалось женщин.

— Вот именно, беби. Дай мне минимум пять лет замужней жизни, и я разорву контракт. Я расследовала твое прошлое, Карлос, и выяснила, что самый долгий срок, который ты проводил с

---

[8] ПРИМЕЧАНИЯ: 8
Милашка (исп.).

[9] ПРИМЕЧАНИЯ: 9
Услуга за услугу (лат.).

одной женщиной, был менее двух лет. Мой срок — пять лет, после которых ты вступишь в обычные законные права моего мужа.

Они посмотрели друг на друга и улыбнулись.

— Я безумно влюблен в тебя, — сказал Карлос, — но любовь — это еще не все. Ты согласна?

— Безусловно, — отозвалась Глори.

В результате Карлос подписал добрачное соглашение, и их связали не вполне священные брачные узы.

Глава 4

— Я встретила Карлоса в Истхэмптоне, — продолжала Роберта Уэст, — когда выступала летом в репертуарном театре. Это было в конце сезона, и он вместе с Глори прошел за кулисы. Старик директор поднял невероятную суету при виде Глори, но для меня она была не более чем именем, — она ушла на покой, когда я была еще девочкой, — и я видела перед собой только толстую женщину с крашеными волосами, выглядевшую как стареющая Брунгильда[10] из

[10] ПРИМЕЧАНИЯ: 10

Брунгильда — валькирия, героиня опер Рихарда Вагнера (1813–1883) «Валькирия», «Зигфрид» и «Гибель богов».

второразрядной оперной труппы и цепляющуюся за руку молодого человека, годившегося ей в сыновья. Но Карлос показался миловидным, и мне, очевидно, льстило его одобрение. В его голосе есть что-то, — мрачно добавила она, — что безотказно действует на женщин. Они понимают, что он сплошная фальшивка, но для них это не имеет значения. Дело не в том, что говорит Карлос, а в том, как он это говорит… Полагаю, я кажусь вам доверчивой дурой.

Оба мужчины благоразумно промолчали.

— После истечения моего летнего ангажемента я и суток не провела в Нью-Йорке, когда Карлос мне позвонил. Не знаю, каким образом ему удалось раздобыть мой номер, — он был новым и еще не фигурировал в справочнике. Карлос чего только не наплел мне: и о том, как его впечатлил мой талант, и о том, что он может поспособствовать моей карьере, предложив это обсудить. И я попалась на эту старейшую уловку в шоу-бизнесе, отлично зная, что напрашиваюсь на неприятности… Самое забавное, что он действительно устроил мне прослушивание и роль в какой-то пьесе, идущей, разумеется, не на Бродвее. До сих пор не знаю, как ему это удалось, если не принимать во внимание, что режиссером была

женщина. Мужчины не питали к Карлосу ничего, кроме презрения или зависти, но женщины не могли противиться его чарам. Полагаю, режиссер не являлась исключением, хоть и была старой перечницей, похожей на циркулярную пилу. Но он уговорил ее, как и меня.

Девушка с рыжевато-каштановыми волосами прикрыла глаза, потом достала из сумочки сигарету. Гарри Берк подскочил к ней с зажигалкой. Она улыбнулась ему поверх язычка пламени, но как будто не видела его.

— Карлос продолжал встречаться со мной — он обладал упорством, против которого невозможно устоять, как бы вы ни были осторожны… Я влюбилась в него. По-своему он очень красив, и, когда обращает внимание на какую-нибудь женщину, ей кажется, что она единственная женщина в мире. Она понимает, что во всем его теле нет ни единой честной косточки, что он проделывал те же трюки с сотнями женщин, но это ее не заботит… Я влюбилась в Карлоса, и он уверял меня, что может стать счастливым, только женившись на мне.

— Насколько вы обеспечены финансово, мисс Уэст? — спросил Эллери.

Девушка засмеялась.

— У меня есть маленький доход с траста и случайные заработки тут и там. Это меня и одурачило, — с горечью сказала она. — Ведь Карлос всегда женился только на деньгах. Я начала думать, что, может быть, на сей раз его чувства искренни. Как же наивна я была! Я понятия не имела, что у него на уме, пока однажды вечером, чуть более семи месяцев тому назад…

По какой-то причине Глори отправилась в свой коттедж в Ньютауне, и Карлос воспользовался случаем повидать Роберту. На сей раз он продемонстрировал свои истинные намерения.

Роберта знала о его добрачном соглашении с женой, и что пятилетний срок уже истек — к тому времени Карлос и Глори были женаты пять с половиной лет. По словам Карлоса, Глори выполнила свое обещание и порвала контракт, поэтому теперь, если с ней что-нибудь случится, он унаследует по крайней мере одну треть ее состояния по праву вдовца или еще больше, если она упомянула его в своем завещании, в чем он не был уверен.

Сначала, по словам Роберты, она не понимала, куда он клонит.

— Как могло прийти такое в голову любому нормальному человеку? Я честно ответила ему, что

понятия не имею, о чем он говорит. С его женой что-то не так? Она неизлечимо больна? У нее рак? «Глори здорова, как корова, — ответил Карлос. — Dios![11] Она переживет нас обоих». — «Значит, ты имеешь в виду развод?» — спросила я. «Развод? Глори не даст мне ни цента, если я предложу развод!» — «Карлос, я не понимаю…» — «Конечно, не понимаешь, palomilla mia.[12] Ты еще ребенок! Но послушай меня, и я объясню тебе, как мы можем избавиться от этой коровы, жениться и наслаждаться молоком из ее вымени».

И Карлос спокойно, словно пересказывая сюжет романа, изложил Роберте свой план. Глори стоит на пути, значит, ее нужно устранить. Но мужа заподозрят в первую очередь, если у него не будет железного алиби, то есть в момент убийства он должен находиться в другом месте. Это можно устроить тысячью способами. Тогда кто же устранит Глори? Кто, как не она, Роберта, которая также выигрывает от ее смерти? Теперь она понимает?

— Теперь я все понимала, — продолжала Роберта. — Своим насмешливым голосом, словно

---

[11] ПРИМЕЧАНИЯ: 11
Боже! (исп.)

[12] ПРИМЕЧАНИЯ: 12
Моя голубка (исп.).

говоря о прогулке в парке, он предлагал мне убить его жену, чтобы мы могли пожениться и жить на кровавые деньги. Я была в таком ужасе, что с минуту не могла вымолвить ни слова. Очевидно, Карлос принял мое молчание за согласие и попытался заняться со мной любовью. Это мигом разрушило все чары. Я оттолкнула его с такой силой, что он пошатнулся. Разговор происходил в квартире Глори и Карлоса, и я выбежала оттуда, как будто за мной гнался сам дьявол. Впрочем, он и был дьяволом. Как только мне могло казаться, что я влюблена в это чудовище! У меня по коже бегали мурашки, и я могла думать лишь о том, чтобы оказаться подальше от него. Я приехала домой в такси и всю ночь металась по комнате, дрожа как осиновый лист.

Карлос позвонил ей на следующий день, продолжала девушка. Она велела ему больше никогда ей не звонить и не пытаться с ней увидеться и положила трубку.

— Чертов ублюдок! — пробормотал Гарри Берк. Он выглядел так, словно сам был готов совершить убийство.

— Вам повезло, что вы остались целой и невредимой, — заметил Эллери. — Подобные типы, сталкиваясь с препятствием, могут быть ужасно

грубыми. Но мне не все понятно, мисс Уэст. Если это произошло больше семи месяцев тому назад, почему вы молчали так долго? И почему теперь возникла такая срочность?

Девушка казалась озадаченной.

— Срочность? Что вы имеете в виду, мистер Квин? Я думала…

— Очевидно, я забегаю вперед, — улыбнулся Эллери. — Ваша история еще не окончена?

— Разумеется. — Она переводила взгляд с него на Берка. — Или вы мне не верите? Что касается того, почему я молчала все это время… я не знаю. Все это было настолько страшным, что казалось кошмарным сном. Мысль обратиться в полицию или к кому-то вроде вас никогда не приходила мне в голову. Во-первых, я твердила себе, что Карлос не мог действительно иметь это в виду. А во-вторых… — ее светлая кожа порозовела, — это означало бы, что наша связь будет фигурировать во всех газетах. Так как Карлос больше не звонил и не появлялся, я выбросила это из головы — во всяком случае, пыталась выбросить. Пока мне об этом не напомнили позавчера. Какой сегодня день?.. Да, это было позавчера — в среду вечером.

— 30 декабря? — резко осведомился Гарри Берк.

Эллери удивленно посмотрел на него.

— Да. Карлос позвонил мне. Как я сказала, я не слышала о нем с прошлой весны.

— И что хотел этот подонок? — прорычал Берк.

— Он заявил, что должен меня видеть. Я сказала то же, что несколько месяцев назад, и положила трубку. Через полчаса в дверь позвонили, и когда я открыла ее, то увидела Карлоса. Я попыталась захлопнуть дверь перед его носом, но он просунул ногу внутрь. Карлос говорил так громко, что я испугалась, как бы не выбежали соседи, и впустила его.

— Что ему было нужно? — спросил Эллери.

— Тогда я не могла этого понять. Он не пытался снова сделать это фантастическое предложение и говорил о разных пустяках — о пьесах на Бродвее, о том, чем они с Глори недавно занимались, и так далее. Я просила его уйти, но он продолжал разглагольствовать. Карлос не был пьян — он никогда не пьет так много, чтобы потерять голову; по крайней мере, я его таким не видела. Мне казалось, будто Карлос тянет время, так как он то и дело смотрел на часы.

— О! — одновременно произнесли Эллери и Гарри Берк. Но если голос Эллери был задумчивым, то в тоне Берка ощущалось дурное предчувствие,

что снова удивило Эллери.

Роберта Уэст склонилась вперед.

— Около полуночи я наконец избавилась от Карлоса. Вернее, он сам внезапно решил уйти. Помню, Карлос опять взглянул на часы и произнес: «Уже полночь, Роберта. Я должен идти». Как будто он куда-то опаздывал. Я все поняла только потом, поэтому пришла сюда, мистер Квин! Он использовал меня!

— Похоже на то, — согласился Эллери. — Но для чего?

— Разве вы не знаете?

— Не знаю что, мисс Уэст?

— Что Глори Гилд Армандо была убита в среду вечером?

Глава 5

Эллери долгое время не видел нью-йоркских газет, а если в лондонской «Таймс» сообщалось об убийстве Джи-Джи, он пропустил это в пивном тумане какого-то паба.

Что касается Гарри Берка, то он выглядел осведомленным и испуганным. Подойдя к шкафу с напитками, он сделал большой глоток из первой попавшейся бутылки, которая оказалась

наполнена бурбоном, и аккуратно поставил ее на место, не более осознающий свои действия, чем человек, поднявший руку, чтобы почесаться.

Эллери внимательно наблюдал за девушкой и Берком.

— Как глупо с моей стороны, — сказала Роберта. — Конечно, вы не знаете об убийстве — ведь вы были в Европе. И вы не видели утреннюю газету?

— Нет, — ответил Эллери. — Не знаете, когда это произошло, мисс Уэст?

— Точного времени не знаю. Но в новостях сообщали, что это случилось, когда Карлос был в моей квартире в среду поздно вечером. Теперь ясно, что ему было нужно. Не сумев прошлым летом уговорить меня убить его жену, он начал искать другую простофилю и нашел ее. Несомненно, это была женщина, мистер Квин, — мужчины не стали бы иметь с ним дело. Поэтому в среду вечером, когда эта женщина выполняла поручение, он явился ко мне домой и использовал меня в качестве своего алиби. А я-то думала, что избавилась от Карлоса, его жены и всего этого кошмара!

Роберта была на грани истерики, и Эллери с трудом удалось ее успокоить. Берк маршировал взад-вперед, как гренадер, очевидно сражаясь с

какой-то проблемой.

— У меня вопрос, — обратился Эллери к девушке. — Почему вы пришли именно ко мне?

Она теребила ремешки своей сумочки.

— Ну… я оказалась совсем одна, мистер Квин, и чувствую себя по горло увязшей в жуткой ситуации, хотя ни в чем не была виновата… ну, возможно, я была виновата, что попалась на удочку Карлоса, но откуда я могла знать, чем это кончится? Мне и в голову не приходило, что он и в самом деле планирует убийство… Разумеется, Карлос сразу сообщил полиции о своем алиби, понятно, они уже побывали у меня в квартире, и мне пришлось сказать им правду — что он был со мной в среду вечером до полуночи.

— А вы рассказали полицейским, что Карлос в прошлом мае предлагал вам убить его жену?

— Нет… Очевидно, мне следовало это сделать, но я просто не могла себя заставить. Мне казалось, что чем больше я буду говорить, тем глубже в этом увязну. Поэтому я только отвечала на вопросы. Что мне делать, мистер Квин? Как мне из этого выпутаться?

— Боюсь, уже слишком поздно. Мой совет — все рассказать полиции, и чем скорее, тем лучше.

Она закусила губу.

— Эллери, — внезапно произнес Гарри Берк, — я бы хотел поговорить с вами.

— Надеюсь, вы извините нас, мисс Уэст? — Когда они вышли в кабинет и закрыли за собой дверь, Эллери обратился к Берку: — С тех пор как девушка пришла сюда, Гарри, у вас внутри словно пытается взорваться бомба. Вы тоже замешаны в этом деле, не так ли?

— Теперь замешан, — уныло отозвался Берк. — Еще недавно я знал об убийстве не больше вашего. Но моя первая поездка в Нью-Йорк была связана с Глори Гилд. Она обратилась в Скотленд-Ярд с просьбой, которая была за пределами его компетенции, и Вейл рекомендовал ей меня в качестве частного детектива. Это было рутинное расследование — не вижу, какое оно может иметь отношение к убийству, хотя кто знает... — Шотландец нахмурился. — Факт в том, Эллери, что в среду вечером я находился с Глори Гилд в ее квартире до начала двенадцатого по делу, которое привело меня за океан. Я отчитался перед ней и прямо оттуда отправился в аэропорт. Мой самолет вылетел в час ночи. Я оставил ее живой и невредимой.

— Значит, ее убил тот, кто проник к ней в квартиру после вашего ухода в начале двенадцатого

и до полуночи, когда Армандо покинул квартиру Роберты Уэст.

— Похоже на то. — Берк выглядел чем-то обеспокоенным, но больше ничего не сказал.

Эллери покосился на него.

— Вы консультировались с моим отцом по делу, приведшему вас в Нью-Йорк?

— Да. Оно требовало сотрудничества с нью-йоркской полицией.

— Значит, вот почему папа телеграфировал вам, прося вернуться, — решил, что ваше дело может быть связано с убийством. — Эллери сделал паузу, рассчитывая на комментарии, но Берк молчал. — Должно быть, он начал расследование спустя некоторое время, а когда оставлял мне записку с просьбой позвонить мисс Уэст, не связывал ее с этим делом или еще не знал факты. Такими вещами обычно вначале занимаются на уровне полицейских участков. Да, Гарри, это все усложняет. Теперь я тоже в этом замешан, нравится вам это или нет.

Берк ограничился кивком.

Они вернулись в гостиную.

— Хорошо, мисс Уэст, я в вашем распоряжении, — обратился Эллери к девушке, которая испуганно уставилась на него. — По крайней

мере, пока что-нибудь не прояснится. Прежде всего вы должны сообщить полиции всю вашу историю. Несмотря на алиби Карлоса, он может быть виновным в убийстве жены, так же как если бы совершил его собственноручно. Мне это кажется весьма вероятным.

— Я сделаю все, что вы скажете, мистер Квин. — На лице девушки отразилось облегчение.

— Этот Армандо, по-видимому, хитрый субъект. Кем бы ни была женщина, выполнившая для него грязную работу, он, по-видимому, виделся с ней тайно, как, насколько я понимаю, виделся с вами.

— Да, — еле слышно произнесла Роберта.

— А теперь Армандо будет стараться не видеться с ней вовсе или в один прекрасный день притворится, будто встретил ее впервые. Ему придется ждать, пока все не уляжется. Ну, посмотрим. Она может оказаться его слабым местом. В любом случае ее следует разыскать, и у меня предчувствие, что это будет нелегко.

В этот момент в кабинете зазвонил телефон.

— Сынок? — послышался в трубке слегка гнусавый голос инспектора Квина. — Значит, твой самолет наконец приземлился? Можно подумать, что он всю дорогу из Лондона прыгал по волнам.

Эллери, у меня тут одно любопытное дельце…

— Знаю, — сказал Эллери. — Глори. Глори аллилуйя.

— Выходит, эта девица Уэст уже добралась до тебя. Ее опрашивали участковые детективы, и я смог сложить два и два, только получив первые рапорты. Она сейчас у тебя?

— Да.

— Ну, приезжай ко мне и присоединяйся к вечеринке. Прихвати с собой девушку. Кстати, ты, случайно, не встретил в самолете человека по имени Гарри Берк?

— Встретил. Сейчас он со мной в качестве гостя.

— Будь я проклят! — воскликнул инспектор. — Еще один твой фокус. Я ожидал известий от Берка — полагаю, он говорил тебе, что я вызвал его телеграммой. Захвати и его тоже.

— Где ты, папа?

— В квартире Джи-Джи на Парк-авеню. Знаешь адрес?

— Нет, но его знают Берк и мисс Уэст.

— Это точно. — Старик чертыхнулся и положил трубку.

Глава 6

У привратника кооперативного дома был дикий взгляд. Один патрульный дежурил в вестибюле, а другой — в прихожей квартиры Гилд Армандо. Несколько детективов, включая сержанта Вели, трудились в двойных апартаментах пентхауса. Эллери оставил Роберту Уэст в маленькой гостиной и по указанию Вели поднялся вместе с Гарри Берком по железной витой лестнице в главную спальню, где застал инспектора Квина роющимся в стенном шкафу с одеждой.

— Привет, сынок, — поздоровался старик, едва подняв взгляд. — Черт возьми, где же это? Простите, что притащил вас назад через океан, Берк, но у меня не было выбора. Это должно быть где-то здесь.

— Прежде чем мы приступим к делу, папа, — обиженно сказал Эллери, — позволь напомнить, что мы не виделись почти два месяца. Я не ожидал жирного тельца,[13] но ты мог хотя бы удостоить меня рукопожатием.

---

[13] ПРИМЕЧАНИЯ: 13

Имеется в виду притча о блудном сыне (Евангелие от Луки, 15:11–32), по возвращении которого отец заколол жирного тельца.

— Проклятие! — выругался инспектор. — Помогите мне найти это!

— Найти что, инспектор? — спросил Берк. — Что вы ищете?

— Ее дневники. Я помешан на делах, где жертвы ведут дневники. Ее секретарша, Джин Темпл, сказала мне, что Глори вела дневник после ухода на покой — каждый вечер перед сном записывала все события дня. Теперь это уже целые тома. Несколько месяцев назад она начала работать над издательским проектом — автобиографией или мемуарами — с помощью своего мужа-жиголо и мисс Темпл, используя дневники как справочный материал, когда не могла полагаться на свою память или искала какие-то подробности. Ну и где же эти тома? Или том? Особенно мне хочется увидеть последнюю запись в среду вечером, если она успела ее сделать. Мы ищем дневники уже два дня.

— Они все исчезли? — спросил Эллери.

— Включая рукопись автобиографии.

— Инспектор, — сказал Берк, — я видел Глори Гилд в среду вечером.

— Я надеялся на что-то в таком роде, поэтому вас и вызвал. В какое время вы ушли от нее?

— В самом начале двенадцатого.

— Отлично, — рассеянно промолвил инспектор. — Она не казалась нервной или возбужденной?

— По-моему, нет. Конечно, я не слишком хорошо ее знал — мы всего несколько раз говорили о работе, которую я выполнял для нее.

— Эти дневники наверняка связаны с делом, иначе бы они не пропали. Их украли. Вопрос в том, почему?

Эллери разглядывал кровать в голливудском стиле, с атласным покрывалом, шелковыми валиками под подушками и золотистым камчатным балдахином. В постель не ложились.

Отец заметил его взгляд и кивнул:

— В среду вечером она так и не добралась до постели.

— Насколько я понимаю, папа, ее убили не в этой комнате?

— Нет. — Инспектор направился мимо обширной ванной с золоченой арматурой в кабинет, который, если бы речь шла о человеке, Эллери назвал бы «растрепанным». — Ее застрелили здесь.

Если не считать беспорядка, обстановка была спартанской. Ковер на паркетном полу, письменный стол с двумя тумбами и кожаным вращающимся стулом, повернутым к двери, тем-

ное деревянное кресло, обитое, как Эллери мог бы поклясться, слоновьей шкурой, вырезанная из черного дерева фигура воина африканского племени ватузи на пьедестале — туземная работа не слишком высокого качества. На стенах не было ни одной картины, а слюдяной плафон на лампе у кресла начал шелушиться. Высоко над воином ватузи, в стене у потолка, виднелась решетка в деревянной раме, затянутая грубой тканью, похожей на мешковину, с регулятором громкости, которая, как догадался Эллери, скрывала громкоговоритель, передававший музыку с замысловатого проигрывателя, который он видел внизу в гостиной. Такие же громкоговорители Эллери заметил в стенах спальни и ванной. Помимо этого в комнате были только книжные полки высотой около восьми футов, тянущиеся вдоль трех стен. Они были уставлены неровно стоящими и лежащими книгами, в основном детективами. Эллери с интересом обнаружил здесь Эдгара По, Эмиля Габорио, Анну Кэтрин Грин, Уилки Коллинза, Конан Дойла, Фримена, Кристи, Сейерс, Ван Дайна и многих других авторов, в том числе собственные ранние произведения. На полках также присутствовало множество сборников кроссвордов, ребусов и прочих загадок, очевидно

накапливавшихся годами. Эллери вытащил наугад сборник кроссвордов, где все клеточки были заполнены чернилами. Ему казалось бессмысленным хранить уже разгаданные кроссворды, тем более что стереть слова было невозможно. Вероятно, Глори Гилд Армандо была не в состоянии расстаться с чем-либо связанным с ее хобби, даже если эти предметы стали бесполезными.

На письменном столе царил беспорядок. Папка с промокательной бумагой, лежащая неподалеку от вращающегося стула, была запятнана засохшей кровью.

— Рана в грудь? — спросил Берк, изучая кровавые пятна.

— Целых две, — ответил инспектор Квин. — Одна пуля прошла через правое легкое, другая попала в сердце. По-видимому, Глори Гилд вошла сюда — вскоре после вашего ухода, Берк, — чтобы сделать запись в дневнике или какие-нибудь наброски для своих мемуаров. Мисс Темпл говорит, что последние несколько месяцев она поступала так практически каждый вечер перед сном, а на следующий день диктовала записи мисс Темпл, которая отпечатывала их. Вероятно, Глори просто сидела у стола, когда убийца вошел и выстрелил в нее, — по словам дока Праути, возможно стоя в

дверях. Угол, под которым пули вошли в тело, это подтверждает. Кровь попала на папку, когда она упала лицом вниз. Наверняка Глори видела, кто в нее стрелял.

— Она умерла мгновенно? — спросил Эллери.

— Нет, док говорит, прожила несколько минут, — довольно странным тоном ответил инспектор.

— Жаль, что она не оставила предсмертную записку, — вздохнул Эллери. — Но ожидать этого было бы чересчур.

— «Просите, и дано будет вам»,[14] — произнес инспектор тем же таинственным голосом. — Может, это сообщит тебе больше, чем нам. Лично для меня это все равно что древнемарсианский язык.

— Неужели…

— Вот именно. Глори прожила достаточно долго и имела достаточно сил, — хотя откуда они у нее взялись, док Праути не может себе представить, учитывая пулю в сердце, — чтобы взять ручку… хотя, возможно, она ее уже держала, и написать кое-что на ближайшем листе бумаги.

Эллери дрожал от возбуждения.

— Подойди сюда. И вы тоже, Берк.

---

[14] ПРИМЕЧАНИЯ: 14
Евангелие от Матфея, 7:7.

Они присоединились к старику у письменного стола Глори. Одним из предметов на испачканной кровью папке была полицейская фотокопия обычного листа разлинованной писчей бумаги. («Желтая?» — пробормотал Эллери, словно цвет имел значение, на что его отец кивнул с непроницаемым лицом.) На одной из линеек внизу листа корявым почерком, свидетельствующим о крайнем напряжении сил, было написано одно слово: *f a c e*.[15]

Глава 7

— Лицо, — произнес Эллери, словно пробуя надпись на вкус.

— Лицо? — спросил Берк.

— Лицо, — ответил инспектор Квин. — И это все, джентльмены. Коротко и неясно. Это еще одна причина, по которой мы ищем дневники и рукопись автобиографии. Возможно, они в состоянии объяснить, чье лицо имеется в виду.

— А может, это чье-то имя? — предположил шотландец. — Хотя я никогда не встречал имени Фейс.

---

[15] ПРИМЕЧАНИЯ: 15
Лицо (англ.).

— Вам следовало проводить больше времени на наших танцплощадках, — сказал Эллери. — Как бы то ни было, Гарри, вы не правы в другом отношении. Буква «f» явно строчная. Нет, это означает именно «лицо» — возможно, начало фразы, вроде «лицом к лицу».

— Лицом к лицу с неприятностями придется столкнуться мне, если мы не раскроем это дело, — промолвил инспектор. — Я уже слышу брюзжание начальства. Тебе это слово что-нибудь говорит, сынок?

— Нет. — Лицо самого Эллери было кислым, как лимон.

— И еще одно. — Инспектор тоже нахмурился, приобретя необычайное сходство с сыном. — Мы все еще не знаем, как убийца проник в квартиру. Вроде бы существуют только два ключа — самой Глори и ее мужа. Согласно рассказу мисс Уэст, у Армандо твердое алиби, к тому же он предъявил свой ключ. А к ключу Глори, по-видимому, никто не прикасался. Более того, дверь квартиры, по-видимому, была заперта — по всем свидетельствам, Глори до смерти боялась грабителей.

— Возможно, она знала убийцу и впустила его — или ее, — предположил Берк, но тут же покачал головой. — Нет, это не пойдет. В таком случае она

написала бы его имя перед смертью.

Эллери кивнул, продолжая хмуриться.

— Мне лучше побеседовать с этой девушкой. — Инспектор окликнул сержанта Вели и велел ему привести Роберту Уэст.

Гарри Берк подошел к старику, остававшемуся у двери, и они начали перешептываться. Эллери посмотрел на них.

— Ваше совещание строго секретно? — осведомился он, но они не обратили на него внимания.

Девушка с рыжевато-каштановыми волосами поднималась по лестнице, явно с трудом держа себя в руках. Инспектор Квин прервал разговор с Берком и сердито уставился на нее. Это заставило Берка устремить на инспектора столь же сердитый взгляд. Шотландец ободряюще коснулся локтя девушки, которая ответила слабой улыбкой.

— Я инспектор Квин и расследую это дело, — резко начал старик. — Я читал рапорты детективов, которые опрашивали вас, и хотел бы знать, можете ли вы что-нибудь добавить к вашему заявлению.

Роберта посмотрела на Эллери, и он кивнул. Она судорожно глотнула и поведала инспектору то, что рассказала Эллери и Гарри Берку о неве-

роятном предложении, которое сделал ей Карлос Армандо семь месяцев назад.

— Значит, он хотел, чтобы для него прикончили его жену, — с каким-то извращенным удовлетворением заметил инспектор. — Отлично, мисс Уэст. Могли бы вы заявить это под присягой?

— В суде?

— Под присягой дают показания именно там.

— Не знаю…

— Если вы боитесь его…

— Как боялась бы любая девушка на моем месте, инспектор. Кроме того, я только начала мою карьеру, и любая нежелательная огласка…

— Ну, у вас есть время подумать, — с неожиданной добротой сказал старик. — Сейчас я не стану на вас давить. Вели, позаботься, чтобы мисс Уэст благополучно добралась домой.

Девушка встала, попыталась улыбнуться и удалилась вместе со слоноподобным сержантом. Гарри Берк наблюдал за ее стройной фигуркой, спускающейся по ступенькам, пока она не скрылась за входной дверью.

Старик довольно потирал руки.

— Вот так удача! Наверняка за этим стоит Армандо. И кто бы ни была женщина, которую он уговорил сделать для него грязную работу, теперь

ясно, как она вошла в квартиру. Армандо сделал дубликат своего ключа и дал его ей. А так как с этой женщиной он, несомненно, изменял жене, то Глори никогда не видела ее раньше, поэтому не могла написать ее имя.

— Очевидно, она что-то подразумевала под словом «face», — возразил Эллери. — Значит, в этой женщине было что-то, о чем Глори знала или догадывалась…

— Что-то с ее лицом? — спросил Берк.

— Нет-нет, Гарри. В таком случае она бы это уточнила.

— Что вы знаете о времени ее смерти, инспектор? — осведомился Берк.

— Время известно нам с точностью до минуты. На письменном столе стояли маленькие электрические часы в кожаном корпусе, которые Глори, должно быть, падая, сбросила со стола левой рукой, так как мы нашли их на полу слева от нее, с вырванной вилкой. Часы остановились в 11.50. Нет, сейчас их здесь нет, Эллери, они в лаборатории, хотя вряд ли сообщат нам что-нибудь еще. Глори Гилд получила две пули без десяти двенадцать. Между прочим, док Праути приблизительно так же определяет время смерти.

— В связи с этим, — сказал Берк, — я только что

вспомнил, что, когда я уходил отсюда в среду вечером, миссис Армандо сказала мне, что ожидает мужа вскоре после полуночи.

— Это означает, — медленно произнес Эллери, — что Глори, когда ее застрелили, знала, что Армандо должен войти в квартиру с минуты на минуту.

Инспектор кивнул:

— Он обнаружил ее между пятнадцатью и двадцатью минутами первого. Если Армандо покинул квартиру Роберты Уэст в полночь, что, кстати, тоже следует проверить…

— Это проясняет один аспект оставленного Глори «ключа», — продолжал Эллери. — Зная, что она умирает и что муж почти наверняка первым обнаружит ее тело, Глори понимала, что он также первым увидит ее предсмертное сообщение. Если бы она написала нечто, описывающее его сообщницу или обвиняющее его самого, он бы просто уничтожил записку, прежде чем уведомить полицию о случившемся. Поэтому…

— Поэтому ей пришлось оставить «ключ», способный внушить Армандо, что это не имеет отношения к ее убийству? — Берк достал трубку и начал рассеянно набивать ее табаком из кисета, расшитого шотландским узором.

— Правильно, Гарри. Нечто, могущее одурачить Армандо, — возможно, напоминающее начало одной из игр в загадки, которыми она так увлекалась, но достаточно привлекающее к себе внимание, чтобы насторожить полицию.

— Не знаю. — Берк с сомнением покачал головой.

— Жаль, что Глори не оставила что-нибудь попроще и пояснее, — проворчал инспектор. — Потому что вся ее изобретательность в последние минуты жизни оказалась ненужной. Она упала лицом вниз среди бумаг на столе, закрыв головой слово, которое написала на верхнем листе бумаги. Вероятно, Армандо вообще его не заметил — он наверняка старался держаться подальше от тела. По его словам, он даже не зашел в кабинет — просто остановился в дверях, увидел кровь и жену, лежащую лицом вниз на столе, и сразу пошел в спальню звонить в полицию. И знаете, я ему верю.

— Все это приводит нас туда, с чего мы начали, — промолвил Эллери. — Что она подразумевала под словом «лицо»?

— Начали мы не с этого, — возразил его отец, — а с пропавших дневников, и хотя, строго говоря, это вас не касается, я настолько туп, что спраши-

ваю вас обоих: где они могут быть? — Он высунул голову из двери кабинета и крикнул: — Вели! Есть что-нибудь новое насчет дневников? — Получив отрицательный ответ, старик втянул голову назад и почти взмолился: — Есть какие-нибудь предположения?

Эллери и Гарри молчали.

— Убийца, — заговорил наконец Берк, — или Армандо, прежде чем позвонить в полицию, могли забрать их из квартиры.

— Только не Армандо — ему бы не хватило на это времени. Может быть, женщина. — Старик покачал головой. — Хотя это не имеет смысла. Зачем забирать все дневники и все биографические материалы? Не забывайте, одно обладание ими было бы столь же опасным для виновного, как отпечатки пальцев. Кстати, об отпечатках — в кабинете нет иных, кроме отпечатков Армандо, Глори, горничной и секретарши, Джин Темпл, а горничная и секретарша не ночуют в этой квартире.

— Значит, дневники где-то здесь. — Берк посасывал трубку, являя собой типичную фигуру британского офицера полиции. — Вы обследовали все книги на полках, инспектор? Возможно, дневники скрыты под фальшивыми обложками

или переплетами.

— Например, замаскированы под книги моего сына? — Тон отца заставил Эллери поморщиться. — Нет, это не так. Я подумал об этом в первую очередь.

— Из этой комнаты что-нибудь убрали? — внезапно осведомился Эллери.

— Много чего, — ответил инспектор. — Тело, часы…

— Уже два предмета. Что-нибудь еще?

— Лист бумаги с предсмертным сообщением.

— Три. Продолжай.

— Продолжать нечего. Это все, Эллери.

— Ты уверен?

— Конечно нет. Вели! — крикнул инспектор. Сержант потопал наверх. — Что убрали из этого кабинета?

— Тело, — начал сержант Вели, — часы…

— Нет-нет, сержант, — прервал Эллери. — Что-то, внешне не связанное с преступлением.

Вели почесал в затылке.

— Например, что?

— Например, трехступенчатую стремянку, — ответил Эллери. — Насколько я помню, рост Глори Гилд не превышал пяти футов и шести дюймов, а эти полки высотой в восемь футов. Что-

бы добраться до верхней полки, ей требовалась небольшая стремянка. Не могу представить себе, чтобы каждый раз, когда ей нужна была книга с верхней полки, она подтаскивала к стене это чудовищное кресло, обитое слоновьей шкурой, или рисковала сломать себе шею, становясь на вращающийся стул. Итак, сержант, где стремянка?

Берк уставился на Эллери. Усы инспектора приподнялись в озадаченной улыбке. Вели разинул рот.

— Закрой свою мухоловку, Вели, и иди за стремянкой, — велел инспектор и добавил, когда сержант удалился, качая головой: — Я забыл о стремянке. Она действительно была здесь, но детектив вчера позаимствовал ее, чтобы обследовать полку в столовой внизу, и не принес назад. Зачем она тебе, Эллери? Мы проверили верхние полки.

— Посмотрим, — отозвался Эллери.

Сержант Вели вернулся с библиотечной стремянкой черного дерева, инкрустированного слоновой костью, с покрытыми пластиком ступеньками, оцарапанными тяжелыми полицейскими ботинками.

— Пожалуйста, сержант, уберите отсюда эту статую, — попросил Эллери и, когда Вели отодви-

нул в сторону воина ватузи, поставил стремянку на его место и поднялся на верхнюю ступеньку, едва не касаясь волосами потолка. — Громкоговоритель, — объяснил он. — Я заметил, что такой же аппарат в спальне привинчен к рамке, а здесь решетка держится на крючках. Твои ребята заглядывали внутрь, папа?

На сей раз инспектор ничего не сказал — только бросил взгляд на побледневшего сержанта Вели.

— Ну и глаза у вас, Эллери! — воскликнул Гарри Берк. — Я все это упустил.

Эллери снял крючок, отодвинул решетку, пошарил внутри громкоговорителя, нащупал кнопку, нажал ее, и громкоговоритель повернулся на невидимых петлях. Рука Эллери полностью скрылась в отверстии.

— Как раз такой тайник, который мог придумать любитель загадок вроде Джи-Джи, — с удовлетворением заметил он, вытащив металлический ящичек, похожий на миниатюрный сейф. — Буду очень удивлен, папа, если то, что ты ищешь, не окажется в этих ящичках.

Глава 8

В тайнике было шесть одинаковых металлических ящиков, доверху набитых дневниками, рукописями и другими бумагами. В одном лежал конверт из плотной бумаги, запечатанный сургучом, с надписью: «Мое завещание. Вскрыть моему поверенному Уильяму Мелоуни Вассеру». Квины отложили конверт в сторону, продолжая искать последний дневник.

Эллери нашел его и открыл на декабрьских страницах. Завершающая запись была сделана во вторник 29 декабря в 23.15 — накануне убийства Глори Гилд Армандо. Инспектор произнес крепкое словечко. Очевидно, Глори не успела сделать запись в день своей гибели — это подтверждалось тем, как указал Эллери, что они нашли дневник в тайнике, а не на ее столе.

Все записи были сделаны авторучкой и тонким, четким почерком, похожим больше на типографский курсив. Буквы были не только наклонными, но и разъединенными, как в слове *«f a c e»* в предсмертной записке, что также отметил Эллери. С другой стороны, расстояние между строчками на разлинованной бумаге было очень маленьким,

что, вкупе с раздельными буквами, затрудняло чтение.

Они просмотрели дневник страницу за страницей, начиная с самых ранних записей, и нашли пропуск. Помимо дня смерти — 30 декабря, пустой оказалась страница с датой 1 декабря.

— Почему же она не сделала запись в тот день? — пробормотал Эллери.

— 1 декабря произошло что-нибудь необычное? — спросил Гарри Берк. — Я имею в виду, вообще?

— Насколько я помню, нет, — ответил инспектор. — Да и это едва ли бы ее остановило. Разве только она была больна.

— Заядлым авторам дневников болезнь не помеха, — сказал Эллери. — Они обычно вносят запись позже. Кроме того, насколько я могу судить, — он перелистал страницы еще нескольких дневников, — она годами делала записи ежедневно. Нет, причина пустой страницы не связана с болезнью или небрежностью… Ну конечно! — Он полез в карман и достал зажигалку.

— Что ты собираешься делать? — с тревогой осведомился инспектор Квин. — Поаккуратнее с огнем!

Сложив дневник вдвое, прижав друг к другу

обе стороны обложки и свесив вниз пустую страницу, Эллери начал осторожно водить вдоль нее пламенем зажигалки.

— Невидимые чернила? — спросил Берк. — Не может быть.

— Учитывая ее своеобразный ум, — сухо отозвался Эллери, — позволю себе не согласиться.

Однако даже его удивило, когда на пустой странице начали проступать буквы. Похоже, запись состояла из одного слова, так как, несмотря на все старания Эллери, на бумаге больше ничего не появилось.

Они молча уставились на слово *«f a c e»*, написанное тем же курсивообразным почерком с разделенными буквами, как и в предсмертном сообщении, но более твердой рукой.

— Снова! — пробормотал Эллери. — Глори написала то же самое слово 1 декабря в своем дневнике, за четыре недели до гибели! Почему она это сделала?

— Может быть, она предчувствовала смерть? — предположил Берк.

— Очевидно, это было нечто большим, чем предчувствие, — раздраженно сказал инспектор, — если она сделала запись невидимыми чернилами. — Он воздел руки к потолку. — Поче-

му я вечно сталкиваюсь с такими невероятными делами? Симпатические чернила! Остается ожидать кроликов из шляпы!

— Вполне возможно, — сказал Эллери. — Похоже, это дело именно такого рода.

— Разве в Штатах не принято давать актерам прозвища? — напомнил шотландец. — Бинга Кросби называют Голос; Бетти Грейбл — Ноги; была еще одна звезда… как бишь ее… Мэри Макдоналд, которую именовали Тело. Не припоминаете никого с прозвищем Лицо?

— Если такой и был, то я его не знаю, — ответил Эллери. — Но, Гарри, я снова обращаю ваше внимание на то, что в обоих случаях — предсмертном сообщении и дневниковой записи невидимыми чернилами — слово начинается со строчной буквы. Нет, это не прозвище… Папа.

— Что?

— Было что-нибудь необычное в лице Глори?

Старик пожал плечами:

— Лицо как лицо. Мертвые все выглядят похоже.

— Я бы хотел взглянуть на нее.

— Будь моим гостем.

Они оставили инспектора Квина, сидящим за письменным столом Глори Гилд и с мрачным

видом листающим ее дневники.

Глава 9

— Теперь, вдали от замораживающего взгляда моего отца, Гарри, — заговорил Эллери в такси по пути в морг, — как насчет того, чтобы рассказать мне о деле, которым вы занимались совместно?

— Ах, это, — рассеянно отозвался Берк. — Я не хотел упоминать о нем без разрешения вашего старика… — Он улыбнулся. — Не забывайте, что я в чужой стране и должен следовать туземным законам. Но инспектор дал добро.

Шотландец откинулся на сиденье.

— Это связано с делом, которое привело меня сюда в первый раз. Мисс… миссис Армандо обратилась в Ярд с просьбой разыскать ее племянницу, Лоретт Спанье. Поскольку девушка не являлась преступницей или исчезнувшим лицом, а речь шла просто о племяннице, чье местонахождение было неизвестно тете, дело не попадало под юрисдикцию Ярда, и комиссар Вейл, как я вам говорил, рекомендовал меня для этой работы. Я заключил по трансатлантическому телефону финансовое соглашение с мисс Гилд… черт возьми, не могу думать о ней как о

миссис Армандо!.. и начал работать.

Данные для поисков, как объяснил Берк, были самыми обычными. Все родственники Глори в Миннесоте очень давно умерли, кроме младшей сестры, которая вышла замуж за британского фермера и уехала в Англию. Сестра и ее муж много лет назад погибли в авиационной катастрофе во время летних каникул, но у них осталась дочь, которой теперь должно быть двадцать лет с небольшим.

— Похоже, Глори никогда не была особенно близка с сестрой, — сказал Берк между двумя облачками табачного дыма. — По ее словам, она не одобряла брак сестры и просто потеряла все следы племянницы. Теперь она хотела найти девушку.

— Звучит так, будто она искала наследницу, — заметил Эллери.

Берк вынул трубку изо рта.

— Знаете, это никогда не приходило мне в голову. Возможно, причина была в этом.

— А как Глори связалась с Ярдом?

Берк уставился на него.

— Письмом. Вейл передал его мне. Ради бога, какое это имеет значение?

— Авиапочтой? — спросил Эллери.

— Конечно.

— Не помните, когда пришло письмо?

— 4 декабря.

— Любопытно. Возможно, даже многозначительно. Страница в последнем дневнике с написанным невидимыми чернилами словом «face» датирована I декабря, а письмо Глори с просьбой найти ее племянницу прибыло в Ярд 4-го. Следовательно, она написала это слово примерно в то же время, когда писала в Англию.

— Вы имеете в виду, что между «лицом» и племянницей существует связь?

— К сожалению, я не имею в виду ничего, — печально отозвался Эллери. — Я просто исследую возможности. Насколько я понимаю, вы нашли девушку?

— Да.

— Где?

Берк усмехнулся:

— В Нью-Йорке. Ирония судьбы, не так ли? Я проследил путь Лоретт Спанье от сиротского приюта в Лестершире, где она воспитывалась после смерти родителей, до квартиры в нью-йоркском Вест-Сайде, всего в паре миль от жилища ее тети! Правда, мне понадобилось целых семь недель, чтобы отыскать приют. Там мне сказали, куда

она уехала, хотя не знали ее точного адреса или рода занятий — приют не контролирует передвижения своих питомцев после достижения ими совершеннолетия. Прибыв в Нью-Йорк, я сразу заручился помощью Сентр-стрит,[16] откуда меня направили в Бюро розыска без вести пропавших, но там мне не могли помочь, так как девушка не числилась исчезнувшей в Штатах. Тогда меня направили к вашему отцу. Похоже, у него палец в каждом полицейском пироге Нью-Йорка. Не человек, а ходячая энциклопедия полицейских дел.

— Папа что-то вроде универсального пылесоса, — рассеянно промолвил Эллери. — Лоретт Спанье… С одним «н» или с двумя? Она замужем?

— С одним. И не замужем — она еще очень молода. Думаю, ей двадцать один, хотя нет, уже двадцать два. Подходящий возраст для замужества, но в ней есть нечто девственное и антимужское, если вы меня понимаете.

— Не понимаю.

— У нее нет времени для мужчин.

— Теперь понимаю, — сказал Эллери, хотя не

---

[16] ПРИМЕЧАНИЯ: 16

Сентр-стрит — улица в Нью-Йорке, где находится Главное полицейское управление.

был в этом уверен. — Чем она зарабатывает на жизнь?

— Прибыв в Штаты, она заняла должность секретаря — насколько я понимаю, в вашем городе тогда был спрос на молодых и хорошеньких английских секретарш. Но этого хватало только на то, чтобы удерживать душу в теле. По словам Лоретт, она мечтала о шоу-бизнесе. У нее хороший голос по поп-стандартам и весьма индивидуальная манера.

— Как у Глори? — неожиданно спросил Эллери.

— Как мне сказали, очень похоже, хотя я не силен в поп-музыке. Я состою в хоровом обществе, где исполняют оратории Генделя и Мендельсона.

— Наследственность, — пробормотал Эллери.

— О чем вы?

— Очевидно, это в крови. Думаю, Глори была бы довольна. Девушке удалось куда-нибудь устроиться?

— Да. Она участвовала в нескольких коммерческих радиопередачах. Это побудило ее оставить секретарскую работу и посвятить все время пению. Лоретт несколько раз выступала в третьесортных ночных клубах, насколько я понял, почти ничего не заработав. Но она независимая

девушка — не хнычет и не жалуется. Я не мог не восхищаться ее смелостью.

— А почему она приехала в Соединенные Штаты?

— Разве не здесь делают деньги? Посмотрите на «Битлз».

— Смотрите на них сами.

— Нет уж, спасибо… Она очень практичная девушка.

— Значит, Лоретт не собиралась разыскивать свою знаменитую тетушку?

— Конечно нет! Она хочет добиться всего самостоятельно.

— И она не делала никаких попыток отыскать свою единственную родственницу?

— Лоретт говорила мне, что понятия не имела, где живет Глори Гилд — в Нью-Йорке или на острове в Паго-Паго. Нет, это явное совпадение.

— Не такое уж совпадение. Где еще могла жить Глори Гилд? И куда еще могла прибыть девушка, решившая занять место на эстраде? Вы присутствовали при их встрече?

— Да. Но свести их друг с другом было нелегко. Я рассказал Лоретт, почему разыскивал ее, и тут же столкнулся с другой проблемой — убедить ее посетить миссис Армандо.

— И когда все это происходило?

— Я нашел Лоретт только во второй половине дня 30-го числа — в среду, — повел ее обедать и большую часть вечера уговаривал пойти со мной к Глори. Она не испытывала никаких чувств к тете — эта женщина была для нее всего лишь именем в детские годы, а после гибели родителей, на которую Глори никак не прореагировала, имя начало стираться из памяти. Ведь Лоретт попала в приют совсем юной.

— Она кажется обиженной пренебрежением тети.

— Вовсе нет. Лоретт Спанье — замечательная девушка. Она сказала, что не понимает, почему тете вдруг пришло в голову разыскивать ее после стольких лет. Все, чего ей хотелось, — это чтобы ее оставили в покое и позволили жить своей жизнью. Откровенно говоря, я тоже не понимал, почему миссис Армандо внезапно захотела увидеть племянницу, поэтому мне пришлось изобретать убедительные аргументы.

Эллери засмеялся.

— Так вот о чем вы перешептывались с папой. — Внезапно он стал серьезным. — В котором часу вы с девушкой явились в квартиру Глори в среду вечером, Гарри?

— Приблизительно без четверти одиннадцать. — Трубка Берка погасла, и он огляделся по сторонам в поисках места, куда можно было вытряхнуть остаток табака. Но пепельница в такси отсутствовала, и он сунул трубку в карман. — Ситуация сложилась неловкая. От Лоретт не было никакой помощи — в конце концов, Глори была для нее абсолютно посторонней. Миссис Армандо так неубедительно объясняла девушке, почему не искала ее до сих пор, что я почувствовал себя лишним и удалился. Свою задачу я выполнил. Миссис Армандо проводила меня до двери, выдала мне чек — я заранее предупредил ее по телефону о нашем приходе, и она приготовила чек, — я ушел около пяти минут двенадцатого, поехал в аэропорт, улетел в Лондон в час ночи, но тут же вылетел обратно, получив телеграмму инспектора Квина.

— Значит, вы оставили Лоретт Спанье наедине с Глори Гилд, — уточнил Эллери. — А Глори застрелили без десяти двенадцать.

— Насколько я понимаю, Лоретт сказала, что тоже вскоре ушла, — ответил Берк. — Ваш отец говорил мне, что ее расспрашивали и что показания Лоретт вроде бы освобождают ее от подозрений. Но сегодня с ней должны побесе-

довать снова, так что можете присутствовать и сами сделать выводы.

Глава 10

— Кого хотите повидать сегодня, мистер Квин? — осведомился служащий морга.

— Глори Гилд Армандо, Луи.

— Вот она. — Он выдвинул большой ящик с телом и поднял крышку. — На нее большой спрос.

Глори смотрелась непривлекательно даже для трупа. Жирное тело было почти бесформенным; потемневшие ввалившиеся щеки под растрепанными светлыми волосами выглядели отекшими и распухшими.

— Sic transit Глори,[17] — пробормотал Эллери. — Можете поверить, что когда-то она была секс-бомбой, вызывающей страстные мечты?

— С трудом, — ответил Гарри Берк. — Не вижу в ее лице ничего примечательного, Эллери, кроме одутловатости. Ни шрамов, ни родимых пятен.

— Значит, она имела в виду не свое лицо.

— А разве кто-то утверждал, что ее?

— Кто знает. Как говорил поэт: «Лицо, что мо-

---

[17] ПРИМЕЧАНИЯ: 17

Sic transit gloria mundi — Так проходит мирская слава (лат.).

жет многое поведать. Как много лиц в одном лице таится!» Но он также сказал: «Бывают лица вроде книг, где нет ни строчки, кроме, может, даты».

— Какой поэт?

— Лонгфелло.

— О!

— «Гиперион».

— Какое облегчение! — саркастически усмехнулся Берк. — Ну, на этом лице не написано ничего, кроме тучности.

— Не знаю… Спасибо, Луи. Пошли, Гарри.

— Куда теперь? — осведомился шотландец, когда они вышли.

— В офис медэксперта. Мне пришла в голову еще одна мысль.

— Надеюсь, без поэтической цитаты?

— Постараюсь припомнить какую-нибудь не из наших местных бардов.

Они застали дока Праути за ленчем у собственного письменного стола. Заслуженный ветеран сдвинул потрепанную шляпу на затылок и корчил гримасы сандвичу.

— А, Эллери! Опять помидоры и салат-латук. Господи, я сто раз говорил жене, что человек моей профессии не обязательно должен быть вегетарианцем! Что теперь у тебя на уме?

— Дело Армандо. Это Гарри Берк, доктор Праути. — Медэксперт хрюкнул, продолжая жевать. — Кажется, вы уже сделали вскрытие?

— Да. Разве ты не видел заключение?

— Еще нет. Что-нибудь обнаружили?

— Смерть от огнестрельных ранений. А ты чего ожидал?

— Не ожидал, а надеялся.

— «Ох уж это распространенное убеждение в том, что всякие шероховатости «сгладятся»!»[18] — пробормотал Берк.

— Что-что? — переспросил Эллери.

— Диккенс, — объяснил Гарри. — Чарлз.

Док Праути уставился на обоих.

— Вы заглядывали ей в рот, док?

Теперь на них уставился Берк.

— Конечно, заглядывал. Это стандартная процедура при поисках отравления. Вообще-то ничто не указывало на яд, — добавил Праути. — Но я образец добросовестного медика.

— И что вы там нашли?

— То, что ожидал. Ничего.

— Ни клочка бумаги?

— Конечно нет!

---

[18] ПРИМЕЧАНИЯ: 18

Цитата из романа Чарлза Диккенса (1812–1870) «Холодный дом». Перевод М. Клягиной-Кондратьевой.

— Идея не сработала, — сказал Эллери Берку, когда они вышли.

— Я ничего не понимаю, — пожаловался Берк.

— Это достаточно просто. Лицо — рот. Я подумал, что Глори написала слово «лицо» как указатель заглянуть ей в рот, где она спрятала более конкретное сообщение, вроде имени убийцы. Увы, это не так.

Все, что мог сделать шотландец, это покачать головой.

Глава 11

Они заехали в любимый ресторанчик Эллери, где съели пару бифштексов — Берк, к ужасу Эллери, велел прожарить свой бифштекс насквозь, — а затем вернулись в квартиру Квинов поспать несколько часов. Прежде чем свалиться от усталости, Эллери позвонил отцу в Главное полицейское управление, где старик, по его словам, просматривал дневники и прочие бумаги.

— Когда ты собираешься допрашивать Лоретт Спанье, папа?

— В пять.

— Где?

— А что?

— Я хочу присутствовать.

— Я просил ее прийти в управление.

— Вызови и Армандо, ладно?

— По какой-нибудь особой причине? — осведомился старик после паузы.

— Я просто хочу понаблюдать за ними, когда они окажутся вместе. Ведь они якобы ни разу не встречались.

— Лоретт Спанье и Армандо? — В голосе инспектора слышалось удивление. — Да у нее еще молоко на губах не обсохло. Еще недавно она жила в английском сиротском приюте.

— По словам Роберты Уэст, Армандо падок на любых девиц, у которых хоть что-нибудь торчит под свитером. Лоретт соответствует этому требованию?

— О да.

— Тогда вызови Армандо.

— Ладно.

— Кстати, ты еще не интересовался женщинами из богатого прошлого Армандо?

— Уже начал, — мрачно отозвался инспектор.

— Я спрашиваю по той причине, что женщина, которой Армандо поручил грязную работу, может оказаться одной из тех, которых он знал раньше и, возможно, бросил. Таких у него легионы. Это

может быть даже одна из бывших жен.

— Я уже об этом подумал, сынок.

Но если между Карлосом Армандо и Лоретт Спанье что-то было, они скрывали это, как актеры, которым хорошо заплатили. Армандо казался озадаченным вызовом в офис инспектора Квина, а Лоретт, бросив на него быстрый взгляд из-под невыщипанных бровей, полностью его игнорировала. Эллери подумал, что для наивной девушки это была весьма проницательная оценка, но потом приписал ее инстинкту, часто свойственному даже самым юным представительницам слабого пола. Что касается Армандо, то его взгляд тестировал Лоретт, как зонд дантиста. Под свитером у нее действительно имелось немало.

В Лоретт не было ничего от сухощавых англичанок, чей облик она могла унаследовать от лестерширского папаши. Светловолосая и полногрудая, она скорее походила на скандинавку, явившуюся в кабинет инспектора прямо со шведского корабля. В среднем возрасте ей, очевидно, предстояло вести тяжелую битву с чрезмерным весом, которую ее тетя безнадежно проиграла. У нее было лицо ангелочка с маленьким прямым носом, ярко-голубыми глазами, алыми губами и кожей светлой, как попка младенца. Сложенные

бантиком губки добавляли сексуальный штрих к детскому лицу, напоминая мужчинам о том, что она женщина (впрочем, об этом не менее ярко говорила ее фигура). Армандо пожирал ее глазами, улыбаясь от удовольствия.

Сам Армандо оказался не таким, как ожидал увидеть Эллери. Он не обладал грацией ящерицы, и волосы его не были напомаженными, как у патентованного жиголо. У него была мускулистая, даже приземистая фигура, и двигался он несколько неуклюже. Черные, жесткие и курчавые волосы придавали ему почти негритянский облик, а загорелая едва ли не дочерна под кварцевыми лампами кожа усиливала это впечатление. Пару смышленых черных глаз наполовину прикрывали длинные, как у женщины, ресницы. Только пухлый рот создавал впечатление слабости и бесхарактерности. Эллери не мог понять, что в нем находят женщины. Он возненавидел этого типа с первого взгляда и быстро осознал причину своей ненависти. Каждая пора на коже Армандо буквально излучала сексуальную самоуверенность, что, возможно, и привлекало к нему прекрасный пол.

Инспектор Квин представил друг другу присутствующих. Армандо удостоил Эллери и Берка

ленивым «Buon giorno»,[19] проворковав это, как зобатый голубь. Лоретт крепко и серьезно пожала руку Эллери и улыбнулась Гарри Берку, словно осветив тусклое помещение. После этого все сели. Эллери занял стул в углу, откуда мог наблюдать, не привлекая внимания.

— Я пригласил вас сюда, мистер Армандо, — начал инспектор, — поскольку дело касается вашей жены, и мне кажется, вы вправе знать, что происходит. Кстати, вам было известно, что миссис Армандо разыскивала свою племянницу?

— Между Джи-Джи и мною не было никаких тайн, — ответил Карлос. — Она все мне рассказала.

Эллери в этом сомневался. Армандо явно импровизировал на ходу.

— И как вы к этому относились?

— Я? — Армандо поджал пухлые губы. — Я был опечален. У меня нет родственников, кроме двух дядей за железным занавесом, да и они, вероятно, уже умерли. — Его влажные глаза скользнули по Лоретт. — Мисс Спанье заслуживает глубочайших соболезнований. Найти такую, как Джи-Джи, и потерять ее в один и тот же вечер настолько

[19] ПРИМЕЧАНИЯ: 19
Добрый день (ит.).

ужасно, что лучше об этом не говорить.

Лоретт с любопытством посмотрела на него. Белые зубы Карлоса сверкали в улыбке, подчеркивающей, словно знаки препинания, по-южному цветистые обороты речи, в то время как глаза говорили на универсальном языке. Понимала ли она, что он собой представляет? Эллери не был в этом уверен.

Инспектор Квин повернулся к девушке:

— Мистер Берк привел вас в квартиру миссис Армандо в среду вечером без четверти одиннадцать. Она была дома одна. Мистер Берк пробыл с вами до начала двенадцатого. Расскажите мне как можно подробнее, что происходило после его ухода.

— Пока я была там, не происходило ничего, инспектор Квин, — с упреком отозвалась Лоретт.

Старик продемонстрировал зубные протезы в виноватой улыбке.

— Я имею в виду, о чем вы говорили с вашей тетей?

— Она хотела, чтобы я переехала жить к ней и мистеру Армандо. Я поблагодарила ее за любезность, но отказалась, объяснив, что дорожу своей независимостью. Понимаете, я провела большую часть жизни, живя с другими людьми

— в приюте трудно рассчитывать на уединение. Я попыталась объяснить миссис Армандо… тете Глори, что впервые в жизни наслаждаюсь одиночеством. Кроме того, я ее совсем не знала. Это было все равно что переехать к чужому человеку. Думаю, она была обижена, но что другое я могла сказать? Ведь это правда.

— Конечно, — кивнул инспектор. — А о чем еще вы разговаривали, мисс Спанье?

— Миссис Армандо продолжала настаивать. Я даже почувствовала себя неловко. — Лоретт подняла свои изумительные голубые глаза. — Мне казалось, она зашла слишком далеко. Тетя Глори утверждала, что у нее много связей в шоу-бизнесе, что она в состоянии помочь моей театральной карьере и так далее. Честно говоря, я не понимала, как это связано с нашим совместным проживанием, — если она хотела помочь мне, то почему не могла сделать это без всяких условий? Она приманивала меня морковкой, как ослицу. Мне это не понравилось.

— И вы ей это сказали?

— Нет, это было бы грубо. Я не хотела отплачивать ей таким образом. Я просто ответила, что предпочитаю сама строить свою карьеру, как, насколько я понимала, делала и она, и что

я не верю в чью-то поддержку, если речь идет об искусстве. Либо у вас есть талант, который рано или поздно поможет вам добиться успеха, либо его нет, и тогда любая поддержка бесполезна. Я действительно так считаю.

— Не сомневаюсь. И уверен, что вы правы, — сказал инспектор. «Хитрый старый лицемер!» — с восхищением подумал Эллери. Посмотрев на Берка, он увидел, что шотландец с трудом сдерживает усмешку. — В этом заключалась суть вашего разговора с миссис Армандо?

— Да.

— В котором часу вы ушли из квартиры вашей тети?

— Думаю, около половины двенадцатого.

— Она вас проводила?

— Да, до лифта.

— А она говорила, что хочет повидаться с вами снова?

— Да. Она просила позвонить ей на будущей неделе, чтобы сходить со мной на ленч в ресторан «Сарди». Я ответила, что постараюсь, хотя ничего не обещала, и ушла.

— Оставив ее одну — живую и невредимую?

— Разумеется.

— Когда вы спустились, в вестибюле кто-ни-

будь был?

— Нет.

— Куда вы отправились потом?

— Домой. — Подтекст вопросов инспектора Квина начал сердить девушку — ее розовые щеки покраснели, а грудь под свитером бурно вздымалась, что привлекало особое внимание Карлоса Армандо, чьи выпуклые глаза вздрагивали, как ртуть в поисках равновесия. — Куда еще я могла отправиться в такое время, инспектор?

— Полагаю, вы взяли такси?

— Нет. Я пошла пешком. Это нарушение каких-то правил?

— Пошли пешком?

— Через Центральный парк. Я живу в Вест-Сайде…

— Тогда это, безусловно, не по правилам, — сказал старик. — Неужели вам не говорили, как опасно для девушки одной идти через Центральный парк ночью? Разве вы не читаете газеты?

— Полагаю, это было глупо, — признала Лоретт. Эллери подумал, что она хотя и вспыльчива, но обладает удивительным для девушки ее возраста и происхождения самообладанием. Теперь Лоретт тщательно подбирала слова. — Но я была не столько расстроена, сколько… ну… возбужде-

на и, боюсь, не могла толком соображать. Мне внезапно захотелось пройтись, а прямая дорога шла через парк. Не понимаю, инспектор, какое отношение к смерти моей тети имеет то, как я добралась домой в среду ночью?

— По дороге вы не встретили никого из знакомых?

— Нет.

— А в вашем доме?

— Нет.

— Насколько я понимаю, вы живете одна?

— Совершенно верно, инспектор Квин. — Голубые глаза сверкнули. — Если вас интересует, что я делала, придя в свою квартиру, — уверена, что это ваш следующий вопрос, — то я разделась, приняла ванну, почистила зубы, прочла молитву и легла спать. Хотите знать что-нибудь еще?

Эллери усмехался при виде выражения отцовского лица. Инспектору нравилось класть противника на лопатки, но этот ему не поддавался. Вставные зубы старика вновь блеснули в улыбке — на сей раз в почти уважительной.

— Ваша тетя упоминала о своем завещании?

— О завещании? Почему она должна была это делать?

— Упоминала или нет?

— Разумеется, нет.

— По словам мистера Берка, миссис Армандо, провожая его в тот вечер, сказала, что ожидает мужа вскоре после полуночи. — Муж миссис Армандо перенес внимание со свитера Лоретт на усы старика, но лишь на миг. — Вы слышали, как она это говорила, мисс Спанье?

— Нет, но она сказала мне то же самое после ухода мистера Берка.

— Однако вы не видели мистера Армандо той ночью?

— Я не видела мистера Армандо до сегодняшнего дня.

Если это правда, подумал Эллери, то Армандо вовсю наверстывал упущенное. Его взгляд становился откровенно похотливым. Лоретт, казалось, этого не замечала, сосредоточившись на своем инквизиторе.

— У меня вопрос, — внезапно заговорил Эллери. — После того как Гарри Берк покинул квартиру Армандо, оставив вас наедине с вашей тетей, ей звонили по телефону? Или, может быть, в дверь?

— Нас ни разу не прерывали, мистер Квин. Конечно, я не знаю, что происходило, когда я ушла.

— Не помните ли вы, говорила ли миссис Ар-

мандо — какой бы мелочью это ни казалось — о чьем-нибудь лице?

— О лице?

— Да, о лице.

Девушка покачала светловолосой головой. Она выглядела искренне озадаченной.

— Нет, не припоминаю ничего подобного.

— Тогда, думаю, это все, мисс Спанье. — Инспектор поднялся. — Кстати, полагаю, поверенный вашей тети, Уильям Мелоуни Вассер, говорил вам о чтении ее завещания?

— Да. Я должна прийти к нему в офис в понедельник, сразу после похорон.

Старик кивнул.

— Простите, что побеспокоил вас в первый день Нового года.

Лоретт встала и с довольно высокомерным видом направилась к двери. Каким-то образом Карлос Армандо опередил ее и первым взялся за ручку.

— Позвольте мне, Лоретт… Не возражаете, что я называю вас по имени? В конце концов, я ваш дядя.

Красивые брови слегка сдвинулись над голубыми глазами.

— Благодарю вас, мистер Армандо.

— О нет, не мистер Армандо! Карлос.

Девушка улыбнулась.

— Могу я подвезти вас домой? Или туда, куда вы идете?

— В этом нет необходимости.

— Но мы должны познакомиться поближе. Возможно, вы позволите угостить вас обедом? Должно быть, вы хотите побольше узнать о Джи-Джи. Теперь, когда она умерла так скоро после того, как нашла вас, я чувствую ответственность…

Это было все, что слышали трое мужчин, прежде чем дверь закрылась.

— Паршивый бабник. — Гарри Берк скорчил гримасу. — Не тратит время зря, верно?

— Похоже, — пробормотал Эллери, — наш противник очень умен.

Часть вторая
ПОЛОВИНА ЛИЦА

Физиономия... может также служить нам для догадок.
Ла Брюйер

Глава 12

Эллери открыл глаза. Было обычное зимнее серое утро. Его отец уже ушел, а Гарри Берк в кабинете просматривал утреннюю газету.

— Вы спали так крепко, что мне не хватило духу разбудить вас, — сказал Берк. Шотландец был одет и чисто выбрит, постель на кушетке была убрана, а на электроплитке Эллери закипал кофейник. — Я уже несколько часов как поднялся.

— Вы плохо спали? — Эллери бросился к кофейнику, как человек, умирающий от жажды. Он спал урывками, и ему постоянно снилось безликое лицо, увенчанное крашеными волосами Глори Гилд, и, лишь когда дневной свет уже начал проникать сквозь жалюзи, он погрузился в глубокий сон без сновидений.

— Я спал как бревно, — весело отозвался Берк. — Ваша кушетка — идеальное место для сна. Моя единственная жалоба — отсутствие чая в кухонном шкафу.

— Сегодня я куплю чай.

— О нет, — запротестовал шотландец. — Довольно того, что я навязался вам на одну ночь. Я переберусь в отель.

— И слышать не желаю. Возможно, вам придется задержаться в Нью-Йорке, Гарри, но ваши расходы уже не оплачивает клиент, а цены в здешних отелях постоянно повышаются.

— Очень любезно с вашей стороны, Эллери.

— Я вообще жутко любезная персона. Что интересного в газете?

— Ничего, что бы мы не знали. Хотя в одной колонке говорится о прошлом Армандо.

— Кто автор статьи?

— Кип Кипли.

Эллери поставил чашку и схватил газету. Он хорошо знал бродвейского обозревателя — Кипли не раз поставлял ему ценную информацию. Сегодняшняя колонка почти целиком была посвящена супругу покойной Глори Гилд. Эллери живо представил себе Армандо, демонстрирующего свои великолепные зубы.

— Большая часть этого давно стала достоянием публики, Гарри, но думаю, Кип придерживает напоследок самое интересное. Это подало мне мысль.

Он заглянул в свою адресную книгу и набрал номер телефона Кипли, отсутствующий в официальных справочниках.

— Кип? Это Эллери Квин. Я тебя разбудил?

— Нет, — откликнулся знакомый писклявый голос обозревателя. — Я уже завтракаю. Меня интересовало, когда ты позвонишь, Чарли. Ведь ты по горло увяз в деле Джи-Джи, не так ли?

— В общем да. Кип, я бы хотел повидаться тобой.

— В любое время. Мой дом открыт.

— Наедине.

— Разумеется. В час дня у меня?

— Договорились. — Эллери положил трубку. — Кип неистощим, как винный рог Тора,[20] — сказал он Берку. — Дайте мне двадцать минут на завтрак, Гарри, и мы постараемся вытянуть у Кипа, какие сенсации он приберегает.

---

[20] ПРИМЕЧАНИЯ: 20

Тор — в германской и скандинавской мифологии бог грома и бури.

Глава 13

Журналист оказался маленьким смуглым суетливым человечком с профилем дожа,[21] одетым в плотное шелковое кимоно ручной работы.

— Прошу прощения за неглиже, — сказал Кипли, вяло пожимая руку Эллери. — Я никогда не одеваюсь до четырех. А это кто?

Эллери представил Берка, который подвергся быстрому осмотру парой черных птичьих глаз.

— Гарри Берк? Никогда не слышал.

Кипли кивнул в сторону бара, где хлопотал слуга-пуэрториканец Фелипе; благодаря колонке Кипли он, вероятно, был самым разрекламированным слугой во всем Манхэттене. Квартира в пентхаусе была стерильно чистой, но абсолютно свободной от воздействия женской руки. Кипли был известным ипохондриком и женоненавистником, испытывавшим при этом страсть к порядку не меньше любой домохозяйки.

— Что будете пить? — К тому же он был трезвенником.

---

[21] ПРИМЕЧАНИЯ: 21

Дож — глава Венецианской (VII–XVIII вв.) и Генуэзской (XIV–XVIII вв.) республик.

— Спасибо, для меня пить рановато, — сказал Эллери.

Берк, почувствовав настрой, тоже отказался, хотя пожирал глазами бутылку «Джонни Уокера» с черной этикеткой. Кипли кивнул Фелипе, и слуга удалился. Берку казалось, что репортер доволен.

— Присаживайтесь, джентльмены. Что вы хотите знать?

— Все, что ты раскопал о графе Армандо, — ответил Эллери. — И я не имею в виду перепевы старого, которые ты напечатал сегодня утром.

Обозреватель усмехнулся:

— Всему свое время, Чарли, — тебе я не должен это объяснять. А что у тебя есть интересного для меня?

— Пока ничего, потому что я еще ничего не знаю. Если я на что-то наткнусь, то дам тебе знать, Кип, и ты получишь свое quid pro quo.[22]

Кипли посмотрел на него.

— Насколько я понимаю, присутствие мистера Берка не мешает?

— Гарри — частный детектив из Лондона и в некотором роде связан с делом.

— Если хотите, мистер Кипли, я уйду, — без

---

[22] ПРИМЕЧАНИЯ: 22
Одно за другое (лат.).

всякой обиды сказал Берк, приподнявшись.

— Сядьте, Чарли. Я просто предпочитаю знать, кому поверяю девичьи тайны. Значит, в деле есть британский элемент? Какой?

— Кто кому поверяет девичьи тайны? — усмехнулся Эллери. — Давай, Кип, колись. Я же сказал, что мы внакладе не останемся.

Кипли сморщил венецианский нос.

— Строго говоря, Армандо — порядочная сволочь. Настоящий сексуальный маньяк. И скользкий, как плита однорукой грязнули кухарки. То, как он загадил за пять лет гнездышко Джи-Джи, вызывает тошноту даже у меня, хотя эта глупая старая канарейка, насколько я знаю, ни о чем не подозревала.

— Он изменял ей?

— «Изменял» — не то слово. Тянул свои лапы к каждой бабе, которую видел. У него даже развилась ностальгия.

— Что ты имеешь в виду?

— Его тянет назад, к его прежним женщинам. К примеру, Армандо однажды видели в одном ночном заведении с номером семь из его хит-парада — предшественницей Джи-Джи, мясоконсервной дамочкой, миссис Герти Ходж Хаппенклаймер, которая застукала его с горничной и вышвырну-

ла вон без единого цента. Сейчас Герти живет в Нью-Йорке, в шикарных апартаментах на Бикмен-Плейс, которые обходятся в пятьдесят тысяч за год, и Армандо каким-то образом удалось вернуть ее милость. Не спрашивай меня, как он это проделывает. Конечно, ни одна женщина не в состоянии видеть дальше резинки от своих панталон, но ведь жизнь состоит не из одной постели. Что они находят в этом проходимце? Разве только он изобрел способ, который упустили Крафт-Эбинг и Кинси.[23]

— Вопрос в том, что Армандо нашел в миссис Хаппенклаймер, — вмешался Гарри Берк. — Когда я еще работал в Ярде, Эллери, то видел ее на одном из садовых приемов королевы. Фигура как у бифитера,[24] увенчанная трехфутовой шляпой. Возможно, для Армандо это вопрос профессиональной гордости, поскольку первый раз ему не удалось обвести ее вокруг пальца.

— Это может быть его слабостью, — кивнул Эллери. — Что еще, Кип?

— Я пока не покончил с его экс-женами. Арман-

---

[23] ПРИМЕЧАНИЯ: 23

Крафт-Эбинг, Рихард, барон фон (1840–1902) — немецкий невролог. Кинси, Альфред Чарлз (1894–1956) — американский биолог.

[24] ПРИМЕЧАНИЯ: 24

Бифитер — страж лондонского Тауэра.

до видели с номерами три и четыре. Номером три была миссис Арден Влитланд, по прозвищу Платформа, которая развелась с банкиром Хендриком Б. Влитландом, чтобы выйти замуж за Армандо, — этот брак распался после скандала в Ньюпорте, где гости уворачивались от хрустальных канделябров и других ценных предметов, включая две картины Пикассо. Номером четыре была бостонская дама-алкоголичка Даффи Дингл, владелица скаковых лошадей, — она записалась в общество анонимных алкоголиков и продержалась четыре года, а Армандо видели в бостонских бистро покупающим ей водку и мартини целыми квартами — думаю, только из вредности.

— Симпатичный парень, — пробормотал Берк.

— Куда уж симпатичней, — усмехнулся Кипли.

— Хаппенклаймер, Платформа, Даффи, — перечислил Эллери. — Три экс-супруги. Насколько я понимаю, Кип, твой список не истощился?

— Приберег самое интересное напоследок, — ответил Кипли.

— Я весь дрожу от нетерпения.

— Секретарша Джи-Джи — как бишь ее… Джин Темпл.

— Ну и ну! — воскликнул Берк.

— Для него это было чертовски рискованно, —

заметил Эллери. — Или он круглый идиот? Под самым носом у Глори!

— У Армандо бывают приступы чисто животной хитрости. С Джин Темпл он встречался в загородных ресторанчиках и не слишком часто. Только охотники за грязью вроде меня могли это раскопать.

— Я еще не встречал эту Темпл. Там хоть есть на что посмотреть?

— Пара сисек, окруженная стандартным количеством рук и ног, и с лицом, похожим на раздавленное яйцо.

— Бедного европейца поразила американская болезнь, — пробормотал Эллери. — Наша культура зациклена на женском бюсте. Кто-нибудь еще остался?

— Я только начал.

— Лучше я буду записывать. — Эллери действительно достал записную книжку и начал писать.

— Никудышняя актриса по имени Роберта Уэст. — Берк при этом слегка побледнел. — Денег у нее нет, но она молодая и хорошенькая. Очевидно, графу иногда требуется отдых от старых сучек. Но он не виделся с Уэст шесть или семь месяцев, так что с ней, вероятно, уже покончено. — Эллери и Гарри обменялись взглядом. — В чем дело? Я

сказал что-то не то?

— Нет, — ответил Берк.

Черные глаза Кипли недовольно прищурились.

— Вы, часом, не скрываете что-то от меня?

— Да, — кивнул Эллери. Вид у Берка был страдальческий. — Но мы не имеем права посвящать тебя в это, Кип. К тому же связь Роберты Уэст с этим делом, по-видимому, скоро прекратится. Кто еще?

Репортер что-то отметил в блокноте.

— Этой информации официальные источники мне не предоставили. Спасибо за подсказку… Ну, еще Марта Беллина.

— Оперная певица?

— Собственной персоной. Беллина вроде была лучшей подругой Джи-Джи. Армандо подкатывался и к ней, и, видимо, Марта не устояла, хотя держала это в глубокой тайне. Ох уж эти женщины!

— Невероятно, — пробормотал Берк.

— Марта Беллина, — записал Эллери. — Кто следующая?

— Ее врач.

— Чей врач? — Эллери поднял взгляд.

— Джи-Джи.

Эллери выглядел ошарашенным, и Кипли засмеялся:

— Если Армандо гомик, то его на этом не застукали. Нет, это женщина-врач — Сьюзан Меркелл, доктор медицины.

— Ларинголог с Парк-авеню, популярная у представителей шоу-бизнеса?

— Она самая. Красивая женщина, никогда не была замужем. Как раз для графа. Все, что ему нужно было сделать, — это симулировать боль в горле и отправиться в приемную доктора Меркелл. Судя по моей информации, во время визитов Армандо обследованию подвергается не он, а она.

— Где вы раскапываете всю эту грязь? — с отвращением осведомился Гарри Берк.

— Разве я спрашиваю, где вы устанавливаете «жучки» для прослушивания? — дружелюбно отозвался журналист. — Далее следует шлюшка под вуалью.

— Что? — воскликнул Эллери.

— Графа видели в компании цыпочки, которая всегда носит фиолетовую вуаль — такую плотную, что лица не разглядишь.

— Всегда?

— Да.

— Сколько ей лет?

— Можно определить возраст женщины, не видя ее физиономии? Если бы солнце погасло, и электричество перестало работать, все старушки были бы вне себя от радости.

— А как насчет ее волос?

— Иногда они светлые, иногда рыжие, а иногда черные. Но это одна и та же женщина в париках… Вижу, вы оба заинтересовались мадам Икс. Я тоже. Армандо ведет себя глупо, появляясь в городе с дамой под вуалью. Это все равно как если бы она носила купальный костюм без верха. Неужели вы никогда не читали мою колонку?

— Не так часто, как буду читать теперь, — с энтузиазмом ответил Эллери. — Между прочим, тебе известно, когда Армандо в последний раз видели с таинственной леди под вуалью?

— По-моему, перед Рождеством. Ты задаешь наводящие вопросы, приятель. Какое значение имеет дата, а?

— Это всего лишь идея, над которой я работаю. Остался еще кто-нибудь?

— Я истощился, — ответил Кипли.

Эллери подал знак Берку.

— Не могу выразить, Кип, как я тебе благодарен…

— Можешь засунуть свою благодарность сам знаешь куда. Подкинь мне факт поинтереснее — и мы в расчете.

Глава 14

Они отправились в полицейское управление и провели остаток дня, просматривая страницу за страницей в дневниках и мемуарах Глори Гилд. Дневниковые записи большей частью были незначительны — приемы гостей, посещаемые вечеринки, уик-энды, реакции на премьеры, иногда ядовитые комментарии по адресу поп-певцов. То и дело попадались сплетни о звездах шоу-бизнеса, как будто покойная Джи-Джи так полностью и не выросла из провинциальных одежд Среднего Запада. В дневниках на удивление редко упоминался ее муж, а о связях Карлоса с другими женщинами, подлинных или воображаемых, не говорилось ни слова. Либо Глори Гилд не была осведомлена о его погоне за юбками, либо предпочитала ее игнорировать, по крайней мере в эпистолярном жанре.

В записях не было никаких указаний на то, что она могла подразумевать под «лицом». Отсутствовали также упоминания о женщине под вуалью

и вообще о вуали, фиолетовой или какого-либо иного цвета.

Внимательное изучение мемуаров Джи-Джи — отпечатанных фрагментов или записей, на которых они были основаны, — в равной степени не обнаружило ничего, что могло быть даже отдаленно связано со смертью певицы.

Просмотр рапортов инспектора Квина также не привел ни к чему — в них не было ничего, о чем бы уже не знали Эллери и Берк. Полицейским детективам удалось раскопать несколько комьев грязи — возобновившийся альянс Арманд о с экс-супругой номер три, Арден Влитланд, по прозвищу Платформа; его шашни с секретаршей жены, Джин Темпл, и с ее врачом, доктором Сьюзан Меркелл; его дуэт с оперной певицей Мартой Беллиной. Но не было ни единого рапорта о супруге номер четыре, алкоголичке из Бэк-Бей Даффи Дингл, или номер семь, Герти Ходж Хаппенклаймер — непосредственной предшественнице Глори Гилд, — а тем более о женщине под вуалью.

— Я позвоню в Бостон насчет Дингл, — сказал инспектор, — но в первую очередь меня интересует эта дама под пурпурной вуалью…

— Фиолетовой, — серьезно поправил Эллери. —

Это большая разница.

— Отвяжись, — огрызнулся его отец. — Миссис Хаппенклаймер меня интересует меньше. Она единственная из жен, с которой Армандо не смог содрать ни цента. Не думаю, чтобы такая женщина пошла бы ради него на убийство.

— Все же, по словам Кипли, она продолжает с ним встречаться. Почему?

— Кто может понять женщин? Возможно, на нее нахлынули нежные воспоминания. Займись ею, если хочешь.

— Именно это мы с Гарри и намерены сделать.

Тем же вечером они отыскали Герти Хаппенклаймер на благотворительном балу в отеле «Американа». Она бросалась в глаза, как взрыв атомной бомбы в пустыне Нью-Мексико — женщина в виде грибообразного облака, возвышающегося над танцевальным залом.

— Что, если я попробую с ней познакомиться? — шепнул Берк. — Герти наверняка неравнодушна к англичанам.

— Но вы шотландец.

— Можете мне поверить, старина, что она не почувствует разницы.

Эллери наблюдал, как Берк, маневрируя широкими плечами, приближается к столу с пуншем,

где миссис Хаппенклаймер что-то кричала в ухо монополизированному ею африканскому дипломату. Спустя несколько минут англичанин уже танцевал с ней, аккуратно пристроившись под ее шляпой. Еще через некоторое время он вернулся.

— Легче легкого, Эллери. Мы приглашены на завтрак следующим утром. Она была очарована.

— Чем?

Берк усмехнулся:

— Я сказал ей, что мы встречались на приеме в саду у королевы. После этого я мог получить ее бюстгальтер в качестве сувенира. Хотя, если подумать, на кой черт он мне нужен?

— В качестве гамака, — мрачно предположил Эллери, глядя на внушительные формы Герти.

Солнечным воскресным утром ровно в одиннадцать их впустил в двойные апартаменты на Бикмен-Плейс дворецкий-англичанин с бакенбардами. Сообщив, что мадам ожидает их, он проводил гостей на застекленную террасу, где миссис Хаппенклаймер восседала в огромном плетеном кресле за столом, накрытым для троих.

— Как я рада вас видеть, мистер Берк! — громогласно воскликнула хозяйка дома. — И рада познакомиться с вашим другом… вы сказали, Эллери Квиг?.. Ах да, Квин! Как неловко с моей

стороны! Пожалуйста, садитесь, мистер Квин! И вы тоже, мистер Берк…

Гарри Берк пустился в чисто британскую вежливую болтовню ни о чем, пока дворецкий подавал блюда из огромных размеров мармита.[25] Миссис Хаппенклаймер поглощала в количестве, соответствующем ее габаритам, оладьи, яйца всмятку, сосиски, копченую лососину, тосты и кофе. Поскольку она была облачена в белое платье, Эллери, больше слушавший, чем говоривший, невольно подумал о Моби Дике. Не был ли Карлос Армандо неким подобием капитана Ахава,[26] преследуя ее из мести и настолько подчинив своей воле, что она согласилась совершить убийство? Или он скорее был Маугли, оседлавшим слона Хатхи к их обоюдному удовлетворению?

— Да, — говорил хозяйке Гарри Берк. — Я также недавно столкнулся с графом Армандо… О боже, полагаю, мне не следовало упоминать о нем, миссис Хаппенклаймер. Кажется, вы и граф когда-то были женаты?

---

[25] ПРИМЕЧАНИЯ: 25

Мармит — стальной шкаф с подогревом для пиши.

[26] ПРИМЕЧАНИЯ: 26

Моби Дик — белый кит из одноименного романа американского писателя Германа Мелвилла (1819–1891). Капитан Ахав — герой романа «Моби Дик».

— Были, но он никакой не граф, и нет причин, по которым вы не должны его упоминать, мистер Берк. — Женщина протянула руку к сигарете, и Берк быстро щелкнул зажигалкой. Закурив, она громко рыгнула, откинулась на спинку кресла и засмеялась, трясясь всем телом. — Карлос — мошенник до мозга костей, но устоять перед ним невозможно — он такой галантный! Хотя вряд ли он простил мне, что я привела фотографа, подловив его с горничной. Я только позавчера вечером пошутила на этот счет, когда разговаривала с ним.

— Вот как? — отозвался Берк. — Вы снова с ним видитесь, миссис Хаппенклаймер? По-моему, это весьма достойно с вашей стороны. Как говорится, кто старое помянет…

— Почему я не могу с ним видеться? Ведь Карлос не может вытянуть из меня ничего, что я бы сама не хотела ему дать, не так ли? Конечно, — добавила миссис Хаппенклаймер с видом задумчивой слонихи, — учитывая ситуацию, в которой он оказался, мне, возможно, следует порвать с ним окончательно. — Она взяла ускользнувший от ее внимания тост с корицей и стала жевать его, держа дымящуюся сигарету между украшенными драгоценностями пальцами другой руки. — Я не

могу позволить себе быть замешанной в подобную историю.

— Вы имеете в виду смерть его жены?

— Убийство его жены, — поправила женщина и бросила корку толстому кокер-спаниелю, ожидавшему подачки.

Эллери внезапно осенило. Несмотря на внешность, Герти Хаппенклаймер отнюдь не была дурой. Говоря с Гарри Берком, она время от времени бросала взгляды на «Эллери Квига», как будто все время знала, кто он.

Эллери принял решение.

— Боюсь, мы съели ваш чудесный завтрак под фальшивым предлогом, миссис Хаппенклаймер, — заговорил он. — Мы пришли сюда, так как расследуем убийство миссис Армандо.

Берк выглядел обиженным.

— Все постоянно пытаются мною воспользоваться, — спокойно сказала Герти. — Можете расследовать сколько душе угодно, мистер… как вас там. Мне нечего скрывать.

— Квин, — сказал Эллери. — Я очень этому рад, миссис Хаппенклаймер, так как с легким сердцем могу спросить, как вы провели полчаса до полуночи в прошлую среду.

— В последнюю ночь перед Новым годом? Дай-

те подумать… Ах да! Я была в ООН на приеме, устроенном для посла какой-то страны в Юго-Восточной Азии. Потом я и еще несколько человек отправились в один из… как их называют?.. диско-что-то… на Шеридан-сквер в Гринвич-Виллидж.

— В какое время вы ушли с приема?

— Около половины одиннадцатого. — Проницательные глаза, тонущие в складках жира, окинули Эллери взглядом. — Меня подозревают в убийстве Глори Гилд? Это было бы слишком забавно.

— Что же тут забавного, миссис Хаппенклаймер?

— Зачем мне убивать жену Карлоса? Чтобы снова выйти за него замуж? Одного раза было вполне достаточно, благодарю покорно. Он меня развлекает, и я вполне довольна нашими теперешними отношениями, вернее, была довольна до убийства Глори Гилд. Эта идея просто нелепа.

— Прямо с приема вы с группой людей отправились в Гринвич-Виллидж?

— Совершенно верно.

— Вы покидали дискотеку на какое-то время?

— Нет, мистер Квин. — Она широко улыбнулась.

— А когда закончилась вечеринка в Виллидж?

— Около трех часов ночи. Мне жаль вас разочаровывать. — Улыбка сменилась утробным смехом.

— Это дело в основном состоит из разочарований, миссис Хаппенклаймер. Разумеется, мы проверим вашу историю.

— Конечно. — Женщина продолжала усмехаться, но, повернувшись к Гарри Берку, надула губы, как исполинский обиженный ребенок. — А вам должно быть стыдно, мистер Берк! Я действительно клюнула на этот прием в саду у королевы, и я не имею в виду мистера Квина.[27]

— А я действительно был там, — не моргнув глазом отозвался Берк. — Присматривал за драгоценностями.

— Из вас бы вышел чудесный лорд, — вздохнула миссис Хаппенклаймер. — Хокинс… («Как же еще могут звать ее дворецкого?» — подумал Эллери.) проводите этих джентльменов.

Они нашли Джин Темпл в доме на Восточной Сорок девятой улице, где, судя по карточке под звонком в подъезде, она проживала вместе с девушкой по имени Вирджиния Уайтинг. Квартира

---

[27] ПРИМЕЧАНИЯ: 27
Queen (Квин) — королева (англ.).

состояла из спальни, гостиной и кухни — спальня и кухня были крошечными, а гостиная достаточно просторной. Всюду царил чисто девический беспорядок. Обе женщины были в вязаных кофтах, слаксах в обтяжку и босиком. Мисс Уайтинг оказалась довольно хорошенькой, с живыми серыми глазами, но Джин Темпл походила на мышку — ее единственным заметным атрибутом был могучий бюст, напрягавший кофту до предела.

— Нет, я не возражаю против присутствия Вирджинии, — сказала Джин. Она выглядела лет на тридцать, но Эллери подозревал, что ей гораздо меньше. В карих глазах под стеклами очков в алюминиевой оправе мелькал страх. — Я даже предпочитаю…

— Спокойно, Джинни, — вмешалась другая девушка. — Тебе нечего бояться.

— Знаю, — отозвалась секретарша Глори Гилд, — но они, похоже, этого не знают. Почему вы не можете оставить меня в покое? Я уже рассказала все, что могла…

— Не все, мисс Темпл, — возразил Эллери.

Увядшая кожа на лице пожелтела.

— Не понимаю, что вы имеете в виду.

— Я имею в виду вас и Карлоса Армандо.

Желтизна начала краснеть.

— Меня и Карл… графа Армандо?

— Ваши отношения с ним.

— О чем вы? Он рассказал вам…

— По нашей информации, у вас и Армандо была связь в тайне от миссис Армандо.

— Это неправда!

— Боюсь, что правда. Вас неоднократно видели с ним в пригородных ресторанах и барах, мисс Темпл. Люди типа Армандо не встречаются тайком с секретаршами их жен для диктовки.

— Мы не хотим порочить вашу репутацию, мисс Темпл, — мягко заговорил Гарри Берк. — Нас интересуют только факты.

Женщина молчала, сплетая пальцы лежащих на коленях рук. Внезапно она подняла взгляд.

— Да, у нас была связь. Сама не знаю, как это случилось. Я пыталась прекратить ее, но Карлос не позволял. Он угрожал мне, что если я сделаю это, то потеряю работу. Мне нравилась моя работа — миссис Армандо хорошо платила и обращалась со мной прилично… ну, большую часть времени… Я чувствовала себя виноватой… Но после первого раза он не давал мне покоя…

— Мы знаем, какой он был свиньей, — проворчал Берк.

Эллери нахмурился при этом непрофессиональном замечании. Но оно подействовало на Джин Темпл, которая почуяла в шотландце союзника. После чего адресовала свои ответы только ему, словно в благодарность. Вирджиния Уайтинг сидела молча. Разумеется, она знала о связи — Джин едва ли могла скрывать это от нее.

— А вы знали Карлоса Армандо, мисс Уайтинг? — внезапно осведомился Эллери.

Сероглазая девушка выглядела удивленной.

— Я? Едва знала. Я видела его в этой квартире, по-моему, пару раз, но тут же уходила в кино, чтобы не мешать.

Вирджиния казалась Эллери все более симпатичной.

— Он не приставал к вам?

— Один раз, когда Джинни подкрашивала лицо в ванной, — мрачно ответила она. — Но я беру уроки карате и продемонстрировала их на нем. Больше он не пытался это делать.

Джин Темпл открыла рот от удивления.

— Ты никогда мне об этом не говорила, Вирджиния.

— Я о многом тебе никогда не говорила, Джинни. Включая то, какой простофилей ты была, попавшись в лапы этому волку.

— Я знаю, что была дурой, — вздохнула Джин.

— Армандо никогда не говорил, что женится на вас? — спросил ее Эллери.

— Нет.

— Я имею в виду, если вы избавите его от жены?

Ее глаза сверкнули.

— Конечно нет! За кого вы меня принимаете, мистер Квин? Полиция тоже так считает?

— Эта мысль приходила им в голову. Он никогда не делал вам такого предложения? Даже не намекал на это?

— Нет! В противном случае я бы сразу пошла к миссис Армандо и все ей рассказала! — Джин дрожала всем телом. Вирджиния Уайтинг взяла ее за руку, и она заплакала.

— Простите, что расстроил вас, мисс Темпл. Осталось немногое. Как вы провели вечер 30 декабря — прошлой среды?

— Но я уже все рассказала детективам…

— Повторите еще раз, ладно?

— Я подтверждаю алиби Джин, — спокойно заговорила Вирджиния. — В тот вечер мы вместе ужинали. Никто из нас не покидал квартиру — я хотела отдохнуть, так как следующим вечером собиралась идти встречать Новый год.

Мы с Джинни весь вечер смотрели телевизор — одиннадцатичасовые новости, потом часть шоу Джонни Карсона. В начале первого мы выключили телевизор и пошли спать — одновременно.

— Мисс Темпл ни разу не выходила в среду вечером?

— Нет. И я тоже, так что мне это известно.

— Пожалуй, это все. — Эллери поднялся, и Берк последовал его примеру. Джин Темпл вытерла глаза. — Да, еще одна деталь, мисс Темпл. Слово «лицо» о чем-нибудь говорит вам?

Девушка казалась недоуменной.

— Лицо — f-a-c-e.

— Не понимаю, что вы имеете в виду.

— Не помните, Глори Гилд когда-нибудь упоминала о чьем-нибудь лице? Около 1 декабря или позднее? Особенно в прошлую среду?

Секретарша покачала головой.

— При мне миссис Армандо никогда не упоминала ни о чьем лице. Она вообще была довольно рассеянна по отношению к лицам других людей — никогда не знала, какого цвета у кого глаза, и так далее. Миссис Армандо была близорукой и по какой-то причине не могла носить контактные линзы, а очками пользовалась только для чтения или работы. Она была довольно тщеславной и

всегда обращала внимание на одежду других женщин, но не на лица.

— Благодарю вас, мисс Темпл.

— Должны существовать специальные законы для таких ублюдков, как Армандо, — проворчал Гарри Берк, когда они уже сидели в такси. — Чтобы их можно было по распоряжению суда кастрировать, как псов.

— У него есть подход к женщинам, — рассеянно отозвался Эллери. — Если бы мы только могли раздобыть ключ к тому, что она имела в виду…

— Кто?

— Джи-Джи. Под словом, которое она написала. Это могло бы все объяснить.

— Откуда вы знаете?

— Чую нутром, Гарри.

Глава 15

Доктор Сьюзан Меркелл обескуражила посетителей. Она принимала гостей в большой квартире на Парк-авеню, расположенной позади ее приемной, и не скрывала раздражения тем, что ее побеспокоили в воскресенье.

— Могу уделить вам только несколько минут, — резко сказала доктор Меркелл, провожая Эллери

и Берка в кабинет. — Говорите, что вам нужно, и позвольте мне вернуться к моим гостям.

Это была маленькая женщина с фигурой, напоминающей песочные часы, грубыми мужскими руками и минимумом косметики. Но это в какой-то мере компенсировали классическая гладкая прическа, волосы натурального золотистого цвета и чувственные губы. Во всем ее облике ощущалась свойственная медикам печать властности.

— Что вы теперь хотите узнать? Меня уже расспрашивали.

— Мы хотим знать о ваших отношениях с Карлосом Армандо, — сказал Эллери.

— На этот вопрос я уже отвечала. — Суровые зеленые глаза не изменили выражения. — Граф Армандо был мужем одной из моих пациенток. Несколько раз он обращался ко мне за медицинской помощью. Следующий вопрос?

— Я еще не закончил с первым, доктор Меркелл. У вас когда-нибудь были отношения с Армандо, которые можно назвать непрофессиональными?

— Если вы думаете, что отвечу на это, то вы слабоумный.

— По нашим сведениям, такие отношения имели место.

— А ваши сведения включают доказательства? — Так как Эллери не ответил, доктор Меркелл улыбнулась и встала. — Думаю, что нет. У вас еще вопросы?

— Пожалуйста, сядьте, доктор. Мы не закончили. — Она пожала плечами и села. — Вы помните, где были в среду вечером? За день до кануна Нового года?

— В Центральной больнице.

— Что вы там делали?

— Меня вызвали на срочную консультацию.

— Кто был пациентом?

— Больной раком горла. Не помню имени.

— Кто именно вас вызвал?

— Врач общей практики по фамилии Кривитц — Джей Джером Кривитц. Присутствовал также хирург — доктор Исраэл Манчетти.

— В котором часу происходила эта консультация?

— Я прибыла в больницу около одиннадцати. Консультация продолжалась больше часа.

— Вы имеете в виду, что ушли уже после полуночи?

— А что еще я могу иметь в виду? Право, джентльмены, вы отнимаете у меня время и заставляете пренебрегать моими гостями. — Док-

тор Меркелл снова поднялась, и на сей раз было очевидно, что больше садиться она не намерена. — Как я вам уже говорила, все эти вопросы мне задавали раньше.

— Но не я, — парировал Эллери. — Доктор, слово «лицо» означает для вас нечто особо значительное?

Взгляд зеленых глаз стал стальным.

— Я ларинголог, а не дерматолог. Что именно это должно для меня означать?

— Не знаю, потому и спрашиваю. Не помните, упоминала ли когда-нибудь миссис Армандо о чьем-то лице или лицах вообще?

— Вы либо пьяны, либо невменяемы. Даже если она и упоминала, как я могу помнить подобные мелочи? Всего хорошего, джентльмены!

Глава 16

Марта Беллина, как выяснили Эллери и Берк, давала концерт в Лос-Анджелесе, поэтому они отправились в Главное полицейское управление, где, несмотря на воскресенье, застали инспектора, разбирающего горы рапортов.

— Ничего! — проворчал старик. — Ни капельки того, что можно было бы назвать развитием! А

что вам удалось обнаружить?

Эллери рассказал ему.

— Ну, тогда эти линии отпадают. Я уже проверил местопребывание миссис Хаппенклаймер в ночь убийства.

— А я думал, она тебя не интересует, — усмехнулся Эллери.

— Просто в качестве упражнения, — объяснил ему отец, — и все соответствует тому, что она тебе рассказала. Алиби секретарши подтверждает ее компаньонка по квартире, как вы только что выяснили. Бостон также очистил от подозрений экс-супругу номер четыре, Даффи Дингл, — ну и имечко для взрослой женщины! В прошлый понедельник она внезапно отправилась в спингфилдскую лечебницу избавляться от последствий водки с мартини, которыми ее накачивал Арманд, и с тех пор ни разу не покидала больничную территорию. Экс-жена номер три, Арден Влитланд, плавает с друзьями на яхте в Карибском море с прошлой субботы — береговая охрана заявляет, что яхта не заходила в порт после отплытия. А рапорт о докторе Меркелл подтверждает ее алиби в связи с консультацией в больнице.

— Как насчет оперной певицы? — спросил Гарри Берк.

— Марта Беллина в Лос-Анджелесе.

— Это мы знаем, инспектор. Но где она была вечером в прошлую среду?

— В Сан-Франциско. Три недели назад она отправилась в концертное турне и с тех пор не возвращалась в Нью-Йорк. Мы проверяли ее особенно тщательно, так как в наш реактивный век добраться в Нью-Йорк не составляет труда ниоткуда. Но, согласно информации, полученной от властей Калифорнии, у нее железное алиби.

— Остается женщина под фиолетовой вуалью, — пробормотал Эллери. — Что у тебя есть насчет нее, папа?

— Большое толстое ничего. Вернее, то же, что о ней известно твоему другу Кипли. Последний раз женщину, соответствующую этому описанию, видели с Армандо как раз перед Рождеством. Если он появлялся с ней где-то потом, нам не удалось это отследить.

— Остается женщина под фиолетовой вуалью, — повторил Эллери.

— Ну вот, заладил!

— Она единственная женщина, которую видели с Армандо, и у которой нет алиби на вечер убийства.

— Если только вы ее не разыщете и не выясни-

те, что алиби у нее имеется, — сказал Берк.

— О'кей, она могла быть сообщницей Армандо, — проворчал инспектор Квин. — Как и сотня других женщин, если на то пошло. Учитывая его магическое воздействие на противоположный пол, мы можем возиться с этим делом, пока НАСА[28] не высадит человека на Венере.

Последний разговор в тот день состоялся с самим магом. Они нашли Армандо в его вдовьих апартаментах на Парк-авеню со стаканом сильно разведенного водой бурбона в наманикюренной руке смотрящим по телевизору шоу Эда Салливана. Он не предложил им не то что выпить, но даже сесть.

— Наедине с телевизором, граф? — осведомился Эллери. — А я ожидал застать вас в компании леди с центрального разворота «Плейбоя», которая утешает вас, держа за руку.

— Мужлан! — отозвался Карлос Армандо. — Неужели я никогда не избавлюсь от вашего общества? Мою жену завтра хоронят, а вы меня терзаете! Что вам нужно?

— Я мог бы спросить вас о секрете вашего обаяния, но боюсь, подобные тайны не раскрывают

---

[28] ПРИМЕЧАНИЯ: 28

Национальное управление по аэронавтике и исследованию космического пространства.

посторонним. Кто такая женщина под фиолетовой вуалью?

— Прошу прощения?

— Бросьте, Армандо, — сказал Гарри Берк. — Вы ведь не играете в крестики-нолики с кучей легковерных женщин. Нам известно, что вы среди прочих обхаживали некую даму под фиолетовой вуалью, причем вполне открыто, что делает вас еще глупее, чем я думал. Мы хотим знать, кто она.

— Ну и хотите на здоровье.

— Вы понимаете по-английски, не так ли?

— Вам не вытянуть из меня ни слова об этой леди, — с гордостью заявил Армандо. — Вы, англосаксы, неотесанные деревенщины во всем, что касается женщин…

— Я шотландский горец,[29] старина, — возразил Берк, но Армандо не обратил на него внимания.

— Вот почему ваши попытки адюльтера так жалки в сравнении с техникой континентальных европейских мужчин. Мы знаем, чего хотят женщины, а вы знаете только то, чего хотите вы сами. А женщины хотят, во-вторых, — мне незачем говорить вам, чего они хотят во-пер-

[29] ПРИМЕЧАНИЯ: 29

Жители горной Шотландии, в отличие от равнинной, кельтского, а не англосаксонского происхождения.

вых, — чтобы их имена не трепали повсюду. Я слышал, как американские мужчины обсуждают свои победы на стадионах, в клубах, за бренди и сигарами, словно речь идет об уличных девках. Мне плевать на ваши вопросы. — И он скривил пухлые губы, как будто действительно собирался плюнуть.

— Молодчина! — сказал Эллери. — Но, Карлос, это не обычный разговор и не обычное дело. Вашу жену застрелили, и, совершенно очевидно, не случайно. А вы это подстроили…

— Я полностью отвергаю подобные обвинения! — горячо воскликнул Армандо. — Они оскорбительные и клеветнические! Напоминаю, что, когда мою жену застрелили, я был с визитом в квартире мисс Уэст. Будь у меня незаинтересованный свидетель, я бы привлек вас к суду за клевету. Но, увы, такого свидетеля у меня нет, поэтому могу лишь просить вас немедленно покинуть мое жилище.

Ни Эллери, ни Гарри Берк не двинулись с места.

— Хорош, верно? — усмехнулся Берк. — Ни стыда, ни совести. Хотел бы я разобраться с вами, граф, чтобы узнать, насколько вы мужчина, когда у вас застегнуты брюки.

— Вы мне угрожаете, мистер Берк? — с тревогой осведомился Армандо и бросил взгляд на телефон. — Если вы немедленно не уйдете, я вызову полицию!

— Меня терзает искушение позволить вам узнать, что это вам даст, — сказал Эллери. — Женщина под вуалью была одной из ваших любовниц, которую вы уговорили застрелить вашу жену, Армандо? Рано или поздно мы ее найдем, обещаю вам это.

Армандо улыбнулся:

— Желаю удачных поисков, друг мой.

Эллери озадаченно уставился на него.

— Пошли, Гарри, — сказал он. — Мне нужен свежий воздух.

Глава 17

— Куда мы едем? — спросила у Гарри Берка Роберта Уэст.

— Мне пришла в голову одна мысль, мисс Уэст, — робко ответил шотландец. — Надеюсь, вам это понравится.

Подчиняясь импульсу, он позвонил ей в воскресенье вечером, расставшись с Эллери, и застал ее не только дома, но и в подходящем настроении

для приглашения. Они пообедали при свечах в итальянском ресторанчике на Седьмой авеню, запивая еду бутылкой кьянти с трехфутовым горлышком.

Такси выехало на Пятьдесят девятую улицу и повернуло на запад. Под зимним звездным небом перед ними расстилались пустынные улицы.

Роберта с любопытством посмотрела на него:

— Вы выглядите ужасно возбужденным.

— Возможно, так оно и есть.

— Могу я спросить почему?

— По разным причинам. — Даже в темноте Роберта могла поклясться, что шотландец покраснел. — Например, потому, что вы рядом, — быстро добавил он.

Девушка засмеялась:

— Это новейший образец британской любезности? Здесь такое давно уже вышло из моды.

— Это не образец любезности, мисс Уэст, — чопорно отозвался Берк. — Я был слишком занят, чтобы изучать их.

— О!

Они ехали молча, пока такси не остановилось на площади. Берк заплатил водителю, помог Роберте выйти и подождал, пока такси отъедет.

— Что теперь? — спросила Роберта.

— Теперь вот что. — Берк осторожно взял ее за локоть, покрытый мехом ондатры, и подвел к первому из трех запряженных лошадьми экипажей, ожидающих у тротуара. — Поездка по Центральному парку… если не возражаете.

— Великолепная идея! — воскликнула Роберта и вскочила в карету, романтично пахнущую лошадью, старой упряжью и овсом. — Знаете что? — обратилась она к шотландцу, когда тот сел рядом и начал возиться с меховой полостью. — За все время, проведенное мною в Нью-Йорке, я ни разу не каталась в таких штуках.

— Знаете что? — отозвался Берк. — За все время, проведенное мною в Лондоне, я тоже ни разу в них не катался.

— Вы имеете в виду, что никогда не ездили в двухколесном экипаже?

— Ни разу в жизни.

— Удивительно!

Позже, когда карета катилась по Центральному парку, рука Гарри Берка нащупала под полостью руку Роберты.

Рука девушки была вежливо холодной, но она не отдернула ее.

Еще позже, на обратном пути, Гарри склонился к Роберте и через несколько секунд нашел ее

губы. Но они показались ему похожими на резиновые прокладки.

— И это все, что мне причитается, мисс Уэст? — удрученно спросил он.

Девушка хихикнула в темноте:

— Вам не кажется, Гарри, что при сложившихся обстоятельствах вы могли бы называть меня Роберта?

Расставшись с ней возле ее дома — Роберта запретила провожать ее наверх, — Берк осознал, что она так и не продемонстрировала, причитается ли ему что-нибудь еще.

Он вздохнул, надеясь, что со временем она это сделает.

Глава 18

Присутствие детективов на похоронах убитого является универсальной процедурой, основанной на магнетической теории, что убийцу тянет к его жертве до последнего возможного момента. Поэтому инспектор Квин отправил своих людей на кладбище Лонг-Айленда. Эллери не посетил церемонию — ему недоставало традиционной полицейской ментальности. Он и так знал, кто убийца — если не непосредственный, то, по край-

ней мере, вдохновитель преступления. Кроме того, Эллери был не в том настроении, чтобы лицезреть притворство Армандо. А на появление женщины под фиолетовой вуалью рассчитывать не приходилось — Армандо наверняка об этом позаботился.

— Он мог предупредить ее по телефону, — сказал Гарри Берк во время запоздалого завтрака. — До меня доходили сплетни, что в вашей прекрасной стране полиция иногда прослушивает телефонные разговоры.

— Не вижу зла и не слышу зла, — заявил Эллери между порциями яичницы с канадским беконом. — К тому же я сомневаюсь, что Армандо мог быть настолько беспечен. Если я правильно его оцениваю, то Фиолетовая Вуаль получила инструкции заблаговременно. Меня куда больше интересует сегодняшнее чтение завещания.

— Кто будет при нем присутствовать?

— Из тех, с кем мы еще не встречались, только Селма Пилтер — старый менеджер Глори. Кстати, нам лучше попробовать разузнать о ней.

Он снял телефонную трубку и набрал номер.

— Фелипе? Есть шанс, что мистер Кипли уже поднялся? Это Эллери Квин.

— Пойду посмотрю, — ответил Фелипе.

— Удивительная страна, — пробормотал Берк, глядя на часы.

В трубке послышался пронзительный голос обозревателя:

— Черт возьми, приятель, ты когда-нибудь спишь? Что с делом Гилд? Какой-нибудь прогресс?

— Боюсь, что нет. Мне просто нужна кое-какая информация.

— Ты имеешь в виду, еще кое-какая информация. А когда я получу мое pro quo?

— Все в свое время, Кип, — успокоил его Эллери. — Тебе что-нибудь известно о менеджере Глори, Селме Пилтер?

— Известно ли мне что-нибудь о Сфинксе? Ни кусочка грязи, если тебя это интересует. А если ты думаешь, что граф обхаживал Селму, забудь об этом. Даже для него есть предел. Она настоящая египетская мумия.

— Сколько ей лет, Кип?

— Четыре тысячи, если у тебя стопроцентное зрение. А если ты слеп, то седьмой десяток. Когда-то она тоже была певицей, но не добилась успеха, бросила это дело и стала получать проценты с чужого таланта. В этом ей удалось преуспеть — она сделала Глори миллионершей.

— Это мне известно. Есть еще что-нибудь, что мне бы следовало знать о ней?

— Ну, Селма и Глори были дружной парочкой. Между ними никогда не возникало размолвок, как часто случается у темпераментных артистов с их менеджерами. Одна причина в том, что Селма просто не могла представлять угрозу для других женщин, а вторая — что она действительно умела вести дела. Что еще? Да ничего. Если у нее и есть личная жизнь, то Селма о ней не распространяется. Она не из болтливых.

— Спасибо, Кип.

— Надеюсь, мне тоже представится возможность поблагодарить тебя, Чарли.

На чтение завещания они прибыли заблаговременно. Уильям Мелоуни Вассер оказался крупным, дородным мужчиной с галстуком-бабочкой в горошек и нервным тиком. Последнее забавляло Гарри Берка.

— Нет, я не могу утверждать, что хорошо знал Глори Гилд, — сказал нотариус, когда они ожидали в его офисе возвращения участников похорон. — Дела с ней в основном осуществлялись через Селму Пилтер — кстати, одну из самых толковых женщин, каких я когда-либо знал. Именно Селма рекомендовала Глори мою фирму, когда та

подыскивала себе поверенного. Селма направила ко мне многих своих клиентов.

— Следовательно, вы не очень долго были поверенным Глори?

— Около пятнадцати лет.

— Вот как? А кто был вашим предшественником?

— Уиллис Феннимен из фирмы «Феннимен и Гауч». Но старый Феннимен умер, а Гауч не нравился Глори — она говорила, что у них скверный ансамбль. — Расспросы скорее веселили, чем раздражали Вассера. — Насколько я понимаю, мистер Квин, меня допрашивают по делу об убийстве?

— Привычка, мистер Вассер. Прошу прощения. Кроме того, с вами уже беседовала полиция и пришла к выводу, что вы и ваша фирма чисты и непорочны, как лилия.

Вассер усмехнулся, а его секретарь сообщил о прибытии группы с похорон.

— Еще одно, мистер Вассер, — быстро сказал Эллери. — Слово «лицо» имеет для вас какой-нибудь особый смысл?

Нотариус выглядел озадаченным.

— Вы имеете в виду, в контексте этого дела?

— Совершенно верно.

Вассер покачал головой.

Глава 19

Карлос Армандо ввел Лоретт Спанье в нотариальную контору с почтительностью, которая не могла вызвать сомнений ни у кого из наблюдателей, а менее всего у девушки. Эллери показалось, что она была чем-то довольна, а чем-то раздосадована. Армандо занял пост позади ее стула. Лоретт являлась таинственным ингредиентом в блюде, которое ему предстояло отведать, поэтому с ней следовало обращаться осторожно. Джин Темпл он попросту игнорировал — Эллери не мог определить, вызвано ли это презрением или благоразумием. В любом случае ситуация для секретарши покойной складывалась прескверная. Рядом с полногрудой блондинкой с детским личиком, пухлыми губами и ямочками на щеках Темпл выглядела блеклой, как передержанная фотография. Безусловно, она понимала это, так как ее карие глаза окинули Армандо ненавидящим взглядом, прежде чем устремиться на лежащие на коленях собственные руки в перчатках.

Зато Селма Пилтер потрясла Эллери, заставив его усомниться в правильности суждения Ки-

па Кипли о ее внешности. Безобразие пожилой женщины превратилось в некое эстетическое качество, подобно уродству Линкольна или баронессы Бликсен.[30] Ее бесплотная фигура наводила на мысль о полых костях, как у птицы, — Эллери казалось, что она вот-вот взмахнет руками и полетит к стулу. Длинное лицо сужалось к почти отсутствующему подбородку, грубая смуглая кожа напоминала русло высохшей реки, изборожденное следами течений. Нос имел саблеобразную форму, губы состояли из множества мелких морщинок, и без того длинные мочки ушей вытягивались еще сильнее благодаря африканским серьгам из черного дерева. (Не были ли кресло, покрытое слоновьей шкурой, и воин племени ватузи в кабинете Глори Гилд подарками Селмы Пилтер? Запястья и пальцы пожилой женщины также украшали африканские изделия.) Тронутая серебром прядь крашеных черных волос выбивалась из-под шляпы без полей. Тощую фигуру скрадывал строгий костюм, а морщинистую шею — шарф; похожие на птичьи лапы ноги подпирали каблуки-шпильки. Но глаза — черные и блестящие, как у Карлоса Армандо, — были

[30] ПРИМЕЧАНИЯ: 30

Линкольн, Авраам (1809–1865) — 16-й президент США. Бликсен, Карсн (1885–1962) — датская писательница.

красивыми и смышлеными. В этой женщине ощущалось нечто средневековое. Эллери сразу же оказался ею очарован — и Гарри Берк, как он заметил, тоже.

Инспектор Квин пришел последним, бесшумно закрыв за собой дверь и прислонившись к ней спиной. Когда Эллери знаком предложил ему свой стул — в комнате их было только два, — старик покачал головой. Очевидно, он хотел оставаться в положении, позволяющем наблюдать за лицами остальных.

— Мы собрались здесь сегодня, — начал Вассер, — для чтения завещания Глори Гилд Арманд о. Двое из заинтересованных лиц не смогли присутствовать — Марта Беллина, находящаяся на гастролях в Калифорнии, и доктор Сьюзан Меркелл, которую вызвали из штата для консультации. Завещание, — нотариус отпер ящик стола и достал оттуда плотный конверт, запечатанный сургучом, — точнее, его копия, должным образом авторизовано и засвидетельствовано. — Он сломал печать и достал документ на голубом юридическом бланке. — Оно датировано 8 декабря прошлого года.

Эллери узнал конверт, который он нашел в одной из металлических коробок, спрятанных

за громкоговорителем, — конверт с надписью: «Мое завещание. Вскрыть моему поверенному Уильяму Мелоуни Вассеру». Дата показалась ему многозначительной. 8 декабря было всего неделей позже даты пустой страницы в дневнике Глори, к которой он поднес зажигалку, проявив слово «лицо». Очевидно, 1 декабря в жизни ушедшей на покой певицы произошло нечто важное, заставившее ее срочно организовать поиски племянницы, Лоретт Спанье, и в течение недели написать новое завещание — в существовании предшествующего Эллери не сомневался.

Он оказался прав, так как в этот момент Вассер прочел фразу: «Это мое последнее завещание, аннулирующее все предыдущие». Каков бы ни был результат, причина, очевидно, настолько встревожила Глори, что она не решилась упомянуть о ней в дневнике, написав лишь одно загадочное слово симпатическими чернилами, что все больше и больше напоминало приступ отчаяния.

Эллери постарался сосредоточиться на условиях завещания.

Вассер зачитал длинный перечень крайне незначительных сумм — от двадцати пяти до ста долларов, — оставленных отдельно поименованным благотворительным организациям.

Учитывая размеры состояния покойной, это демонстрировало новую сторону ее характера. Очевидно, она принадлежала к тем бережливым натурам, которые раздают дары по мелочам, дабы совершить максимум добрых дел с минимумом ущерба для себя, в силу конфликта между скупостью и стремлением прослыть щедрыми. Армандо, нависающий над светловолосой головой Лоретт Спанье, выглядел довольным.

Но завещание обнаружило парадоксы. Десять тысяч долларов были оставлены «моему преданному секретарю Джин Темпл». (Взгляд преданного секретаря на миг оторвался от колен и устремился на лицо нотариуса с удивлением, радостью и — Эллери был в этом уверен — стыдом.) «Моя дорогая подруга Марта Беллина» получила такую же сумму (парадокс заключался в том, что оперная дива была богата, как жена лидийского царя Крёза, благодаря не только профессиональным заработкам, но и состоянию двух мужей, которых она похоронила). «Моему дорогому врачу и подруге, доктору Сьюзан Меркелл» также достались десять тысяч долларов. (Еще одни pourboire[31] для богатой — практика

[31] ПРИМЕЧАНИЯ: 31
Чаевые (фр.).

доктора Меркелл приносила ей доход в шестизначных числах.)

Очередь дошла и до Селмы Пилтер. «Моему дорогому другу, чьему многолетнему и блистательному менеджменту я обязана всем…» Эллери внимательно наблюдал за старухой, но на маленьком сморщенном лице не было заметно никаких эмоций. Либо она идеально владела собой, либо знала, что последует далее, «…я оставляю сумму в сто тысяч долларов». Эллери услышал, как Армандо негромко выругался по-итальянски.

Подойдя к основному пункту завещания, Вассер сделал паузу. Он казался смущенным или растерянным.

— «Моему мужу Карлосу…» — начал нотариус и снова умолк.

Черные глаза Армандо не отрывались от губ Вассера.

— Ну? — поторопил Армандо.

Эллери мысленно счел это недостойным его.

— «Моему мужу Карлосу… — нотариус снова помедлил, но только на мгновение, — я оставляю сумму в пять тысяч долларов, дабы он мог справиться с трудностями, пока не найдет новый источник дохода».

— Что? — пронзительно крикнул Армандо. — Вы сказали «пять тысяч»?

— Боюсь, что да, мистер Армандо.

— Но это… это чудовищно! Здесь какая-то ошибка! — Вдовец истерично размахивал руками. — Правда, Джи-Джи и я заключили договор, согласно которому я отказывался от моей доли ее состояния. Но там говорилось, что по истечении пяти лет Джи-Джи должна уничтожить этот контракт. Пять лет истекли, и она разорвала его на моих глазах. Это было почти год назад. Как же она могла оставить меня с этим… с этими грошами?

— Не знаю, мистер Армандо, что она разорвала у вас на глазах, — сказал Вассер, — но ваше добрачное соглашение с Глори Гилд все еще в силе, — он взмахнул листом бумаги, — и вот его копия, приложенная к копии завещания миссис Армандо. Оригинал прилагается к оригиналу завещания, который уже передан в суд по делам о наследстве.

— Я хочу видеть эту копию!

— Разумеется. — Вассер быстро поднялся, но Армандо уже подбежал к его столу, выхватил у него бумагу и недоверчиво пробежал ее глазами.

— Говорю вам, Джи-Джи порвала оригинал на мелкие кусочки и сожгла их! — в панике

бормотал он. — Я видел это! Правда, она не показала мне документ, а только сказала, что это тот самый договор, а я был настолько глуп, что поверил ей на слово… — Последовал поток брани на незнакомом Эллери языке — возможно, цыганском, на котором говорили вероятные предки Армандо. Лицо его искажала ненависть к Глори. То, что Джи-Джи Гилд знала или подозревала о его постоянных изменах, явно не приходило ему в голову. — Я подам в суд!

— Это ваше право, мистер Армандо, — сказал Вассер. — Но не вижу, чего вы надеетесь этим добиться. Вы едва ли можете оспаривать подлинность вашей подписи на этом соглашении, а само его существование после истечения пятилетнего периода является prima facie[32] доказательством, что ваша жена считала вас не выполнившим условия сделки. Ваше ничем не подтвержденное заявление, что она уничтожила документ, опровергает само его наличие.

— Я мог бы получить хотя бы треть ее состояния — миллион долларов — по праву вдовца!

— Учитывая этот договор, мистер Армандо, вам придется удовлетвориться пятью тысячами,

---

[32] ПРИМЕЧАНИЯ: 32
Неопровержимое (лат.).

которые оставила вам жена.

Армандо стиснул голову руками и отвернулся.

— Я получу то, что мне полагается… — пробормотал он, потом, казалось, взял себя в руки и занял прежнее место за стулом Лоретт, мрачно уставясь перед собой.

Эллери догадывался, что Армандо размышляет об иронии судьбы. Он организовал убийство жены, рассчитывая на миллион, а получил всего пять тысяч. Состояние достанется кому-то другому… Эллери видел, как прищурились черные глаза Армандо при этой мысли. Кто же главный наследник Джи-Джи?

Нотариус продолжил чтение:

— «Основную часть моего состояния, движимое и недвижимое имущество, я завещаю моей единственной кровной родственнице, моей племяннице Лоретт Спанье, если ее удастся найти…» — Далее следовал длинный абзац, где говорилось, что в случае смерти Лоретт Спанье до кончины завещательницы либо если ее не обнаружат живой или мертвой в течение семи лет после смерти завещательницы, состояние должно быть обращено в фонд с целью обеспечения образования и выплаты стипендий молодым певцам и другим музыкантам. Однако этот пункт потерял силу,

поскольку Лоретт Спанье была найдена живой и ее личность не вызывала сомнений.

— Поздравляю, Лоретт, — заговорил Армандо. — Не каждая сирота становится миллионершей в двадцать два года. — Граф обрел самообладание — в его голосе даже не слышалось горечи. Как хороший генерал, он не тратил время на переживания по поводу своего поражения и уже строил планы будущей битвы. Должно быть, он наградил себя медалью за то, что догадался соорудить плацдарм на пути к племяннице жены при их первой встрече, подумал Эллери.

Юная наследница выглядела ошарашенной.

— Не знаю, что и сказать. Я только один раз встречалась с тетей, и мы говорили менее часа. Я не чувствую себя вправе…

— Эта неловкость скоро исчезнет, дитя мое, — промолвил Карлос, склонившись к Лоретт. — Я не знаю чувств, которые могут устоять против таких денег. Завтра, когда вы вышвырнете меня из квартиры, где я прожил так долго — кстати, полностью выплаченной, — вы будете удивляться, что были такой бедной.

— Не говорите так, дядя Карлос! Конечно, я не сделаю ничего подобного. Вы можете оставаться в квартире сколько хотите.

Армандо покачал головой, словно старый мудрый дядюшка.

— Не будьте такой великодушной, а то я поддамся искушению и соглашусь — ведь теперь я стал бедняком. Кроме того, наш мистер Вассер этого не позволит — я прав, мистер Вассер? Думаю, что да. К тому же мы едва ли можем жить в одной квартире: пойдут сплетни, которые и так слишком часто ассоциируются с моим именем. Нет, я заберу свои жалкие пожитки и перееду в какие-нибудь меблированные комнаты. Не беспокойтесь о моей судьбе, cara.[33] Я привык к уединению.

Эта превосходно разыгранная сцена тронула Лоретт Спанье до слез.

Глава 20

Когда группа начала расходиться, нотариус, к удивлению Эллери, попросил Селму Пилтер и Лоретт остаться. Гарри Берк посмотрел на Эллери, который кивнул в ответ, и вышел вместе с Джин Темпл и Армандо. Последний удалился весьма неохотно.

---

[33] ПРИМЕЧАНИЯ: 33
Дорогая (ит).

— Не возражаете, если я задержусь, мистер Вассер? — спросил инспектор Квин.

— Нет, — ответил нотариус. Эллери, бросившему взгляд на отца, эта сцена показалась отрепетированной заранее.

— Вы не против, миссис Пилтер?

— Я хочу, чтобы инспектор Квин присутствовал при этом, — ответила старуха высоким и чистым голосом.

— И мистер Квин тоже, поскольку он, очевидно, заинтересованная сторона.

— Безусловно, — пробормотал Эллери.

Вассер аккуратно закрыл дверь кабинета, потом вернулся к столу, сел и потер массивный подбородок. Лоретт выглядела озадаченной — она не знала, что на уме у нотариуса.

— Не знаю, как сказать об этом, мисс Спанье, — начал Вассер. — Ситуация необычная — ее не раскрасишь только в черное и белое… Полагаю, мне остается лишь изложить факты и предоставить вам судить о них.

— Факты? — переспросила девушка. — О миссис Пилтер?

Старуха сидела молча.

— Вам, конечно, известно, что миссис Пилтер в течение многих лет была доверенным мене-

джером вашей тети. Я слышал от самой Глори и знаю по личным отношениям с миссис Пилтер, насколько проницательно и скрупулезно она вела дела миссис Армандо. То, что ваша тетя оставила миссис Пилтер такое большое наследство, служит доказательством ее благодарности. Однако… — Он умолк.

Слово прозвучало зловеще. Лоретт ошеломленно смотрела на Селму Пилтер.

— Думаю, миссис Пилтер, — сказал нотариус, — продолжать лучше вам.

Старуха шевельнулась на стуле, не сводя глаз с девушки. Что бы ни скрывалось за этим взглядом, оно было спрятано глубоко.

— Дорогая моя, я одна из тех глупых и несчастных людей, которые одержимы неконтролируемой страстью делать ставки на бегах, — заговорила Селма Пилтер. — Каждый сэкономленный мною цент уходил в карманы букмекеров. Если бы не моя слабость, я была бы сегодня состоятельной женщиной. В конце прошлого месяца я много задолжала букмекерам. Они не слишком благоразумные люди, и мне грозила физическая опасность. Разумеется, я не винила никого, кроме себя, но была ужасно напугана. Они дали мне двое суток, чтобы рассчитаться, а я не видела

ни одного законного способа найти деньги. Поэтому… — Она заколебалась, потом вскинула сморщенный подбородок. — Поэтому впервые в жизни я совершила бесчестный поступок, позаимствовав — себе я говорила, что это всего лишь заем, — деньги из капитала Глори.

Понимаете, — продолжала старуха, — я знала, что Глори оставляет мне по завещанию сто тысяч долларов, — она сама говорила мне об этом. Поэтому я внушила себе, что только беру аванс из собственных денег. Конечно, это было не так — ведь Глори могла передумать. Но… я сделала это. А когда через несколько дней Глори неожиданно умерла, что само по себе было для меня шоком, я поняла, что проверка обнаружит недостачу. Возместить ее я не могла: я и так превысила кредит в моих банковских счетах. Такова ситуация, мисс Спанье. Наследство значительно превышает растраченную мною сумму, но это не меняет тот факт, что я взяла деньги, доверенные моему попечению, и вы вправе подать на меня в суд. Вот и все.

Она умолкла и стиснула маленькие кулачки.

— Не все, — быстро сказал Вассер. — Я ничего не знал о растрате, пока миссис Пилтер сама не привлекла к ней мое внимание. Она позвонила мне

вчера вечером, и я решил перейти к этому делу после чтения завещания. Это основная причина, — продолжал он, повернувшись к инспектору Квину, — по которой я позвонил вам вчера так поздно и попросил обязательно присутствовать здесь, инспектор. Меня, естественно, не прельщает перспектива быть обвиненным в утаивании информации по делу об убийстве, хотя я уверен, что к убийству это не имеет никакого отношения. Что касается заимствованных денег, то, разумеется, мисс Спанье должна решить, предъявлять обвинение или нет. Она главный наследник.

— Боже мой! — воскликнула Лоретт. — Я не знаю вас, миссис Пилтер, но, судя по тому, что я слышала, вы практически обеспечили карьеру тети Глори. Если она настолько вам доверяла, то вы, безусловно, достойны доверия. Кроме того, не мне первой бросать в кого-то камень. Я видела слишком много горя в приюте… — ее голос дрогнул, — и сама отнюдь не безгрешна. Нет, я не стану предъявлять никаких обвинений.

Селма Пилтер глубоко вздохнула.

— Благодарю вас, — произнесла она дрожащим голосом. — Мне повезло, что вы так милосердны, дитя мое. Сама я считаю, что моему поступку нет оправданий. — Она встала. — Что-нибудь еще,

мистер Вассер?

На лице нотариуса отразилось облегчение.

— Что вы скажете, инспектор Квин? — обратился он к старику.

— Если мисс Спанье не хочет предъявлять обвинений, то меня это не касается, — ответил инспектор, после чего оба Квина удалились.

— Знаешь, Эллери, — заговорил старик в такси, — эта растрата могла быть мотивом.

— Мотивом для чего? — рассеянно отозвался Эллери.

— Чтобы прикончить Джи-Джи и получить наследство в сотню тысяч, позволяющее покрыть недостачу.

— По-твоему, Селма Пилтер стала бы рассказывать обо всем Вассеру, еще даже не получив деньги? Если она хотела покрыть растрату, зачем ей было признаваться в ней?

— Возможно, это была уловка с целью представить себя честной по натуре женщиной и сорваться с крючка. Она знала, что не сможет до бесконечности скрывать свой проступок ни от такой проницательной женщины, как Джи-Джи Гилд, ни от Вассера, которого также нелегко одурачить. По-моему, это возможный мотив.

— А по-моему, полная чушь, — резко отозвался

Эллери. Он настолько сполз вниз, что практически сидел на лопатках. — Тем не менее кое-что в Селме Пилтер меня беспокоит.

— Что именно?

— Ее лицо. Это, безусловно, лицо столетия — безобразное до невероятности. Возможно, потому Глори, умирая, написала это слово.

— И ты способен поверить в это хоть на минуту? — фыркнул старик.

— Даже ни на секунду, — признался Эллери.

Глава 21

— Вы определенно знаете, как накормить мужчину, — сказал Берк, откинувшись на спинку изрядно потрепанного дивана.

— А вы определенно знаете, как подбирать подходящую к этому музыку, — отозвалась Роберта Уэст, сидя рядом с ним.

Они проводили вечер в квартире Роберты на Восточной Семьдесят третьей улице. Высокие потолки украшали замысловатые завитушки, которые могли бы служить обрамлением для гипсовых купидонов и дриад. Но на стенах не было ничего, кроме нескольких репродукций Дюфи и Утрилло без рамок и не слишком высокого

качества. Высокие окна прикрывали портьеры из мешковины, выкрашенной в бордовый цвет, а древний итальянский камин бездействовал уже целое поколение. Поскольку мебели было мало, фигурка девушки, и без того миниатюрная, казалась уменьшившейся вдвое, напоминая рыжеволосую Алису[34] в съежившемся состоянии.

Берку казалось, что она выглядит восхитительно, но он, разумеется, не осмелился сказать ей об этом.

Роберта угостила Берка обедом, состоящим из ростбифа и йоркширского пудинга («чтобы вы чувствовали себя как дома»), и, хотя мясо было недожаренным, а пудинг — недопеченным на его вкус (и на любой другой, как виновато подумал он), Берк прибег к чисто мужской лжи относительно ее кулинарных способностей, поскольку нельзя требовать всего от женщины, обладающей столь многими образцовыми качествами.

Что касается музыки, то это был его вклад в трапезу (помимо бутылки отнюдь не первоклассного калифорнийского бургундского). Роберта сказала, что у нее есть скромный проигрыватель, поэтому

---

[34] ПРИМЕЧАНИЯ: 34

Алиса — героиня сказок английского писателя Льюиса Кэрролла (Чарлза Латуиджа Должсона) (1832–1898) «Алиса в Стране чудес» и «Алиса в Зазеркалье».

он по дороге зашел в магазин «Либерти» на Мэдисон-авеню и купил «Илию»[35] в исполнении солистов и хора Хаддерсфилда, не зная, что у Роберты имеется маленькая коллекция пластинок, состоящая в основном из Манчини, старых записей Гленна Миллера, двух-трех дисков Уайтмена и тому подобного легкомысленного репертуара. Берк испытывал столь явное наслаждение от оратории, что Роберте хватило ума притвориться довольной, хотя музыка большей частью казалась ей скучной и непонятной.

Таким образом, оба галантно лгали, и вечер прошел великолепно.

Когда они сидели рядом на диване (он — с трудом подавляя желание, а она — прямо и чопорно), Берк пробормотал:

— Здесь так удобно, что хочется сбросить туфли.

— Не поддавайтесь этому чувству, — сказала Роберта.

— Почему, мисс… я хотел сказать, Роберта?

— Сбрасывание туфель может стать только началом.

Берк покраснел.

---

[35] ПРИМЕЧАНИЯ: 35
«Илия» — оратория Ф. Мендельсона-Бартольди.

— Я не имел в виду…

— Конечно нет, дурачок, — проворковала Роберта. — Это было свинством с моей стороны. Можете сбрасывать туфли сколько душе угодно.

— Благодарю вас, — чопорно отозвался Берк, — но я, пожалуй, останусь в них.

Роберта засмеялась:

— О, вы такой… такой скотч!

— Правильно говорить «шотландец».

— Простите. У меня никогда еще не было знакомых скотч… шотландцев.

— А у меня не было знакомых молодых американок.

— Я не так уж молода, Гарри, но спасибо за комплимент.

— Чепуха. Вам наверняка не больше двадцати двух.

— Благодарю вас, но в следующий день рождения мне исполнится двадцать семь. — Учитывая, что ей должно было исполниться двадцать восемь, Роберта считала ложь слишком мелкой, чтобы отягощать свою совесть.

— О! И когда же это будет?

Уже стоя в дверях со шляпой в руке, Берк внезапно обнял Роберту и впился в ее губы, прежде чем они успели превратиться в резиновые про-

кладки. Их мягкость и собственная вспышка сильно удивили его.

Вечер получился потрясающим до самого конца.

Глава 22

Лоретт Спанье обосновалась в апартаментах покойной тети в пентхаусе, которые покинул Карлос Армандо — страдающий, но все понимающий дядюшка, — а менее чем через две недели она поселила у себя компаньонку.

Катализатором послужил Гарри Берк.

Эллери ожидал, что он вернется в Англию, но шотландец не торопился с отъездом. В Нью-Йорке его держало явно не дело Глори Гилд — инспектор больше в нем не нуждался, а в случае надобности он мог бы прилететь снова. Тем не менее Берк ограничился тем, что перебрался из квартиры Квинов в скромный отель в центре города.

— Я не могу бесконечно пользоваться вашим гостеприимством, — объяснил он, — как «Человек, который пришел к обеду».[36]

---

[36] ПРИМЕЧАНИЯ: 36

Американская кинокомедия 1942 г. режиссера Уильяма Кигли (1889–1984) по пьесе Мосса Харта (1904–1961) и Джорджа Саймона Кауфмана (1889–1961).

— Это не мое дело, Гарри, — сказал ему Эллери, — но меня мучит любопытство. Вам не нужно зарабатывать на жизнь? Или вас удерживает здесь причина, которую вы утаиваете от меня?

— В моем лондонском офисе у меня есть напарник, — ответил Берк, — который отлично может вести дела, пока я буду наслаждаться отпуском — первым за много лет. Кроме того, я чувствую определенную ответственность перед этой девушкой.

— Лоретт? Почему?

— Во-первых, она британская подданная. Во-вторых, это дело об убийстве. В-третьих, я вовлек Лоретт в это дело, разыскав ее для Глори Гилд. В-четвертых, она нравится мне все больше — напоминает мою сестру, которая четырнадцать лет назад выскочила замуж за австралийца, и которую я с тех пор не видел. Но самое главное — я беспокоюсь о ней.

— Из-за Армандо? У вас нет на это оснований. За ним следят днем и ночью.

— Не совсем из-за Армандо, хотя мне не нравится, как этот ублюдок на нее смотрит. Но Лоретт живет одна в этой квартире, похожей на музей, она неопытная двадцатидвухлетняя девушка и неожиданно унаследовала миллионы. Ей ничего

не стоит стать мишенью для любого проходимца.

— Примите мои поздравления, Гарри, — искренне произнес Эллери. — Это чертовски достойно с вашей стороны.

Берк покраснел до корней рыжеватых волос.

— Я вообще чертовски достойный парень.

Эллери не сомневался в правдивости Берка, но подозревал, что у него есть еще одна причина задерживаться в Нью-Йорке, о которой он умолчал. Подозрения великого человека вскоре подтвердились. Берк регулярно виделся с Робертой Уэст. Вспоминая, как был поражен шотландец новогодним утром, когда Роберта явилась в квартиру Квинов рассказать об ужасном предложении, которое сделал ей Армандо, Эллери не был удивлен. Он в шутку упрекнул Берка за излишнюю скрытность.

— Вы и за мной шпионите? — осведомился шотландец.

Эллери впервые видел его сердитым.

— Конечно нет, Гарри. Но над этим делом работает так много детективов, что вы едва ли могли сохранить в тайне ваши встречи с Робертой Уэст.

— Тут нет никакой тайны, старина! Я просто

не люблю выставлять свою личную жизнь на всеобщее обозрение.

— Вы влюблены в нее?

— Для вас нет ничего святого. — Берк неожиданно усмехнулся и серьезно добавил: — Думаю, да. Даже уверен в этом. Я еще не испытывал таких чувств ни к одной женщине.

— И Роберта отвечает вам взаимностью?

— Откуда мне знать? Мы не обсуждали ее чувства — и мои, коли на то пошло. Наши отношения еще не достигли этой стадии. Знаете, Эллери, вы любопытны, как подросток.

— Теперь это мнение обо мне станет трансатлантическим, — шутливо отозвался Эллери.

Именно Гарри Берк познакомил Лоретт и Роберту. Однажды вечером он повел девушек обедать, и девушки сразу понравились друг другу. Потом они вернулись в пентхаус, где Роберта и Лоретт провели остаток вечера, оживленно беседуя. У них оказалось много общего — взгляды на мужчин, мораль, Вьетнам, «Битлз», журнал «Плейбой», Мартина Лютера Кинга, бикини, Фрэнка Синатру, Джоан Баэз, поп-арт и театр. В глазах Лоретт Роберта уже добилась успеха как актриса. Миллионы, внезапно свалившиеся на голову Лоретт, очевидно, не поколебали ее наме-

рений следовать по стопам покойной тети.

— Вы обе идеально подходите друг другу, — сияя, заявил Гарри Берк. — Это подало мне мысль.

Светловолосая и рыжевато-каштановая головы повернулись к нему. Увлекшись разговором, девушки почти забыли о его присутствии.

— Лоретт, вы просто не можете жить одна в этой огромной квартире. Почему бы Роберте не поселиться с вами?

— Вот это да! — ахнула Роберта. — Что такое вы говорите, Гарри? Я думала, англичане — сама сдержанность.

— Они — да. Но я шотландец. — Он снова улыбнулся.

— Отличная идея, Роберта! — воскликнула Лоретт. — Ты согласна?

— Но, Лоретт, мы ведь только познакомились…

— Ну и что из этого? Мы нравимся друг другу, у нас общие интересы, мы обе не замужем… Какой вы молодец, Гарри! Пожалуйста, Роберта…

— Право, не знаю, — промолвила актриса. — Все это так внезапно… — Она хихикнула. — Ты уверена, Лоретт? Мне придется кому-то сдать свою квартиру — моя аренда истекает только в октябре, — и, если мы не поладим, я должна буду

подыскивать другое жилье, которое могу себе позволить.

— Об этом не беспокойся, Роберта. Я уверена, что мы отлично поладим. К тому же проживание здесь не будет стоить тебе ни цента. Представь себе, сколько денег ты сэкономишь.

— Ну, решайте это между собой, — сказал Гарри Берк, — а я пока вымою руки. — Он сделал это предложение без особой надежды, помня о стремлении Лоретт к независимости и ее робости с посторонними. Но по-видимому, грандиозные размеры апартаментов Глори Гилд внушали ей страх. Жилище было слишком огромным для одинокой девушки, и предложение поселить вместе с ней симпатичную компаньонку пришлось кстати. Берк поздравил себя.

Когда он вернулся, девушки уже обо всем договорились.

Расследование убийства шло далеко не так гладко. Несмотря на интенсивную работу, детективы инспектора Квина не смогли подобрать ключ к таинственной женщине под фиолетовой вуалью — насколько им удалось выяснить, она больше не появлялась на публике, по крайней мере в компании Армандо. В эти дни он обрабатывал свежий урожай женщин: молодых и

хорошеньких — для удовольствия, пожилых и богатых — в качестве потенциальных инвесторов. Всех их тщательно проверяли на предмет отождествления с Фиолетовой Вуалью, но без каких-либо результатов.

Ничто не указывало, что кто-либо из вновь присоединившихся к liste d'amour[37] Армандо мог быть женщиной, с которой он имел дело раньше.

Не то чтобы граф пренебрегал своим прошлым. Он продолжал обхаживать некоторых бывших жен, особенно Герти Хаппенклаймер, и иногда звонил в пентхаус «узнать, как поживает моя маленькая племянница». В таких случаях Роберта находила предлог, чтобы выйти из комнаты.

— Не могу выносить звук его голоса. Меня от него тошнит, — сказала она, когда Лоретт спросила ее о причине. — Я знаю, дорогая, что это не мое дело, но как ты можешь с ним разговаривать? Ведь это Карлос повинен в смерти твоей тети.

Лоретт была расстроена.

— Я не поощряю его звонки, Роберта…

— Поощряешь, отвечая на них.

— Если я не буду этого делать, Карлос придет

---

[37] ПРИМЕЧАНИЯ: 37
Любовный список (фр.).

сюда и, возможно, устроит сцену. Кроме того, я не могу заставить себя в это поверить.

— Во что именно?

— В то, что он спланировал убийство тети Глори. Меня не заботит, что говорят Гарри Берк, Эллери Квин и полиция. Они должны сначала доказать это.

— Но, Лоретт, ведь он предлагал это сделать мне!

— Возможно, ты неверно его поняла…

— Черта с два! Неужели ты мне не веришь?

— Конечно, верю. Я верю, что ты думаешь, будто он виновен… О, я знаю, что Карлос отнюдь не ангел и что он часто вел себя скверно, особенно в том, что касалось женщин, но… убийство? — Лоретт покачала головой.

Роберта выглядела испуганной.

— Лоретт, ты, часом, не влюбилась в него?

— Что за нелепая идея! — Тем не менее светловолосая девушка покраснела. — Даже не думай об этом!

Роберта поцеловала ее.

— Не позволяй этой скотине увиваться вокруг тебя! — предупредила она.

— Конечно. — Но Лоретт отодвинулась от подруги, и между ними пробежала легкая тень. Она

была мимолетной, но этим вечером обе девушки нашли предлог, чтобы лечь спать пораньше.

Это было первым облачком, предвещавшим грозу.

Глава 23

Однажды в воскресенье в середине февраля девушки пригласили Берка и Эллери на поздний завтрак. Шотландец прибыл в пентхаус на несколько минут раньше Эллери. Их впустила новая горничная — вся прислуга Глори Гилд уволилась под различными предлогами, руководствуясь невысказанным желанием оказаться как можно дальше от места убийства. Лоретт и Роберта еще одевались.

Закончив туалет, Роберта вошла в главную спальню.

— Ты готова?

— Одну минуту… — Лоретт подкрашивала губы. — Какой потрясающий крестик, Роберта! Где ты его купила?

— Я его не покупала. — Роберта прикоснулась к серебряному мальтийскому кресту на цепочке, сверкающему, как звезда. — Это подарок Гарри на день рождения.

— Ты мне не говорила, что у тебя день рождения.

Роберта засмеялась:

— Это в твоем возрасте, дорогая, можно позволить себе объявлять о дне рождения. А мне уже под тридцать.

— Только двадцать семь.

— Откуда ты знаешь?

— Мне сказал Гарри.

— Никогда в жизни больше не доверю ему ни один секрет! К тому же я его слегка обманула. Мне двадцать восемь.

— Не будь глупышкой. Он сказал мне только вчера, и я купила тебе кое-что в «Сэксе».

— Вот уж незачем…

— Не болтай. — Лоретт встала из-за туалетного столика, подошла к стенному шкафу, чтобы снять с верхней полки, где находились шляпные картонки, лежащую на одной из них коробочку, перевязанную позолоченной тесемкой. — Прости, что я опоздала с подарком, — сказала она, встав на цыпочки, чтобы дотянуться до коробочки, — но ты сама виновата… Проклятие!

Потянув к себе подарочкую коробку, Лоретт опрокинула одну из шляпных картонок, которая упала с полки вместе с коробочкой. Крышка

свалилась, и из картонки к ногам Лоретт выпало нечто, безусловно, не являющееся шляпой.

— Что это? — воскликнула Роберта, указывая на предмет.

Лоретт уставилась на него.

— Это револьвер! — Она наклонилась, чтобы поднять его.

— Лучше не трогай, — остановила ее Роберта. — Чей он?

— Во всяком случае, не мой. Никогда не видела оружие так близко.

— Это шляпная картонка твоей тети Глори?

— Нет, это моя. Я купила шляпу две недели назад. Но в картонке, безусловно, не было револьвера, когда я ставила ее на полку.

Девушки молча смотрели друг на друга. Атмосфера в спальне стала напряженной.

— Думаю, — заговорила Роберта, — мы должны рассказать об этом Гарри и Эллери. Пусть они этим занимаются.

— Да, верно…

Они вместе подошли к двери и окликнули мужчин, которые быстро поднялись наверх.

— Револьвер? — Гарри Берк вбежал в спальню. Эллери последовал за ним. Никто из них не прикоснулся к оружию. Молча выслушав рассказ

девушек, они подошли к стенному шкафу и обследовали упавшую шляпную картонку и пол вокруг нее.

— Патронов в картонке нет, — пробормотал Эллери.

— Интересно… — Берк умолк и посмотрел на Эллери, но тот стоял на четвереньках, подняв зад, и внимательно изучал оружие, не трогая его. — Какого он калибра, Эллери?

— «Кольт-детектив», 38-го калибра, шестизарядный, с двухдюймовым дулом. Выглядит достаточно старым — пластиковая рукоятка поцарапана, никелированная отделка потускнела. — Эллери вынул из кармана шариковую ручку, вставил ее в предохранитель и поднялся, держа револьвер на ручке.

Берк посмотрел на оружие.

— Заряжен четырьмя патронами 38-го калибра. Значит, из него произвели два выстрела. Глори Гилд прикончили двумя пулями. — Голос шотландца трещал, как отсыревший фейерверк.

— Вы имеете в виду, что это оружие, возможно, убило миссис Армандо? — тихо спросила Роберта Уэст.

— Да.

— Но как это могло быть? — воскликнула

Лоретт. — И даже если так, я не понимаю, что револьвер делает в квартире. У моей тети было такое оружие?

— Официально — нет, — ответил Эллери. — Никакое огнестрельное оружие не зарегистрировано на ее имя.

— Значит, оно принадлежит убийце, не так ли? — рассудительно заметила Лоретт. — Но это только еще сильнее все запутывает. Убийца — кто бы он ни был — не стал бы оставлять оружие на месте преступления. Может быть, полиция недостаточно внимательно обыскала квартиру?

— Полиция обыскала ее, как собака, которая ищет блох, — сказал Гарри Берк. — Никакого оружия тогда здесь не было.

Глаза Лоретт сверкнули.

— То есть прежде чем квартира перешла ко мне? Вы это имеете в виду, Гарри? В конце концов, револьвер оказался в моей шляпной картонке.

Берк не ответил.

Затянувшаяся пауза стала неловкой, и Лоретт нарушила ее, тряхнув светлыми локонами.

— Это совершеннейшая чепуха. Никто никогда не поверит… — Она оборвала фразу. Очевидно, ей пришло в голову, что здесь находятся те, кто вполне способны в это поверить.

Эллери осторожно положил револьвер на кровать Лоретт.

— Пожалуй, я лучше позвоню, — сказал он.

— Зачем? — отозвалась Роберта. — Это же чушь! Наверняка существует самое невинное объяснение.

— В таком случае никто не пострадает. — Он подошел к телефону. — Вы позволите?

— Будьте моим гостем. — Лоретт с горечью произнесла американскую идиому, опустилась на кровать по другую сторону от револьвера и стиснула руками колени, являя собой воплощение детской беспомощности.

Роберта выбежала из комнаты. Они слышали ее плач, пока Эллери ожидал, когда его отец ответит на звонок.

Глава 24

Рапорт дактилоскопистов был сугубо негативным — на кольте 38-го калибра не оказалось никаких отпечатков пальцев. Зато у баллистиков были новости. Сравнение под микроскопом показало, что пули, которые извлекли из тела Глори Гилд и которыми для проверки выстрелили из револьвера, найденного в шляпной картонке Ло-

ретт Спанье, выпущены из одного оружия. Следы на них были идентичны.

Следовательно, орудие убийства было найдено.

— Отлично, — с удовлетворением обратился инспектор Квин к двум мужчинам, молча сидящим в его кабинете. — Это все, в чем мы нуждались, чтобы предъявить обвинение Лоретт Спанье. Уверен, что окружной прокурор будет согласен.

— Объясни подробно, — сказал Эллери.

— Девушка утверждает, что Глори не рассказывала ей о новом завещании, делающем ее главной наследницей. Но почему мы должны ей верить? В конце концов, для чего Глори ее разыскивала? Неужели, найдя племянницу, она не сообщила ей о наследстве?

— Они провели наедине всего несколько минут.

— А сколько для этого нужно времени? Не больше пяти секунд. Это во-первых.

— Едва ли это можно назвать убедительным доказательством, инспектор, — запротестовал Гарри Берк.

— Я говорю о силе обстоятельств, Берк, что вам хорошо известно. Это объясняет мотив. Во-вторых, Лоретт заявляет, что в тот вечер оставила

тетю живой и невредимой около половины двенадцатого. Но в этом мы опять можем полагаться только на ее слова. По ее же собственному признанию, никто не видел, как она уходила, как якобы шла пешком через Центральный парк и как входила в свой дом. Лоретт не может предъявить свидетеля ни одной детали отчета о ее передвижениях. Она вполне могла пробыть в квартире тети до без десяти двенадцать, застрелить Глори и вернуться домой — пешком или в такси — на двадцать минут или на полчаса позже, чем говорит. Вот вам возможность.

— Предполагаемая возможность и предполагаемый мотив, — уточнил Эллери.

— Дела об убийстве часто основываются на косвенных уликах, Эллери. Теперь в-третьих. Ты не можешь отрицать существование револьвера — и Лоретт тоже. Глори застрелили из оружия — это факт, — которое нашли в спальне Лоретт, в ее стенном шкафу и в ее шляпной картонке. Она говорит, что никогда его не видела и не знает, как оно туда попало. Но это ничем не подтвержденное отрицание. Правда, оружие не зарегистрировано, и мы не смогли установить факт его покупки Лоретт Спанье. Но она едва ли стала бы приобретать револьвер обычным способом, задумав

совершить убийство. В этом городе ничего не стоит купить огнестрельное оружие под прилавком. Если нам удастся доказать нелегальную продажу ей револьвера, она у нас в руках. Но ей не отвертеться и без этого. По-моему, дело можно передавать в суд. Как думаешь, сынок? У тебя унылый вид.

Эллери молчал. Вместо него заговорил Гарри Берк:

— Неужели вы не понимаете, инспектор Квин, что все ваши аргументы делают Лоретт Спанье круглой идиоткой? Зачем ей было держать у себя револьвер, который постаралась приобрести, не оставив следов, если она застрелила из него свою тетку? Мне кажется, она бы после убийства тут же бросила его в одну из ваших рек.

— Так бы поступили вы или я, Берк. Но вы не хуже меня знаете, насколько глупо может вести себя убийца-любитель. Как бы то ни было, это аргумент для ее адвокатов. Едва ли окружной прокурор потеряет из-за него сон. Кстати, о прокуроре — пожалуй, я отправлюсь к нему и изложу все обстоятельства.

Старик взял рапорт баллистических экспертов и бодро удалился.

— Что вы об этом думаете, Эллери? — спросил

Берк после долгой паузы.

— Вряд ли слово «думаю» тут уместно. — Эллери выглядел так, словно проглотил живого жука. — Не знаю, Гарри. С одной стороны, это одно из дел, построенных на косвенных уликах, которое представляет собой один лишь фасад, как голливудская декорация со стороны камеры. Стоит зайти за нее, и там не окажется ничего, кроме подпорок. И все же…

— По-моему, на это можно смотреть только так. — Шотландец поднялся. — При всем уважении к возрасту инспектора и вашим сыновним чувствам, должен сказать, что каждый, кто утверждает, будто эта девушка способна на убийство, просто не разбирается в людях. Полицейский ум — а я это знаю, так как много лет прослужил в Ярде, — обращает внимание на факты, а не на характеры. Лоретт Спанье виновна в убийстве Глори Гилд не более, чем я. Готов держать пари на все, что у меня есть.

— Куда вы собрались?

— К ней в квартиру. Если я правильно понял выражение лица инспектора и если я знаю прокуроров, ей понадобится друг. Да и Роберта даст мне отставку, если я не поддержу бедную девушку. Пошли?

— Нет, — мрачно отозвался Эллери. — Я побуду здесь.

Ждать ему пришлось недолго. Менее чем через два часа был выписан ордер на арест Лоретт Спанье.

Глава 25

Услышав новости, Уильям Мелоуни Вассер действовал так, словно у главной наследницы его покойной клиентки началась бубонная чума. Спешно рекомендовав услуги адвоката по уголовным делам, он забаррикадировался за поистине невероятным количеством внезапно назначенных встреч. Адвокат по уголовным делам, ветеран юридических войн по имени Юрай Фрэнкелл, сразу же приступил к проблеме освобождения под залог.

Она оказалась сложной. Единственный капитал Лоретт Спанье, доставшийся ей по завещанию, помимо денег, выданных на содержание квартиры и текущие расходы, застрял в суде по делам о наследстве вплоть до утверждения завещания, которое могло занять месяцы. Кроме того, преступник не мог пользоваться плодами своего преступления, поэтому, пока виновность

или невиновность Лоретт не будет установлена юридически, ее права на наследство оставались в неопределенном состоянии. Где же тогда она могла получить дополнительное обеспечение, без которого поручители освобождаемого под залог тут же застегивали карманы на «молнии»? К тому же придирчивый судья едва ли согласится начать разбирательство дела об убийстве первой степени с освобождения обвиняемой под залог.

В итоге Лоретт отправили в тюрьму.

Она и Роберта плакали.

Гарри Берк бормотал нечто не слишком лестное по поводу американской юриспруденции. (Справедливости ради следует отметить, что ранее он многократно высказывался столь же неодобрительно о юриспруденции английской.)

Фрэнкелл не думал, что у обвинения есть много шансов. Он заявлял, что наверняка сможет внушить присяжным достаточные сомнения в виновности девушки, чтобы добиться ее оправдания. (Эллери, в свою очередь, начал испытывать достаточные сомнения в разумности рекомендации Вассера. Он не доверял адвокатам, чрезмерно уверенным в благоприятном исходе дела об убийстве, и видел слишком много не поддающихся внушению присяжных, но держал язык

за зубами.)

— Ситуация такова, что я не знаю, в каком направлении двигаться, — жаловался Эллери Гарри Берку. — Приходится занимать выжидательную позицию.

Эллери не мог предпринимать ничего существенного в течение недель до начала суда над Лоретт. Он торчал в Главном полицейском управлении, ожидая рапортов о прогрессе в расследовании, часто посещал апартаменты Глори Гилд, где Роберта металась по всему пентхаусу, оплакивая судьбу Лоретт и свою собственную («Я не имею права жить здесь, пока Лоретт томится в этой жуткой камере! Но куда мне идти?») и ругая Гарри Берка за то, что он якобы уговорил ее сдать свою квартиру (это несправедливое обвинение шотландец выдержал в исполненном достоинства молчании), навещал Лоретт в тюрьме, откуда выходил с коликами в животе от сознания своей беспомощности.

— Не понимаю, почему ты так волнуешься, — сказал ему как-то отец. — Что тебя гложет?

— Мне это не нравится.

— Что именно?

— Все дело. То, как его фрагменты не собираются воедино и как болтаются оборванные нити.

— Ты имеешь в виду историю с лицом?

— Хотя бы. Я знаю, папа, что это важно, но никак не могу связать ее с Лоретт.

— Или с кем-то еще, — добавил инспектор.

— Да. Она повисла в воздухе. Обвинять эту девушку было преждевременно. До того, как производить арест, ты должен был, по крайней мере, узнать, что Джи-Джи подразумевала под «лицом».

— Узнавай это сам, — отозвался старик. — У меня есть другие занятия. Как бы то ни было, теперь все в руках окружного прокурора и судьи… Что еще тебя беспокоит?

— Все. Например, мы руководствовались предположением, что убийство было инспирировано Карлосом Армандо, и какая-то женщина выполнила для него грязную работу. Теперь выходит, что этой женщиной была Лоретт.

— Я этого не говорил, — осторожно сказал инспектор.

— Значит, ты изменил мнение об Армандо? Он не имеет отношения к убийству жены? — Так как его отец не ответил, Эллери добавил: — Я по-прежнему считаю, что имеет.

— На каком основании?

— На основании того, что у меня чешутся паль-

цы.[38] На основании исходящего от Армандо запаха. На основании всего, что я о нем знаю.

— Попробуй явиться с этим в суд, — фыркнул инспектор Квин.

— Благодарю покорно, — отозвался Эллери. — Но ты видишь, как все запутано. Знала ли Лоретт Армандо, прежде чем они якобы впервые встретились в этом кабинете, когда ты допрашивал ее после убийства? Если да, то была ли она Фиолетовой Вуалью — добровольной сообщницей Армандо? Это не имеет смысла. Зачем ей соглашаться действовать в качестве орудия Армандо, если, как ты утверждаешь, она знала, что унаследует состояние тети?

— Тебе известно, какой у него подход к женщинам. Может быть, Лоретт Спанье влюбилась в него, как и остальные.

— Если она знала его раньше… — Эллери задумался.

— Послушай, сынок, существует аспект дела, которого мы еще не касались. Разумеется, мы никогда не сможем это доказать…

— О чем ты?

---

[38] ПРИМЕЧАНИЯ: 38

Эллери цитирует слова Второй ведьмы из трагедии У. Шекспира «Макбет»: «Пальцы чешутся. К чему бы? К посещенью душегуба». Перевод Б. Пастернака.

— Я не уверен, что мотивом убийства были деньги.

— Что ты имеешь в виду? Ты допускаешь…

— Я ничего не допускаю. Но если ты так хочешь копаться в теориях, как тебе эта? Джи-Джи Гилд порвала со своей сестрой, матерью Лоретт, после того, как та вышла замуж за англичанина. Когда родители Лоретт погибли в авиакатастрофе, Джи-Джи позволила девочке оказаться в приюте вместо того, чтобы удочерить ее или каким-либо иным образом взять на себя ответственность о ее будущем. Такое хладнокровное пренебрежение могло внушить Лоретт ненависть к тете, которая прорвалась наружу, когда Берк привел ее в квартиру Глори вечером в ту среду. Возможно, девушка прибыла в Нью-Йорк с целью выследить тетю и расправиться с ней. В таком случае Лоретт говорила правду, что ничего не знала о наследстве.

— Эта теория предполагает еще один интересный аспект, — сказал Эллери. — Если Лоретт убила Глори Гилд из ненависти, а не ради ее состояния, то Карлос Армандо мог планировать убийство Глори руками сообщницы, но Лоретт опередила эту сообщницу.

Инспектор пожал плечами:

— Вполне возможно.

— Если так, то зачем настаивать, что в гонке к убийству Фиолетовую Вуаль опередила Лоретт? Почему все не могло произойти совсем наоборот?

— Потому что, — ответил старик, — у нас нет доказательств в отношении Фиолетовой Вуали, как ты ее называешь, но есть доказательство против Лоретт.

— Револьвер 38-го калибра?

— Вот именно.

Эллери задумался. Он теоретизировал, исключительно упражняя мозг, и не верил ни в одну из своих теорий, хотя не мог бы объяснить отцу, почему, если не считать упомянутого зуда в пальцах.

— Если только, — закончил инспектор, — Фиолетовой Вуалью не была сама Лоретт. Получаются два мотива: у Армандо — надежда получить наследство, а у Лоретт — месть.

Эллери молча воздел руки к потолку.

Глава 26

Накануне начала суда над Лоретт Спанье в конторе Юрая Фрэнкелла состоялось совещание.

Была вторая половина вторника, и пасмурное небо угрожало снегопадом.

Адвокат, казавшийся Гарри Берку необычайно похожим на Уинстона Черчилля, усадил его и Роберту, предложил Берку сигару, от которой тот отказался, и стал задумчиво посасывать собственную сигару. Сегодня его уверенность выглядела несколько деланой. С улыбкой, дающей понять, что такие вещи случаются, он сообщил, что его расследование зашло в тупик.

— Вы не нашли никаких подтверждений рассказа Лоретт? — воскликнула Роберта.

— Никаких, мисс Уэст.

— Но кто-то должен был видеть ее выходящей из дома тети, идущей через парк, входящей в свой дом… Это невероятно!

— Да, — отозвался адвокат, косясь на кончик своей сигары, — если только она сообщила нам и полиции правду. Нельзя найти то, чего никогда не было.

— Я не верю такому объяснению, мистер Фрэнкелл, — сказал Берк. — Повторяю: девушка невиновна. Вы должны основываться на этом, иначе у нее не останется ни единого шанса.

— О, разумеется, — кивнул адвокат. — Я всего лишь высказал предположение, но для окружно-

го прокурора это нечто гораздо большее. Лично я рассчитываю, что ее детское личико произведет впечатление на присяжных. Это наша единственная надежда.

— Вы вызовете ее свидетелем?

Фрэнкелл пожал плечами.

— У меня нет выбора. Это всегда рискованно, так как подставляет подзащитного под фронтальную атаку окружного прокурора при перекрестном допросе. Я много раз обсуждал это с Лоретт, играя роль обвинителя, поэтому она имеет представление о том, что ее ожидает. Хотя кто знает, как она будет держаться при настоящем перекрестном допросе. Я постарался предусмотреть все варианты.

Вошла секретарша, закрыв за собой дверь.

— Я говорил вам, мисс Хантер, чтобы меня не беспокоили!

— Простите, мистер Фрэнкелл, но я подумала, что это может оказаться важным, и не хотела говорить при нем по внутренней связи…

— При ком?

— При человеке, который хочет немедленно вас видеть. Я бы сказала, что вас нет, но он говорит, что это по поводу дела Спанье. Одет он очень убого. Фактически…

— Меня не заботит его вид, даже если он в одном белье, мисс Хантер. Приведите его!

Даже Фрэнкелл был удивлен обликом существа, которого ввела в его кабинет секретарша. Человек был одет не просто убого, а катастрофически — рваное пальто выглядело так, словно его подобрали на свалке; под ним находился вельветовый пиджак, побитый молью, заляпанный пятнами от яиц, тушенки и другого, не столь явно идентифицируемого происхождения; пару грязных брюк, очевидно выброшенных каким-то толстяком, поддерживала столь же грязная веревка; ботинки были на два размера больше, чем нужно; рубашка и носки отсутствовали вовсе. Мужчина был тощим, как скелет, с отечными руками и лицом, слезящимися, налитыми кровью глазами и багрово-красным носом. Он не брился уже несколько дней.

Незнакомец стоял перед ними, дрожа всем телом и потирая ладони, издававшие звук наждачной бумаги.

— Вы хотели меня видеть? — обратился к нему Юрай Фрэнкелл. — О'кей, вы меня видите. В чем дело? Кто вы?

— Меня зовут Спотти,[39] адвокат, — отозвался посетитель хриплым голосом пьяницы.

— Что вам нужно?

— Бабки, — ответил бомж. — И много. — Он ухмыльнулся — во рту у него не хватало половины зубов. — Лучше спросите, что у меня есть на продажу.

— Слушай, бродяга, — сказал адвокат. — Даю тебе десять секунд на то, чтобы ты все выложил. А если это уловка, чтобы получить деньги, я дам тебе такой пинок, что ты пролетишь до самого. Бауэри.[40]

— Не дадите, когда услышите, какой у меня товар.

— И какой же?

— Ин-фор-мация.

— О Лоретт Спанье?

— Верно, адвокат.

— Откуда ты знаешь о мисс Спанье?

— Я читаю газеты.

— В таком случае ты первый бомж за всю историю Бауэри, который это делает. Ладно, что у тебя

---

[39] ПРИМЕЧАНИЯ: 39

Прыщавый (англ.).

[40] ПРИМЕЧАНИЯ: 40

Бауэри — один из беднейших районов Нью-Йорка с весьма дурной репутацией.

за информация?

— Так не пойдет. — Спотти покачал головой. — Я вам расскажу и что получу за это? Пинок в зад? Сначала бабки, мистер.

— Пошел вон отсюда.

— Нет, подождите, — обратился к бродяге Гарри Берк. — Вы имеете в виду, что хотите получить деньги вперед?

Слезящиеся глаза в упор посмотрели на Берка.

— Вот именно, мистер. И никаких чеков — только наличными.

— Сколько вы хотите?

Бродяга высунул розовый кончик языка, который заскользил по губам, как автомобильный «дворник». Роберта Уэст наблюдала за ним, как завороженная.

— Штуку.

— Тысячу долларов? — недоверчиво переспросил адвокат. — По-твоему, мы полоумные? Убирайся отсюда.

— Одну минуту, мистер Фрэнкелл, — вмешался шотландец. — Будьте же благоразумны, Спотти. Вы приходите сюда и требуете тысячу долларов за ваше ничем не подтвержденное заявление, будто у вас есть информация, которая может помочь защите мисс Спанье. Но вы должны признать,

что не выглядите самым надежным парнем в Нью-Йорке. Как вы можете рассчитывать, что такой известный адвокат, как мистер Фрэнкелл, выплатит вам крупную сумму из денег клиента за кота в мешке?

— А вы кто такой? — осведомился бомж.

— Друг Лоретт Спанье, как и эта леди.

— О ней я знаю — видел фото в газете. Вы спрашиваете, как я могу рассчитывать? Решать вам — соглашаться на мои условия или нет. Судя по тому, что пишут в газетах, у него не так много шансов. — Грязный палец указал на Фрэнкелла.

Берк подумал, что этот пьяница за всю свою жалкую жизнь, вероятно, никогда не натыкался на такой прибыльный «товар». Обладавший природным цинизмом всех опустившихся на самое дно, Спотти явно не намеревался уступать. Тем не менее Берк решил попытаться.

— Не могли бы вы хотя бы намекнуть, какого сорта у вас информация, Спотти? — доверительным тоном обратился он к бродяге.

— Откуда я знаю, какого она сорта? Я ведь не адвокат.

— Но вы знаете, что защитник мисс Спанье может согласиться оценить ее в тысячу долларов?

— Я только знаю, что мне она кажется чертов-

ски важной.

— А если она не окажется таковой?

— Значит, ему не повезло. Штука вперед — и адвокат может попытать счастья. Но возврат денег я не гарантирую. — Бродяга выпятил костлявый подбородок.

— Бросьте, мистер Берк, — устало произнес Фрэнкелл. — Поверьте, я знаю эту породу. Вероятно, это просто выдумка. Если я заплачу ему, мне придется нанять охрану в агентстве Пинкертона,[41] чтобы держать всех бомжей из Бауэри подальше от моего офиса. Но даже если ему действительно кое-что известно… Вот что, Спотти. Ты немедленно сообщишь мне, что у тебя за информация. Если я решу, что она в состоянии помочь мисс Спанье, то заплачу тебе за нее столько, сколько она, по моему мнению, стоит. Это единственная сделка, которую я могу тебе предложить. Соглашайся или убирайся вон.

В слезящихся глазках бродяги алчность боролась с подозрением. Последнее одержало верх.

— Нет штуки — нет информации.

Он закрыл корявый рот.

— Ладно, тогда пошел вон.

---

[41] ПРИМЕЧАНИЯ: 41

Американское детективное агентство, основанное Алланом Пинкертоном (1819–1884).

Бродяга хитро усмехнулся:

— Если передумаете, адвокат, спросите в Бауэри о Спотти. Я предупрежу ребят.

Он вышел, шаркая ногами.

— Мы не можем отпустить его, мистер Фрэнкелл! — воскликнула Роберта, как только дверь закрылась. — Что, если он говорит правду и у него в самом деле есть важная информация? Раз вы не можете заключить сделку в качестве адвоката Лоретт, то я внесу деньги!

— У вас есть тысяча долларов, чтобы выбросить их на ветер, мисс Уэст?

— Я займу ее в своем банке.

— Это ваше дело. — Адвокат пожал плечами. — Но поверьте, Лоретт Спанье не оправдают на основании пьяных фантазий бомжа из Бауэри.

Роберта догнала бродягу в коридоре, где он ожидал лифта.

— Одну секунду, мистер Спотти! — запыхавшись, окликнула она. Берк стоял рядом, наблюдая за бродягой. — Я заплачу вам!

Спотти протянул грязную руку.

— У меня нет при себе таких денег. Я должна раздобыть их.

— Лучше поторопитесь, леди. Суд начинается завтра.

— Где я могу вас найти?

— Я сам вас найду, леди. Когда у вас будут бабки?

— Надеюсь, что завтра.

— Вы придете в суд?

— Конечно.

— Тогда я найду вас там. — Подмигнув ей, бродяга шагнул в кабину, и дверь лифта закрылась.

Гарри Берк бросился к двери на пожарную лестницу.

— Куда вы, Гарри?

— За ним.

— Это может его разозлить.

— Он меня не увидит.

— Подождите! Я пойду с вами… Думаете, он действительно что-то знает? — спросила Роберта, когда они бежали вниз по лестнице.

— Вероятно, Фрэнкелл прав, — бросил Берк через плечо. — Но мы не можем упустить даже слабый шанс, Берти.

Глава 27

Они следовали за бродягой зигзагами в южном направлении. Спотти то и дело останавливался попрошайничать у прохожих, но делая это без эн-

тузиазма — не столько ради десяти или двадцати пяти центов, сколько для того, чтобы не потерять квалификацию. За Юнион-сквер он ускорил шаг, а на Купер-сквер двинулся на восток вокруг Купер-Юнион и вернулся в Бауэри в точности как почтовый голубь.

Местом его назначения была двадцатипятицентовая ночлежка с покосившейся вывеской над обшарпанной дверью. Гарри Берк занял пост двумя дверями дальше, у заколоченного входа в пустой склад. Серое небо начало чернеть — в сыром воздухе ощущался снег. Роберта поежилась.

— Вам нет никакого смысла торчать здесь со мной, — сказал ей Берк. — Это может продолжаться до бесконечности.

— Но что вы собираетесь делать, Гарри?

— Я же сказал — торчать здесь, — мрачно ответил он. — Рано или поздно Спотти выйдет, и тогда я посмотрю, куда он пойдет. В этом могут быть замешаны другие.

— Если вы намерены оставаться здесь, Гарри Берк, то и я тоже, — заявила Роберта, начав топать миниатюрными ножками, чтобы согреться.

— Вы дрожите. — Гарри привлек ее к себе.

Некоторое время оба молчали. Потом Берк покраснел и отпустил девушку.

— Мне не так уж холодно. — На ней было зеленое ворсистое пальто с поднятым воротником. — Но как не мерзнут эти бедняги? У большинства из них нет даже пальто.

— Если бы оно у них было, они бы продали его, чтобы купить пинту вина или порцию виски.

— Вы действительно так бессердечны, как стараетесь казаться?

— Факты остаются фактами. Хотя мое сердце действительно не истекает кровью. Я видел слишком много горя, которому никто не в силах помочь… — Внезапно он добавил: — Боюсь, вы проголодаетесь, Берти.

— Я уже проголодалась.

— Примерно в одном квартале к северу я заметил кафетерий. Почему бы вам не быть хорошей девочкой и не принести нам сандвичи и пару стаканчиков кофе? Я бы пошел сам, но боюсь упустить Спотти.

— Ну… — Роберта с сомнением смотрела на проходящих мимо оборванцев.

— Не беспокойтесь из-за бомжей. Если они прицепятся к вам, скажите, что вы из полиции. Среди них вы в большей безопасности, чем среди мужчин в верхнем городе. Секс — не их проблема. Вот. — Берк сунул ей в руку пятидолларовую

купюру.

— Я сама могу заплатить.

— Я старомоден. — Неожиданно для самого себя Берк шлепнул ее по круглой маленькой попке. Она выглядела удивленной, но не протестовала. — Поторапливайтесь!

Роберта вернулась через пятнадцать минут.

— Обошлось без неприятностей?

— Один человек остановил меня, но, услышав волшебные слова, так отскочил, что едва не растянул лодыжку.

Берк усмехнулся и снял крышку с картонного стаканчика.

Стало темно. Обшарпанная дверь ночлежки то и дело открывалась. Но не было никаких признаков человека, называющего себя Спотти.

Пошел снег. Через два часа он усилился, и Берк тоже начал топать ногами.

— Не понимаю…

— Должно быть, он лег спать.

— Когда было еще светло?

— Не вижу, чего мы можем здесь добиться, Гарри, — пожаловалась Роберта. — Разве только заработаем пневмонию.

— Тут что-то не так, — пробормотал Берк.

— Не так? Что вы имеете в виду?

— Не знаю. Но то, что Спотти остается внутри, лишено всякого смысла. Ему ведь нужно поесть, а в этой дыре явно нет столовой. — Внезапно Берк принял решение. — Роберта.

— Да, Гарри?

— Я отправлю вас домой. — Он взял ее за руку и повел через тротуар к обочине.

— Но почему? Вы останетесь здесь?

— Я пойду в этот клоповник, чего вы сделать не можете. А если бы смогли, я бы вам не позволил. И предпочитаю не оставлять вас здесь одну.

Отмахнувшись от протестов Роберты, Гарри остановил такси и усадил ее внутрь. Когда машина отъехала, разбрызгивая слякоть, девушка высунулась из окна, растерянно глядя ему вслед. Но Гарри Берк уже шагал к ночлежке.

Глава 28

В конце темного коридора стоял маленький, скверно лакированный стол, за которым сидел старик с испещренным голубоватыми венами угреватым носом. Старик был в плотном свитере — несмотря на шипящий радиатор, в коридоре было холодно, как в могиле. Единственным источником света служила шестидесятиватт-

ная лампа, висящая над столом под зеленым стеклянным плафоном. Ступеньки посредине были стоптаны, а перила тускло поблескивали в темноте.

— Я ищу человека, который зарегистрировался перед тем, как стемнело, — обратился Берк к старику. — Он называет себя Спотти.

Старик с подозрением уставился на него.

— Зачем он вам понадобился?

— В какой он комнате?

— Вы коп? — Не дождавшись ответа, старик осведомился: — Что он натворил?

— В какой он комнате? — повторил Берк более резким тоном.

— О'кей, мистер, не надо злиться. У нас нет отдельных комнат — только общие спальни. Он в спальне «А».

— Где это?

— Наверху справа.

— Вы пойдете со мной.

— Я должен оставаться у стола…

— Приятель, вы отнимаете у меня время.

Недовольно ворча, старик вышел из-за стола и начал подниматься по лестнице.

Спальня «А» напоминала сцену из Дантова «Ада». Это была длинная узкая комната с плот-

ными рядами коек по обеим сторонам прохода, скрипучим полом, покрытым грязным, в разводах линолеумом и красной лампочкой без абажура, свисающей на шнуре в центре потолка и окрашивающей сцену в кровавые тона. Комнату наполняли неприятные звуки — бормотание, храп, сопение, — запахи немытых тел, грязной одежды, мочи и паров алкоголя. Отопление отсутствовало, а два окна выглядели так, будто их не открывали целый век.

— На какой он койке? — спросил Берк у старика.

— Откуда мне знать? Кто первый приходит, занимает лучшую.

Берк двинулся вдоль одного из рядов, наклоняясь над каждой койкой. От тусклого красного света слезились глаза. Зловоние вынуждало задерживать дыхание. Старик шел следом.

Человек по прозвищу Спотти лежал с другой стороны комнаты на самой крайней койке лицом к стене, укрытый одеялом по самую шею.

— Это он. — Старик отодвинул Берка в сторону и коснулся неподвижного плеча. — Спотти! Просыпайся, черт бы тебя побрал!

Спотти не шевельнулся.

— Должно быть, пьян в стельку. — Старик сдер-

нул одеяло и в ужасе отпрянул.

С левой стороны спины бродяги, даже не снявшего пальто, торчала рукоятка пружинного ножа. Кровь поблескивала в красном свете.

Берк нащупал сонную артерию и выпрямился.

— У вас есть телефон?

— Он мертв?

— Да.

Старик выругался.

— Телефон внизу.

— Ничего не трогайте и не будите остальных.

Берк зашагал вниз по лестнице.

Глава 29

Инспектор Квин вел допрос до трех часов ночи. Берк и Эллери дважды выходили в ночной кафетерий выпить кофе — холод в ночлежке пробирал до костей.

— У него точно было что сказать, — пробормотал Берк. — А этот чертов Фрэнкелл спугнул его.

— Вы не узнали никого, входящего сюда, Гарри? — спросил Эллери.

— Я высматривал только Спотти.

— Скверно.

— Не сыпьте мне соль на рану. Я пытаюсь убе-

дить себя, что убийца мог войти и выйти через заднюю дверь в переулке.

Эллери кивнул, потягивая скверный, но горячий кофе. Больше он ничего не сказал. Берк, похоже, воспринимал убийство бродяги как личное горе — от этой болезни не было лекарства.

— Здесь мы ничего не узнаем, — сказал инспектор, закончив опросы. — Орудием послужил дешевый пружинный нож, отпечатков на нем нет. А если этим бомжам что-то известно, они держат язык за зубами.

— Тогда чего ради мы здесь околачиваемся? — осведомился Эллери. — Я бы предпочел другое место — например, мою мягкую чистую постель.

— Пока ты и Берк выходили, — сказал его отец, — я допрашивал человека, который заявил, что у Спотти был закадычный друг по кличке Маггер.[42] По словам Вели, прозвище ему подходит.

— Его «послужной список» длинный, как ваша рука, — заговорил сержант Вели. — Работает в уединенных местах по ночам. Насколько мы знаем, никогда не прибегает к насилию. В качестве жертв обычно выбирает стариков.

— Вы уже с ним беседовали? — спросил Берк.

---

[42] ПРИМЕЧАНИЯ: 42
Грабитель и кривляка (англ.).

— Его здесь нет, — ответил инспектор. — Поэтому я сижу и жду на случай, если он появится.

Маггер появился в половине четвертого утра, мертвецки пьяный. Понадобились три стакана крепкого кофе, чтобы он хоть немного протрезвел. Когда сержант Вели с намеренной черствостью сообщил ему, что его друга Спотти прикончили, воткнув нож в спину, Маггер не сдержал слез.

Зрелище было весьма причудливым, поскольку лицом и фигурой он напоминал боксера-тяжеловеса. Ни на один вопрос он не отвечал абсолютно ничего.

Но поведение Маггера резко изменилось, когда его привезли в морг и показали ему тело друга.

— О'кей, — буркнул он и плюнул на пол.

Ему нашли стул, на который он тяжело опустился, злобно глядя на антисептические стены.

— Теперь вы будете говорить? — осведомился инспектор Квин.

— Это зависит…

— От чего?

— От того, что вы будете спрашивать. — Было очевидно, что любой вопрос, касающийся его ночной деятельности, окажется за пределами зоны ответов.

— Ладно, — кивнул инспектор. — Давайте

попробуем. Вы знали, что Спотти собирался продать, верно?

— Сведения о девушке, которую сегодня начнут судить за убийство.

— Вы с ним были партнерами? Намеревались поделить выручку?

— Спотти не знал, что мне это известно.

— Что это были за сведения?

Маггер молчал. Его налитые кровью глаза бегали, словно в поисках убежища.

— У вас могут быть неприятности, — предупредил его инспектор. — Спотти что-то знал, что, по его словам, должно было помочь мисс Спанье, и собирался получить за свои сведения тысячу долларов. А вы знаете, о чем идет речь. Это дает вам веский мотив стремиться убрать Спотти с дороги. Если бы Спотти умер, вы могли бы получить деньги сами. Пожалуй, нам лучше выяснить, не ваш ли это нож.

— Я прикончил Спотти? — Пустые глаза ожили. — Моего дружка?

— Не болтайте мне о дружбе. Такого понятия не существует в вашей компании, если дело касается денег.

— Мы были друзьями, — серьезно сказал Маггер. — Спросите любого.

— Вы либо всадили в него этот нож — а если так, мы это узнаем, — либо ждали, пока Спотти получит деньги, чтобы потребовать свою долю. Что вам больше нравится?

Маггер провел тыльной стороной ладони по перебитому носу и снова огляделся вокруг, но не увидел ничего, кроме враждебных взглядов.

— О'кей, — вздохнул он. — Я собирался позволить Спотти получить бабки и попросить у него половину. Он бы со мной поделился.

— Какие именно сведения собирался продать Спотти? — снова спросил инспектор Квин.

Было почти шесть утра, когда Маггер смог наконец выдавить из себя драгоценную информацию, и то после того, как сержант Вели поделился собственной информацией. Маггера условно освободили из тюрьмы, где он отбывал срок за попытку ограбления. Одно слово надзирающему за ним чиновнику о его нежелании сотрудничать с полицией — и он бы снова оказался за решеткой. По крайней мере, так говорил Вели. Маггер не стал это оспаривать и быстро раскололся.

В качестве рутинной процедуры сержант проверил его на предмет возможной причастности к убийству Спотти. Алиби Маггера подтвердили два бармена в одной из забегаловок Бауэри. Он не

покидал бар с трех часов дня до полуночи (чем он занимался от полуночи до половины четвертого утра, можно было легко догадаться, учитывая род деятельности, подаривший ему кличку).

Алиби усиливало надежность его показаний относительно Лоретт Спанье, хотя инспектор Квин напомнил, что в суде не приветствуют криками «ура» защиту, основанную на свидетельствах личностей типа Маггера.

Последнее, что они сделали на рассвете, — это отвезли громилу в уединенный отель, где заперли его под охраной полиции.

— Кто бы ни убил Спотти, — сказал Эллери, — он имеет тот же мотив для убийства Маггера. Постараемся продержать его в живых, по крайней мере, пока он не сможет дать показания.

После этого Эллери и Гарри Берк отправились по домам, чтобы поспать хотя бы несколько часов. Но Эллери никак не мог попасть в объятия Морфея. Ворочаясь в постели, он думал, что видит уже половину таинственного лица, также вращающегося вокруг своей оси. Но когда это лицо окажется в поле зрения хотя бы на три четверти, оставалось неведомым.

Часть третья
ТРИ ЧЕТВЕРТИ ЛИЦА

Черты лица — это портрет души, а глаза — ее очевидцы.
Цицерон

Глава 30

Для человека, так уверенного в том, что он может зародить у суда сомнение в виновности его клиентки, Юрай Фрэнкелл ухватился за соломинку, протянутую ему неожиданным свидетелем защиты, с необычайным проворством.

— Естественно, — заявил адвокат, — в суде присяжных я предпочитаю позитивное доказательство негативному.

— Почему бы вам не попытаться убедить окружного прокурора отозвать обвинение? — спросил Эллери. — Тогда вам вовсе не придется иметь дело с присяжными.

— Херман на это не купится, — ответил Фрэнкелл, — учитывая личность моего свидетеля. Фактически, это наш главный повод для бес-

покойства. Он будет вгрызаться в Маггера, как бродяга в индейку от Армии спасения.

— Тем не менее вы решаете разумным ограничить меню индейкой?

— Это лучшее, что у нас есть.

— Я полагал, что вы рассчитываете на саму Лоретт. Вы уже передумали вызывать ее свидетельницей?

— Посмотрим. Все зависит от того, как пойдет дело с Маггером, — осторожно сказал Фрэнкелл. — Вы уверены, что ему не обещали деньги за его показания?

— Абсолютно уверен.

— Тогда почему он так охотно согласился свидетельствовать? Я не мог вытянуть у него причину.

— Во время полицейского допроса ему тактично намекнули, что он может отправиться назад в тюрьму, если откажется сотрудничать. Его освободили условно.

— Но ему угрожала полиция, а не кто-то с нашей стороны?

— Совершенно верно.

Фрэнкелл выглядел обрадованным.

Эллери заметил, что окружной прокурор вы-

полняет свою работу без обычного joie d'ouvrer.[43] Очевидно, подумал Эллери, ему не по душе ни само дело, ни его свидетели. За исключением официальных лиц вроде инспектора Квина и сержанта Вели, свидетели обвинения, вызванные в суд повесткой — Карлос Армандо, Гарри Берк, Роберта Уэст и сам Эллери, — сочувствовали подсудимой. При перекрестном допросе они вели себя куда более покладисто, чем при прямом.

Тем не менее окружному прокурору удалось весьма убедительно изложить дело против Лоретт Спанье. Насколько известно, она последней находилась наедине с Глори Гилд перед смертью певицы. Ее показания относительно времени ухода из квартиры Гилд, возвращения домой пешком через Центральный парк и прибытия в свою квартиру ничем не подтверждались. Револьвер 38-го калибра, ставший орудием убийства Глори, был найден в квартире обвиняемой в ее шляпной картонке. Она являлась главной наследницей огромного состояния жертвы. Наконец, прокурор добавил, что она брошена жертвой в раннем детстве на произвол судьбы, намекая, что мотивом могла быть не только корысть, но и ненависть.

---

[43] ПРИМЕЧАНИЯ: 43
Радость от труда (фр).

Присяжные выглядели достаточно впечатленными. Они упорно избегали смотреть на детское личико подсудимой.

Единственным свидетелем защиты был Маггер. Он совсем не походил на того оборванца, каким его в прошлый раз видели друзья Лоретт. На нем были аккуратно выглаженный костюм, чистая белая рубашка, темный галстук и начищенные до блеска ботинки; он был гладко выбрит и абсолютно трезв, напоминая работягу-водопроводчика, приодевшегося перед походом в церковь.

— Херман наверняка заявит, что это мы его принарядили, — шепнул адвокат Эллери. — Но присяжных будет нелегко заставить забыть, как прилично выглядит этот парень. Лично я думаю, что Херману придется потрудиться. Более того, он это знает. Посмотрите на его нос.

Ноздри окружного прокурора раздувались и втягивались, словно ища дурной запах, который они, несмотря на весь свой опыт, не могли учуять.

Выяснилось, что настоящее имя Маггера — Кертис Перри Хэтауэй. Фрэнкелл быстро вытянул из него сведения о том, почему его «иногда» называют Маггером. («Зачем вы об этом спросили?» — осведомился позже Эллери. «Потому что, — от-

ветил адвокат, — если бы я этого не сделал, то его спросил бы об этом Херман. Я просто вырвал у него жало».)

— Каким образом вы получили это прозвище, мистер Хэтауэй?

— В детстве я сломал нос, играя в бейсбол, — ответил Маггер. — Это обезобразило мою физиономию, а я к тому же привык строить рожи, так как стыдился этого. Вот меня и прозвали Маггером.

— О господи! — пробормотал Гарри Берк.

— Вы находитесь под присягой как свидетель защиты, я бы сказал — самый важный свидетель, — продолжал Юрай Фрэнкелл. — Поэтому нам нужно быть твердо уверенными, что судья и присяжные понимают, кто вы и какое отношение имеете к делу, дабы позднее никто не мог заявить, будто мы пытались что-то скрыть…

— Он имеет в виду меня! — всполошился окружной прокурор. — Я возражаю против такой формулировки!

— Мистер Фрэнкелл, у вас имеются еще вопросы к этому свидетелю?

— Очень много, ваша честь.

— Тогда задавайте их.

— Мистер Хэтауэй, вы только что объяснили нам, каким образом получили прозвище Маггер.

Есть для этого какая-либо иная причина?

— Для чего?

— Для того, чтобы вас так называли.

— Нет, сэр, — ответил Маггер.

— Мистер Хэтауэй… — снова начал Фрэнкелл.

— Подсказка свидетелю! — перебил окружной прокурор.

— Не вижу, в чем произнесение имени свидетеля может быть подсказкой, — отозвался судья. — Продолжайте, мистер Фрэнкелл.

— Мистер Хэтауэй, на вас есть досье в полиции?

Маггер выглядел обескураженным.

— Почему вы меня об этом спрашиваете?

— Не важно почему. Отвечайте.

— Меня несколько раз арестовывали. — Тон Маггера подразумевал: «А кого нет?»

— По какому обвинению?

— Они называли это уличным ограблением. Да я в жизни никого не грабил! Когда грабишь людей, ты их обижаешь, а я не из таких. Но если тебе хоть раз это пришили…

— Свидетель, ограничьтесь ответом на вопрос, — прервал судья. — Мистер Фрэнкелл, мне не нужны речи вашего свидетеля.

— Отвечайте на мой вопрос, мистер Маггер.

— Но они мне шьют…

— Не является ли это еще одной причиной, по которой вас иногда называют Маггер, мистер Хэтауэй? Ведь полиция несколько раз ловила вас во время попытки ограбления.

— Я же говорил вам — они мне пришили…

— Хорошо, мистер Хэтауэй, мы вас поняли. Но главная причина, по которой вы с детства носите это прозвище, заключается в том, что вы в детстве сломали нос, играя в бейсбол, а потом часто корчили забавные гримасы?

— Да, сэр.

— Мне казалось, этого свидетеля вызвали давать показания в пользу вашей подзащитной, а не себя самого, — обратился судья к Фрэнкеллу. — Нельзя ли перейти к делу?

— Да, ваша честь, но мы не хотим ничего утаивать от суда и присяжных…

— Попрошу без демагогии, адвокат!

— Хорошо, сэр. Мистер Хэтауэй, вы знали человека по имени Джон Тьюмелти?

— Кого-кого? — переспросил Маггер.

— Более известного как Спотти.

— Ах, Спотти! Конечно, знал. Он был моим приятелем.

— Где он сейчас?

— В холодильнике.

— Вы имеете в виду, в городском морге?

— Ага. Вчера вечером его прикончили. Кто-то воткнул ему перо в спину, пока он дремал. — Маггер говорил с возмущением, словно ему было бы легче, если бы Спотти погиб, будучи настороже и стоя лицом к лицу с убийцей.

— Поэтому Спотти не свидетельствует сегодня в пользу мисс Спанье?

— Возражаю! — крикнул прокурор, взмахнув кулаком.

— Протест принят, — кивнул судья. — Вы сами отлично это знаете, мистер Фрэнкелл. Вычеркните вопрос. Присяжные не должны его учитывать. — Маггер открыл рот. — Свидетель, не отвечайте! — Маггер тут же закрыл рот. — Продолжайте, защитник.

— Прежде чем мы перейдем к самой сути вашего свидетельства, мистер Хэтауэй, — сказал Фрэнкелл, — я хочу прояснить кое-что для этих добрых леди и джентльменов из жюри. Я спрашиваю вас — и помните, что вы под присягой, — предлагали ли вам деньги или другое материальное вознаграждение за ваши показания по этому делу?

— Не предлагали ни цента, — не без горечи

ответил Маггер.

— Вы в этом уверены?

— Конечно, уверен.

— Подзащитная тоже не предлагала?

— Кто-кто?

— Леди, которую обвиняют.

— Нет, сэр.

— И я тоже?

— Вы? Нет, сэр.

— А кто-либо из друзей мисс Спанье?

— Нет, сэр.

— И никто…

— Сколько раз он должен отвечать на один и тот же вопрос? — осведомился окружной прокурор.

— И никто из связанных с защитой?

— Я уже говорил. Никто.

— Тогда почему вы согласились свидетельствовать, мистер Хэтауэй?

— Коп сказал мне, что, если я не буду отвечать на их вопросы, они сообщат офицеру, который отвечает за меня после условного освобождения.

— Вот как? Полиция предупредила вас об этом во время допроса? Когда это было?

— Ночью, когда прикончили Спотти.

— Значит, вы даете показания — правдивые показания — под давлением полиции?

— Протестую! — рявкнул окружной прокурор. — Необоснованный вывод! Дальше мы услышим о жестокости полиции при рутинном следствии!

— Сядьте на место, мистер окружной прокурор, — вздохнул судья. — Мистер Фрэнкелл, формулируйте ваши вопросы должным образом. Я уже устал напоминать вам. Никакие показания этого свидетеля не указывают на полицейское давление.

— Прошу прощения, ваша честь, — виноватым голосом произнес Юрай Фрэнкелл. — Суть в том, что свидетель дает показания в результате допроса с пристрастием, проведенного полицией, а не подкупа со стороны защиты…

— И не употребляете слова «допрос с пристрастием», мистер Фрэнкелл! Продолжайте!

— Да, ваша честь. Теперь, мистер Хэтауэй, я хочу вернуться к определенным событиям, происшедшим вечером в среду 30 декабря.

Атмосфера в зале суда сразу же стала напряженной. Казалось, все присутствующие — присяжные, публика, пресса — говорят себе: «Сейчас начнется!», не зная, что именно начнется, но чувствуя по поведению Фрэнкелла, что беднягу обвинителя ждет серьезный удар. Даже судья

склонился вперед. Ведь именно вечером 30 декабря Джи-Джи Гилд отправилась в мир иной.

— Вы помните этот вечер, мистер Хэтауэй?

— Да, — ответил Маггер так горячо, словно стоял у алтаря.

— Прошло уже немало времени. Почему вы запомнили именно этот вечер?

— Потому что мне здорово повезло. — Маггер облизнул пересохшие губы. — Такого со мной еще не случалось.

— Что же столь необычное произошло в тот памятный вечер, мистер Хэтауэй?

Маггер колебался, беззвучно шевеля губами.

— Мы ждем, мистер Хэтауэй, — терпеливо произнес Фрэнкелл. Его взгляд говорил: «Перестань выглядеть так, будто репетируешь твои показания, черт тебя побери!»

— Ну, дело было так, — заговорил Маггер. — Вечер был холодный, а у меня не было ни гроша. Вот я и подошел к тому парню и спросил, не поможет ли он мне. «Конечно, приятель», — ответил он, достал бумажник, порылся в нем и сунул мне в руку деньги. Я посмотрел и чуть не свалился в обморок. Пятьдесят баксов! Я все еще размышлял, не снится ли мне это, а он говорит: «Сейчас время веселиться, старина. Но не будем забывать, что

уже гораздо позже, чем мы думаем. Так что возьмите и это». Он вынул из кармана часы, протянул мне и ушел, шатаясь, прежде чем я успел хоть слово сказать.

— Шатаясь? Вы имеете в виду, что он был пьян? — быстро спросил Фрэнкелл, не глядя на присяжных.

— Я не имею в виду, что он был трезв, — ответил Маггер. — Успел здорово нагрузиться. Славный парень. Лучший из всех, кого я встречал. — Эллери не удивился, когда Маггер добавил: — Благослови его Бог.

— Где произошла эта встреча?

— На углу Сорок третьей улицы и Восьмой авеню.

На сей раз Фрэнкелл посмотрел на жюри. Эллери мог только восхищаться его прозорливостью. Фрэнкелл знал, что ни один мужчина и ни одна женщина в зале суда не поверили рассказу Маггера о его неожиданной удаче. Он попросту ограбил беднягу. Требовалась фронтальная атака на неправдоподобную историю.

— Давайте говорить прямо. Вы сказали, что подошли к пьяному в района Таймс-сквер и попросили у него милостыню, а он добровольно отдал вам пятьдесят долларов и наручные часы?

— Я и не ожидал, что мне кто-то поверит, — отозвался Маггер. — Ведь я сам думал, что мне это приснилось. Но он сделал именно это, хотя я его и пальцем не тронул.

— И это произошло за день до кануна Нового года?

— Да. Должно быть, он заранее приложился к бутылке.

Жюри попалось на крючок. В голосе Маггера слышалось изумление, напоминающее чувство Золушки при прикосновении волшебной палочки феи-крестной. Фрэнкелл был удовлетворен.

— Что случилось потом?

— Ничего. Мне не терпелось рассказать обо всем Спотти, поэтому я отправился в Центральный парк…

— Почему именно в Центральный парк?

— Спотти любил там делать свои дела. Я решил, что он работает на обычной территории, и действительно нашел его там.

— Давайте уточним, мистер Хэтауэй. Вы спешили рассказать вашему приятелю Джону Тьюмелти, или Спотти, как вы его называете, о вашей удаче, поэтому пошли в Центральный парк, где он обычно работал, и разыскали его. Вы сразу же заговорили с ним?

— Я шел по аллее и увидел, как Спотти остановил эту молодую бабенку… леди. Поэтому я подождал за кустом, пока он с ней не поговорит.

— Значит, он просил милостыню у молодой леди. Вы видите ее в этом зале, мистер Хэтауэй?

— Конечно, вижу.

— Пожалуйста, покажите ее нам.

Маггер ткнул вымытым указательным пальцем в сторону Лоретт.

— Прошу занести в протокол, что свидетель указал на мою подзащитную, Лоретт Спанье. — Теперь Фрэнкелл был сама уверенность. — А сейчас, мистер Хэтауэй, я прошу вас быть внимательным и отвечать как можно точнее. В течение времени, когда вы ожидали за кустом, пока Спотти говорил с мисс Спанье в Центральном парке, вы смотрели на часы, которые отдал вам пьяный?

— Еще как смотрел.

— Почему?

— Да я смотрел на них всю дорогу в парк! У меня сто лет не было часов, и я едва мог поверить, что мне это не снится.

— Значит, вы смотрели на часы, пока ваш приятель Спотти попрошайничал у мисс Спанье, только чтобы порадоваться обновке?

— Можно сказать и так.

— Не знаете, часы показывали правильное время?

— Я по пути дюжину раз сверял их с уличными часами и часами в витринах магазинов. Какой смысл иметь часы, если они врут?

— Никакого, мистер Хэтауэй, полностью с вами согласен. А какое время показывали ваши часы, когда вы видели, как Спотти остановил мисс Спанье, чтобы попросить милостыню?

— Точно без двадцати двенадцать, — быстро ответил Маггер.

— Вы в этом уверены, мистер Хэтауэй?

— Конечно, уверен.

— То есть это произошло за двадцать минут до полуночи?

— Как я сказал.

— В среду 30 декабря — в ту ночь, когда была убита Глори Гилд?

— Да, сэр.

— В Центральном парке?

— Да.

Фрэнкелл направился к столу защиты. Выражение лица окружного прокурора, казалось, вызвало у него сочувствие. Он печально улыбнулся, словно говоря: «Простите, старина, mais

c'est la guerre, n'est-ce pas?[44]» Внезапно он снова повернулся к Маггеру.

— Еще один вопрос. Мисс Спанье — молодая леди, сидящая там, — дала что-нибудь Спотти?

— Да. Когда она отошла, я выбрался из-за куста и подошел к Спотти. Он показал мне двадцать пять центов, которые она ему дала, с таким видом, будто это сокровище. — Маггер покачал головой. — Бедный старина Спотти. Паршивый двадцатипятицентовик — когда у меня в кармане джинсов лежало полсотни баксов. Мне едва хватило духу показать их ему.

— Вы, случайно, не заметили, в какую сторону пошла мисс Спанье, расставшись со Спотти?

— Заметил — на запад. Это было на перекрестке аллей, и она пошла к западному выходу.

— Благодарю вас, мистер Хэтауэй. Свидетель ваш. — Фрэнкелл махнул рукой окружному прокурору, который поднялся с места, слегка согнувшись, как будто у него были колики в животе.

---

[44] ПРИМЕЧАНИЯ: 44
Но это война, не так ли? (фр.)

Глава 31

На абсолютно невинной пирушке по случаю оправдания Лоретт было единогласно решено, что она истинное дитя Фортуны. Лоретт не могла объяснить, каким образом забыла о нищем, подошедшем к ней во время прогулки через парк после расставания с тетей, — очевидно, это просто не произвело на нее никакого впечатления. Эллери напомнил ей, что если бы не жалкий попрошайка и его друг, уличный грабитель, вердикт мог оказаться бы куда менее приятным. (Он не стал уточнять, что кое-кто навсегда заткнул попрошайке рот, дабы тот не появился в зале суда, — тот самый «кое-кто», который подложил кольт в ее шляпную картонку. Ему не хотелось портить праздник.)

Даже Кертис Перри Хэтауэй, приглашенный по настоянию Лоретт и поглощающий ирландское виски лошадиными дозами, казался ошеломленным. У него еще не зажили раны от перекрестного допроса окружного прокурора, который не давал ему пощады. Но мистер Хэтауэй не отступал ни на дюйм, за что Гарри Берк нарек его Гораци-

ем.[45] Карманы Маггера были набиты газетными вырезками, повествующими о его важной роли. Он выглядел усталым, ослепленным славой и полным благодушия не в меньшей степени, чем виски «Дагганс дью». Это был звездный час всей его жизни.

Теперь, когда Лоретт уже не грозило обвинение в убийстве, в ее британской броне стали заметны трещины. Она громко смеялась и весело болтала со всеми, но ее невыщипанные брови были сдвинуты, словно от боли или затуманенного зрения, голубые глаза прищурены, как будто им мешал свет, а крылья ноздрей побелели и походили на неглазированный фарфор. Понадобилось бы очень немногое, чтобы из этих чудесных глаз хлынул поток слез. В то же время ее губы, ранее по-детски надутые, приобрели суровую складку. Подросток моментально превратился в женщину, со вздохом подумал Эллери.

— Вы выглядите так, словно проглотили испорченную устрицу, — чуть позже сказал ему Гарри Берк. — В чем дело, приятель?

— В лице, — буркнул Эллери.

— В чьем? — спросил Берк, оглядываясь во-

[45] ПРИМЕЧАНИЯ: 45

Публий Гораций Коклес — легендарный римский герой, в одиночку оборонявший от этрусков мост через Тибр.

круг.

— В том-то и беда, Гарри, что не знаю.

— О!

Чье же лицо имела в виду Джи-Джи Гилд?

Глава 32

— С тобой что-то не так, Берти, — заметил Гарри Берк.

— Все в порядке, Гарри, — отозвалась Роберта.

— Меня тебе не одурачить, голубушка. Ты беспокоишься о Лоретт, верно?

— Ну…

— Ты должна немного притормозить, Берти. Я имею в виду отношения Лоретт с Армандо. Ты не можешь вечно опекать Лоретт. Ее это раздражает.

— О, Гарри, я не хочу об этом говорить! С трудом держу себя в руках. Пожалуйста, обними меня.

Лоретт дипломатично отправилась спать — по крайней мере, удалилась в спальню, оставив Роберту и Гарри наедине в огромной гостиной пентхауса.

Держа Роберту в объятиях, Берк закрыл глаза. Она была такая теплая. Весь мир казался в эти дни полным света и радости, несмотря на пе-

риодическое появление смуглой недовольной физиономии Карлоса Армандо. Сколь же холостых лет он потратил впустую!

Роберта прижалась к нему, как усталый ребенок.

— Я не знала, Гарри, что мужчина может быть таким хорошим, — пробормотала она. — Я так тебе благодарна.

— Благодарна?

— Другого слова не подберешь. Я бы хотела…

— Да, Берти?

— Ничего.

— Но ты начала фразу и не договорила! Чего бы ты хотела?

— Чтобы ты появился в моей жизни много лет назад.

— В самом деле?

— Я бы не стала тебе лгать. С тобой я чувствую себя так… как, очевидно, должна чувствовать себя женщина. Совсем не как…

— Не как что?

— Не важно.

— Не как ты чувствовала себя, когда была влюблена в Армандо?

Она выпрямилась и сердито оттолкнула его.

— Никогда больше не упоминай об этом, Гарри

Берк! Я была дурой — хуже, чем дурой! Теперь мне кажется, будто это происходило с кем-то другим, а не со мной… — Ее голос дрогнул. — С тобой все совсем по-другому, Гарри. Никогда не позволяй мне забывать об этом.

— Не позволю, — заверил ее Берк.

На сей раз их поцелуй был лишен обычной страсти. Он был праведным и словно предопределенным самой природой вещей. Берк понимал, что крепко попался на крючок. Впрочем, попались они оба, и это было чудесно.

Глава 33

— Значит, это серьезно, — промолвил Эллери спустя несколько дней.

Сидящий напротив него за столом, накрытым к ленчу, Берк вопросительно приподнял рыжеватые брови.

— Я имею в виду вас и Роберту Уэст, — пояснил Эллери.

Шотландец выглядел смущенным.

— От вас ничего не скроешь. Как вы догадались?

— Раньше вы говорили, что не возвращаетесь домой, так как чувствуете ответственность за

Лоретт Спанье. С Лоретт все в порядке, а вы еще здесь. Если это не Лоретт, значит, малютка Робби. Она уже об этом знает? Сколько времени требуется шотландцу, чтобы признаться в любви?

— Мы — осторожное племя. — Берк слегка покраснел. — И строго моногамное. В таких делах лучше не торопиться. Да, приятель, это серьезно, черт бы вас побрал!

— Так знает Роберта или нет?

— Думаю, что да.

— Думаете!

— Гораций, в мире много кой-чего, что попросту вас не касается.[46] — Казалось, Берк старается перевести разговор на другую тему. — Есть что-нибудь новое о деле?

— Ничего.

— Выходит, вы покинули корабль?

— Черта с два. Эта история с лицом не дает мне спать. Между прочим, что это я слышал о Лоретт и Карлосе Армандо? — Газетные колонки сплетен изобиловали намеками, а Эллери не видел Лоретт после вечеринки по поводу ее оправдания.

— Просто невероятно! — сердито сказал Берк. — У этого парня стыда не больше, чем у обезьяны!

---

[46] ПРИМЕЧАНИЯ: 46

«Гораций, в мире много кой-чего, что вашей философии не снилось» (Шекспир У. Гамлет. Перевод Б. Пастернака).

Не могу понять женщин. Казалось, Лоретт должна видеть его насквозь — ведь она практичная девушка. Но, по-видимому, она становится такой же беспомощной гусыней, как остальные, когда он пускает в ход свои чары.

— С таким талантом нужно родиться, — заметил Эллери. — Очень жаль это слышать. Вроде бы «послужной список» Армандо должен говорить сам за себя.

— Вам, мне и всей мужской половине человечества, — отозвался Берк. — А для женщин это иностранный язык.

— И нет никакого способа открыть ей глаза?

— Видит Бог, Роберта старается изо всех сил. — Шотландец выбил из трубки остаток табака. — Из-за этого между девушками уже пробежала черная кошка. Я пытался убедить Берт не принимать это так близко к сердцу, но она ненавидит Армандо и не может смотреть равнодушно, как он увивается вокруг Лоретт.

На следующей неделе Эллери узнал от Берка, что разногласия девушек из-за Армандо достигли критической стадии.

— Послушай, дорогая, — сказала Роберта. — Конечно, это не мое дело, но я просто не могу видеть, как тебя затягивает этот зыбучий песок в

человеческом облике.

Лоретт выпятила подбородок.

— Предпочитаю больше не говорить с тобой о Карлосе, Роберта.

— Но кто-то должен вколотить тебе в голову хоть немного здравого смысла! Ты позволяешь ему присылать тебе цветы, назначать свидания, торчать здесь часами. Неужели ты не понимаешь, во что ты ввязалась?

— Роберта…

— Нет уж, я скажу все. Ты ведешь себя глупо, Лоретт. У тебя нет никакого опыта с мужчинами, а Карлос дюжинами обдирает как липку таких, как ты. Он даже не особенно скрывает это от тебя. Разве ты не видишь, что ему нужны только деньги, которых он не получил после смерти твоей тети Глори?

Лоретт с усилием сдержалась, наполовину отвернувшись и стиснув маленькие кулачки.

— Не могла бы ты перестать пытаться мною руководить?

— Я только пытаюсь спасти тебя от когтей одного из самых отъявленных негодяев. Который к тому же убийца.

— Карлос никого не убивал!

— Но он это подстроил, Лоретт. Он виноват куда

больше той женщины, кем бы она ни была.

— Я этому не верю!

— По-твоему, я лгу?

— Может быть.

— С какой целью? Я сто раз рассказывала тебе, как Карлос пытался убедить меня сделать это для него…

Лоретт снова повернулась к ней, вскинув голову.

— Роберта, я изменила свое мнение о тебе. Теперь я понимаю, что ты мне просто завидуешь.

— Чему я завидую?

— Деньгам, которые оставила мне тетя Глори, и вниманию, которое оказывает мне Карлос!

— Ты совсем обезумела, дорогая! Твоему богатству я только радуюсь. А что касается Карлоса, то я предпочла бы внимание акулы — это было бы безопаснее. И для тебя тоже.

— Ты призналась, что была в него влюблена!

— Да, до того, как поняла, кто он. Слава богу, эта глава моей жизни уже окончена. Если хочешь знать, Лоретт, я влюблена в Гарри Берка и уверена, что он любит меня. А на этого слюнявого монстра мне наплевать.

— Довольно, Роберта! — Лоретт дрожала от гнева. — Если ты не в состоянии прекратить кле-

ветать на Карлоса… — Она умолкла.

— Ты собиралась сказать, что хочешь, чтобы я ушла отсюда? — спокойно осведомилась Роберта.

— Я сказала, что если ты не можешь прекратить…

— Я знаю, что ты сказала, Лоретт. Я уеду отсюда, как только найду квартиру. Если, конечно, ты не хочешь, чтобы я сделала это немедленно.

Девушки сердито уставились друг на друга. Наконец Лоретт заговорила ледяным британским тоном:

— Не обязательно делать это сегодня. Но при сложившихся обстоятельствах мне кажется разумным отказаться от совместного проживания.

— Я уеду завтра утром.

Роберта сдержала слово. Она перебралась в Христианскую ассоциацию молодых женщин, а Гарри Берк помог ей найти квартиру на Йорк-авеню в полуподвале ветхого здания с решетками на окнах и протекающей треснутой раковиной. В углу квартала был бар, из которого постоянно выходили подвыпившие мужчины.

— Это вонючая дыра, Берти, — сказал Гарри. — Не понимаю, почему ты на нее согласилась. Если бы ты прислушалась к голосу разума…

— То есть взяла у тебя деньги?

— Ну и что в этом плохого?

— Все, Гарри, кроме того, что с твоей стороны было очень любезно предложить их.

Берк выглядел сердитым и беспомощным.

— Квартира не такая уж плохая и, по крайней мере, меблированная, — утешила его Роберта. — Как бы то ни было, я не могу себе позволить ничего лучшего. И я предпочитаю жить здесь, чем в пентхаусе Лоретт, наблюдая, как эта скотина дурачит ее.

— Но здесь дурное соседство!

— Оно не хуже, чем присутствие Карлоса в квартире Лоретт.

Роберта переехала со своими немногочисленными пожитками на Йорк-стрит, и Гарри Берк стал ее личным телохранителем. Он выполнял взятую на себя работу с куда большим рвением, чем требовалось, — в доме проживало много совсем неплохих людей, которые были не в состоянии вносить более высокую арендную плату, и никто из них не страдал от «дурного соседства». Тем не менее Берк однажды схватил за шиворот длинноволосого юнца в черной кожаной куртке и сапогах, который, сидя на корточках у окна Роберты, подглядывал сквозь решетку и щели в

портьере за раздевающейся девушкой. Шотландец не стал звать полицию. Он отобрал у парня пружинный нож, наградил его пинком в зад, предупредил, что бездельникам и извращенцам запрещено подходить к этому дому, и посоветовал сообщить об этом своим дружкам. После этого Берк почувствовал себя лучше. Он даже отремонтировал за свой счет ненадежный замок входной двери, сказав Роберте, что это должно развеять миф о скупости шотландцев. Роберта поцеловала его куда горячее, чем заслуживали истраченные им сорок девять центов, что даже в Шотландии сочли бы выгодной сделкой.

Глава 34

Происходившее с Лоретт не было новостью для Эллери, родившегося и выросшего в Америке, но Берку, несмотря на такие «англицизмы», как дело Профьюмо,[47] это казалось невероятным. Следуя местной культурной традиции, девушка, освобожденная в зале суда, за одну ночь стала

[47] ПРИМЕЧАНИЯ: 47

Профьюмо Джон (1915–2006) — британский государственный деятель, в 1960–1963 гг. госсекретарь по военным делам (упраздненная ныне должность), ушедший в отставку после громкого скандала из-за связи с шоу-герл Кристин Килер.

знаменитостью со всеми вытекающими оттуда последствиями, включая контракт.

— Только невежество объясняет ваше удивление, Гарри, — сказал ему Эллери. — Мы здесь относимся к убийству как к событию общенационального масштаба. Мы помешаны на наших убийцах — фотографируем и интервьюируем их, клянчим у них автографы, собираем деньги на их защиту, сражаемся за то, чтобы взглянуть на них, и проливаем слезы радости, когда их оправдывают. Некоторые даже вступают с ними в брак. Трумен Капоте провел последние несколько лет — лет, обратите внимание! — собирая материал об абсолютно бессмысленной бойне в Канзасе только для того, чтобы сделать из этого книгу. Теперь она продается миллионными тиражами.[48]

— Но Лоретт предложили выступать на Бродвее! — запротестовал Берк.

— Разумеется. Вы просто не привыкли к этому, Гарри. В наши дни гражданские права в США кое-что значат. Почему белую протестантку англосаксонского происхождения следует дискриминировать только из-за того, что мой отец и

---

[48] ПРИМЕЧАНИЯ: 48

Капоте, Трумен (1924–1984) — американский писатель. Его роман «Хладнокровно» (в русском переводе «Обыкновенное убийство») был основан на факте реального убийства фермерской семьи в Канзасе.

окружной прокурор посчитали, будто она убила свою тетю? Хотя, насколько я понимаю, случай с Лоретт объясняется не только верностью демократическим идеалам. У нее вроде бы есть талант.

— У Роберты тоже, — сердито сказал шотландец. — Но я не вижу, чтобы кто-нибудь предлагал ей контракт.

— Посоветуйте Роберте постараться, чтобы ее обвинили в убийстве.

Лоретт бомбардировали столькими предложениями выступать по телевидению, в ночных клубах, даже сниматься в кино, что она, по тактичному совету дядюшки Карлоса, обратилась за помощью к Селме Пилтер. Старая ветеранша войн за отчисление процентов, привязавшаяся к Лоретт после встречи в офисе нотариуса Уильяма Мелоуни Вассера, ринулась в битву. Именно она добыла в качестве трофея бродвейский контракт.

— Но, Селма, ведь это Бродвей… — неуверенно начала Лоретт.

— Послушай, дорогая моя, — прервала ее Селма Пилтер. — Если ты серьезно думаешь о карьере певицы, то нет более быстрого способа добиться признания. Не можешь же ты годами окола-

чиваться в клубах. Если хочешь стать звездой, нужно завоевать соответствующую публику. Хотя телевидение создает хорошую рекламу, это не кратчайший путь. Посмотри на Барбару Стрейзанд — она добилась всего, только попав на Бродвей. Джи-Джи карабкалась к вершине на радио, но то была другая эпоха. Рекламу ты получила, теперь тебе нужно показать себя, и поскорее, пока публика тебя помнит. Вот почему я советую отказаться от голливудского предложения — Голливуд отнимает слишком много времени. Конечно, если бы у тебя не было качеств звезды, тогда другое дело. Но с твоим голосом и тем, что с тобой произошло, грех упускать такую возможность.

— Вы действительно так думаете?

— Я слишком давно в этом бизнесе, чтобы тратить время на посредственность. И Оррин Стайн тоже. Если Оррин приглашает тебя в свой мюзикл, значит, считает, что ты справишься. Он не станет рисковать почти полумиллионом долларов своих спонсоров, не говоря уже о своей репутации, только ради хорошенького личика и нескольких дюжин газетных вырезок.

— Мне дадут главную роль?

Старуха усмехнулась:

— Ты говоришь так, словно уже стала звездой. Это музыкальное ревю, дорогая, битком набитое свежими молодыми талантами, — Оррин умеет подбирать завтрашних звезд. Для тебя он предназначает сольный номер — только ты, фортепиано и прожектор для подсветки. Большей уверенности в тебе он не мог продемонстрировать. Так что советую тебе согласиться.

Лоретт согласилась — и рекламная машина начала работать вовсю благодаря Селме Пилтер и пресс-агенту Стайна, не упоминая уже Кипа Кипли и ему подобных. Марта Беллина, вернувшись с гастролей, стала давать девушке уроки вокального мастерства.

— Это самое малое, что я могу сделать для племянницы Глори, — говорила ей пожилая оперная певица. — А твой голос напоминает мне ее.

Эллери, все еще гоняющийся за четырехбуквенным блуждающим огоньком в деле об убийстве Глори Гилд, выкроил время, чтобы приехать на такси к уже ветхому Римскому театру на Западной Сорок седьмой улице, где репетировала труппа Стайна, и с помощью шапочного знакомства со швейцаром, а также пяти долларов проскользнул в один из последних рядов.

Это оказалось правдой. Сходство заставляло

вздрогнуть и покрыться гусиной кожей. Девушка от природы великолепно владела голосом — тем же голосом, который, как мог бы поклясться Эллери, звучал на старых пластинках Глори Гилд, доставлявших ему такое наслаждение.

Лоретт сидела у рояля на пустой сцене в своей повседневной одежде, без грима, изредка заглядывая в текст. Из ее горла исходил тот же тихий, трепетный голос, который некогда околдовывал миллионы радиослушателей ее тети. Он был столь же интимным, обращенным не ко всему залу, а к каждому слушателю, чтобы тот мог унести его с собой и мечтать о нем. Билли Годенс, которому Стайн поручил писать музыку для его ревю, уделял особое внимание соло Лоретт, подгоняя его стиль и настроение к ее голосу, пока музыкальный материал не стал составлять с ним единое целое. Годенс благоразумно отказался от стилей бит, рок и фолк, вернувшись к страстным балладам эпохи Глори Гилд — песням, которые трогали до глубины души. (Позднее Эллери узнал, что вся остальная музыка шоу была выдержана в современном стиле. Оррин Стайн предоставил Лоретт витрину. Он знал, что делает.)

Она произведет сенсацию, подумал Эллери, и в этот момент в голове у него вспыхнула молния,

сулящая сенсацию куда большую, чем девушка на сцене.

Несколько минут он сидел неподвижно, пытаясь все обдумать.

Сомнений не было — Джи-Джи имела в виду именно это.

Поднявшись, Эллери отправился на поиски телефона.

Глава 35

— Не спрашивайте меня, почему мне пришло это в голову на репетиции Лоретт, — часом позже говорил Эллери в офисе Вассера нотариусу, своему отцу, Гарри Берку и Роберте. — Возможно, потому, что она создавала музыку, — именно создавала! — а в музыке заключена тайна этой штуки.

— О чем ты, сынок? — осведомился инспектор Квин. — Какой штуки?

— F-a-c-e, — ответил Эллери. — Сообщения, которое умирающая Джи-Джи оставила на своем столе.

— Ну и при чем тут музыка?

— При всем. — Эллери был слишком возбужден, чтобы говорить сидя, — он метался по кабинету

Вассера, словно стараясь увернуться от шершней. — Не знаю, как я мог быть настолько туп. Ведь все скрывалось в этих четырех буквах. Обратите внимание, что я говорю «четыре буквы», а не «слово».

— А вы обратите внимание, мистер Квин, — сказал Вассер, чей тик резко усилился, — что я уже перестал вас понимать.

— Сейчас поймете. Дайте мне прийти в себя. Я чувствую себя так, словно выпил десять порций виски и внезапно очутился на свежем воздухе… Слушайте. Джи-Джи написала «face». Было очевидно, что она подразумевала под этим указание на своего убийцу. Но мне также становилось все более очевидно, о чем свидетельствует моя жуткая мигрень, что как ключевое слово к личности убийцы «лицо» не означает ровным счетом ничего. Естественно, возникает вопрос. Что, если это не было ключевым словом?

Инспектор нахмурился.

— Но в таком случае…

— Вот именно. Если оно не было ключевым словом, то какого рода ключом это могло быть? Я обдумывал всевозможные варианты, кроме правильного, который был настолько очевиден, что никто из нас его не замечал. Ибо если «face» не

являлось ключевым словом, то оно становилось ключом, состоящим из четырех букв английского алфавита, образующих не слово, а какую-то иную последовательность, имеющую смысловое значение.

— Код? — предположил старик.

— Пожалуйста, не прерывай полет моих мыслей. На чем я остановился? Ах да. Когда начинаешь думать об этом с такой точки зрения, сразу приходит в голову, что Джи-Джи написала свое послание как четыре отдельные буквы. Ведь она даже разделила их интервалами. Правда, подобные интервалы были вообще свойственны ее почерку, поэтому буквы походили скорее на печатные, чем на обычные письменные. Но если подумать о «f-a-c-e» не как о слове, а в ином контексте, все становится ясным.

— Только не мне. — Шотландец нахмурился. — В каком контексте?

— Что нам известно о занятиях Глори Гилд? Во-первых, будучи певицей, она посвятила всю себя музыке. Во-вторых, уйдя на покой, она помешалась на загадках. Теперь подумайте о «f-a-c-e» как о музыкальной загадке.

Последовало молчание — музыкальное и загадочное. Эллери сиял — в своих рассуждениях он

достиг космической скорости, а это всегда приводило его в состояние эйфории. Его отец, Вассер и Берк не обнаруживали никаких признаков понимания. Большие глаза Роберты блеснули под сдвинутыми бровями, как будто ей что-то пришло в голову, но потом она покачала головой.

— В детстве я училась музыке, поэтому вроде должна понимать, куда вы клоните, Эллери. Но я не понимаю.

— Что в музыке означает «f-a-c-e», Роберта?

— Лицо?

— Не слово, а буквы.

— Вы имеете в виду, что f, a, c и e — это ноты?[49]

— А что же еще? Конечно, ноты! Какие именно?

— В каком смысле?

— Где они расположены на нотоносце?

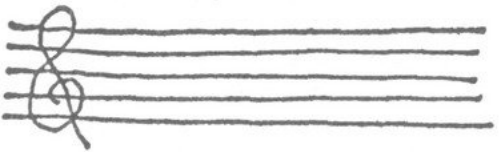
— Если бы у меня была нотная бумага…

— Вы позволите, мистер Вассер?.. — Эллери схватил со стола нотариуса лист желтой писчей бумаги, ручку и начал быстро писать. Когда он поднял лист, все увидели нотоносец из пяти параллельных линий:

---

[49] ПРИМЕЧАНИЯ: 49

Буквенные обозначения нот фа, ля, до и ми.



— Вот нотный стан в ключе «соль» — в скрипичном ключе. Роберта, покажите нам, где находятся на нем ноты f, a, c и e.

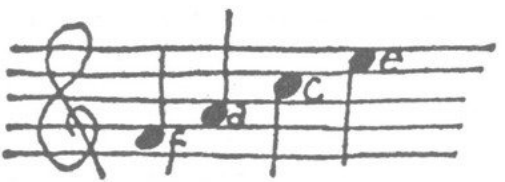
Роберта взяла ручку и бумагу, подумала и изобразила четыре ноты.

— Добавьте их названия.

Она повиновалась.

— Теперь смотрите.

Эллери пустил бумагу по кругу. Все увидели следующее:



— Значит, это ноты, — промолвил инспектор Квин. — И мисс Уэст, очевидно, разместила их в нужных местах, иначе ты бы не лоснился от удовольствия. Ну и что дальше, Эллери?

— Нотный стан состоит из пяти линий и четырех промежутков между ними. Где Роберта поместила ноты? На линиях или в промежутках?

— В промежутках.

— Вот именно. Что означает «между строк». — Эллери умолк с торжествующим видом.

— Нам следует выдвинуть твою кандидатуру на пост мэра? — фыркнул старик. — Не знаю, о чем ты говоришь, Эллери. Ты должен объяснить все таким образом, чтобы это стало понятным моему цыплячьему мозгу.

— Погодите. — Гарри Берк вцепился в подлокотники стула. — Она таким образом велела нам читать между строк!

— Выдайте этому джентльмену сигару, — сказал Эллери. — Да, в этом заключалась суть музыкальной загадки Джи-Джи. «Читайте между строк».

Последовала очередная пауза.

— Каких строк? — свирепо осведомился инспектор. — Где?

— Это вопрос.

— В ее дневниках?

— Логично, папа, но неразумно. Вспомни, как плотно исписаны страницы ее дневников. Там

практически нет свободного места. Джи-Джи должна была обладать талантом человека, написавшего молитву «Отче наш» на булавочной головке, чтобы втиснуть что-нибудь между строчками своих дневников.

— Тогда где же? В одной из ее книг?

— Еще менее вероятно. Их сотни.

— Это не может находиться между строк рукописи по причине, которую вы только что назвали, — пробормотал Берк. — Типографский текст тоже не подходит. Все же это должно быть что-то напечатанное механически, с достаточными и одинаковыми расстояниями между строчками…

— Попали в точку, Гарри.

Берк воодушевился:

— Какой-то машинописный текст. Джи-Джи оставила что-нибудь, что она отпечатала на машинке?

— Не обязательно она, Гарри.

— Господи! — медленно произнес Вассер. — Ее завещание!

Эллери кивнул.

— Я пришел к тому же выводу, поэтому и попросил устроить собрание в вашем офисе, мистер Вассер. Когда вы читали завещание наследникам,

вы сказали, что оригинал уже передан в суд по делам о наследстве, а вы читаете копию. Я узнал в ней ту, которую мы обнаружили в металлическом ящичке в квартире Глори Гилд — ее собственную копию завещания. Она все еще у вас?

— Разумеется.

— Я бы хотел взглянуть на нее.

В ожидании, пока секретарша Вассера принесет завещание, Эллери заметил:

— Есть еще одна причина подозревать, что сообщение между строк скрыто в копии завещания Глори, — это длинный список даров благотворительным организациям. Мне уже тогда это показалось странным. Зачем было перечислять все мелкие суммы по отдельности? Куда удобнее было бы назвать общую сумму с указанием душеприказчику разделить ее по своему усмотрению. Но перечисление благотворительных организаций делало завещание куда более длинным, предоставляя место для достаточно длинного сообщения… Благодарю вас. — Эллери взял у секретарши копию завещания. — Одну минуту, пожалуйста. Кажется, я видел в приемной электрический тостер?

— Да, сэр. Мистер Вассер часто завтракает в офисе. Поэтому мы держим здесь тостер.

— Я бы хотел ненадолго его позаимствовать.

Девушка принесла тостер, и Эллери включил провод в розетку за столом. Затем он поставил тостер на стол и нажал кнопку.

— Это получше, чем трюк со спичкой. Ну, посмотрим, функционирует ли еще мой механизм догадок. — Он стал держать первую страницу завещания над теплом, исходящим из недр тостера, водя ее взад-вперед. Все столпились вокруг, вытягивая шею.

— Что-то появляется! — воскликнула Роберта.

В промежутках между отпечатанными строчками начал проступать знакомый почерк Глори Гилд.

— Будь я проклят! — пробормотал Гарри Берк.

— Кое-кто наверняка будет, — хищно усмехнулся инспектор Квин. — Теперь мы наконец-то продвинемся вперед!

Глава 36

Послание было длинным, как предвидел Эллери, и написанным ради экономии убористым почерком. Оно занимало все промежутки между строчками, кроме нижней половины последней страницы отпечатанного текста.

— Читай, папа. — Эллери сел, и инспектор начал читать вслух:

— «Я пишу это по причинам, которые вскоре станут понятными. Уже некоторое время мне хотелось поехать куда-нибудь отдохнуть, и я решила отправиться в свой коттедж в Ньютауне. Я предложила Карлосу отвезти меня на автомобиле, но он не согласился, сославшись на плохое самочувствие. Мне пришлось возиться с его головной болью, пока он не сказал, что ему немного лучше, поэтому я смогла уехать только под вечер. (Я уже хотела отказаться от такси, но Карлос настоял, чтобы я этого не делала.)

Прибыв в коттедж, я обнаружила, что электричество не включено, хотя я несколько дней назад велела Джин предупредить коннектикутскую электрокомпанию, чтобы они возобновили подачу тока. (Позже я узнала, что Джин просто забыла это сделать, что совсем на нее не похоже.) Мне пришлось обходиться свечами, но в доме было сыро и холодно — отопление там тоже электрическое. Чтобы не рисковать подхватить вирус (певцы никогда не перестают бояться простуды), я решила вернуться в город.

Поднявшись на лифте в пентхаус, я собиралась вставить ключ в замок, когда услышала голоса

из гостиной — Карлоса и какой-то женщины. Женский голос был мне незнаком. Это явилось для меня шоком. В моем собственном доме! У Карлоса не было ни стыда, ни совести. Я была вне себя от ярости и отвращения.

Я спустилась вниз, снова поднялась, уже в служебном лифте, пробралась через кухню и буфетную к двери гостиной и стала слушать. Карлос и женщина продолжали разговаривать. Я бесшумно приоткрыла дверь и заглянула в щелку. Конечно, гордиться тут нечем, но я была готова задушить Карлоса за то, что он солгал, будто ему нездоровится, и сразу после моего отъезда привел в дом женщину. Мне хотелось посмотреть, как она выглядит. Она оказалась молодой, миниатюрной и красивой, с рыжими волосами и стройными ручками и ножками (а я ведь такая кобыла — вернее, как говорил мой муж этой девушке, «корова, которую нужно доить».)»

Роберта Уэст смертельно побледнела.

— Это была я, — прошептала она. — Должно быть, это происходило той ночью, когда он… А она подслушивала под дверью! Что же она обо мне подумала!

Гарри Берк взял ее за руку, заставив молчать. Инспектор Квин сердито посмотрел на Роберту и

продолжил чтение:

— «Говорил в основном Карлос, и вскоре стало ясно, что он планирует мое убийство. Я не вообразила это — он произнес это вслух. У меня задрожали колени, и я подумала: «Это шутка — он не может говорить серьезно». Я уже хотела войти в комнату и сказать, что считаю это скверной шуткой, но что-то меня удержало, и я продолжала слушать, ненавидя себя, но не в силах оторвать ухо от двери.

Карлос сказал девушке, что сделал бы это сам, но боится, что его заподозрят в первую очередь. Поэтому ему нужно твердое алиби. (К этому времени я уже не была уверена, что он шутит.) Потом Карлос предложил, чтобы девушка совершила убийство, пока он создаст себе алиби, после чего унаследует мои деньги, женится на ней и они заживут счастливо. Значит, это была не шутка. Он действительно имел это в виду.

Больше я не могла этого выносить. Я выбежала через кухню, оставив их в гостиной, спустилась на служебном лифте и бродила по улицам большую часть ночи, не зная, что делать, куда идти, к кому обратиться. Потом я взяла свою машину, сама поехала назад в Ньютаун, где уже включили электричество, и оставалась в коттедже целых

два дня, но не смогла ничего придумать. Если бы я обратилась в полицию, то что бы это дало? Мои слова никто бы не смог подтвердить, а Карлос и девушка все бы отрицали. История попала бы в газеты, вызвав жуткий скандал. Самое большее, чего бы я могла добиться, — это чтобы полиция приставила ко мне охрану, но они не могли охранять меня вечно, даже если бы поверили мне.

Я могла развестись с Карлосом. Но к этому времени я справилась с потрясением и страхом, и меня обуревал дикий гнев. Конечно, я знала, что представляет собой Карлос, и подозревала, что он волочится за другими женщинами, но убийство!.. Мне и в голову не приходило, что он способен испачкать руки кровью. Во всем этом было нечто нереальное. Я решила отомстить ему. Но развод для этого не подходил. Карлос должен был думать, что все идет по его плану.

Разумеется, я ставила на карту свою жизнь. Возможно, в глубине души я не до конца этому верила. Как бы то ни было, лучшая часть моей жизни уже миновала, и если она сократится на несколько лет… Это покажется бессмысленным всем, кроме женщины, которая, как и я, становится старой, толстой, безобразной и всеми забытой после многих лет славы, аплодисментов и всеоб-

щего восхищения.

С тех пор я смотрела в оба и вскоре обнаружила, что мои подозрения насчет Карлоса и других женщин были более чем обоснованны. Он даже соблазнил мою секретаршу Джин Темпл — неудивительно, что бедняжка стала такой нервной. Женщин я не виню — Карлос обладает чем-то, против чего они не в силах устоять. Конечно, из-за своих подозрений я не стала рвать наше добрачное соглашение, хотя убедила Карлоса, что сделала это. Оно давало мне еще одно оружие против него, и притом самое болезненное.

Разумеется, у меня имеется и другое оружие — новое завещание, которое я написала симпатическими чернилами. Я также оставила ключ невидимыми чернилами на странице моего дневника за 1 декабря. Все это на тот случай, если меня убьют. Не знаю, чего ждет Карлос — вероятно, удобной возможности, которой я стараюсь ему не предоставлять. Но что-то в его поведении подсказывает мне, что срок близится. Если я права относительно его намерений, — а я уверена, что это так, — то он получит по заслугам, и причем в самое больное место. Я начала поиски единственного ребенка моей сестры, Лоретт Спанье, которой завещала большую часть моего

состояния. Это должно стереть все обаяние с лица Карлоса! Хотела бы я посмотреть на него во время чтения завещания!

Те, кто прочитают это, должны знать следующее. Если я умру насильственной смертью, то это подстроил мой муж. Хотя у него будет надежное алиби, он так же виновен, как если бы совершил убийство собственными руками. Женщина — всего лишь его орудие.

Я пыталась выяснить, кто такая девушка, которая была в моей квартире той ночью, когда я подслушала, как Карлос планирует мое убийство, но он был слишком осторожен и, насколько мне известно, больше не виделся с ней, разве только тайком. Поэтому я не знаю ее имени, хотя у меня есть странное чувство, что я уже видела ее раньше. Прилагаю ее описание: чуть больше двадцати пяти лет, очень светлая кожа, рыжевато-каштановые волосы, рост около пяти футов трех дюймов, изящная фигура, красивые глаза (цвет я не смогла разглядеть), говорит с актерской дикцией (возможно, я видела ее на Бродвее или на гастролях), одевается в стиле Гринвич-Виллидж. На правой щеке заметная родинка в форме почти абсолютно симметричной бабочки, по которой ее легко опознать. Эта девушка — сообщница

Карлоса. Если меня убьют, то это сделала она — ради него.

Глори Гилд».

Инспектор Квин оторвал взгляд от последней страницы, покосился на родинку Роберты и пожал плечами, потом положил завещание на стол Вассера и отвернулся.

— Родинка в форме бабочки! — воскликнул Гарри Берк. — Вот почему Роберта показалась ей знакомой. Ты ведь говорила, Берти, что встречалась с ней и Армандо, когда играла летом в репертуарном театре. Должно быть, это застряло у нее в голове.

— Но Глори Гилд все неправильно поняла, — дрожащим голосом сказала Роберта. — Вероятно, она выбежала из квартиры той ночью в мае прежде, чем я категорически отказалась от предложения Карлоса и тоже ушла. Если бы она задержалась хотя бы на несколько минут, то знала бы, что я не пожелала принимать в этом участие, и никогда бы не написала такого — во всяком случае, обо мне.

Берк похлопал ее по руке.

— Конечно нет, Берти.

— А выследить меня она не смогла, потому что я больше не видела Карлоса вплоть до но-

чи убийства, когда он явился в мою квартиру, чтобы использовать меня в качестве алиби! — Родинка-бабочка на ее щеке вздрагивала от волнения. — Господи, почему я оказалась в этом замешанной?

Берк сердито уставился на Эллери, как будто ожидая от него слов утешения. Но Эллери сгорбился на своем стуле, посасывая костяшки пальцев.

Некоторое время все молчали.

— Итак, — пробормотал наконец инспектор Квин, — мы вернулись к тому, с чего начали. Единственный ключ, который у нас был, оказался пустым номером, не приблизив нас ни на дюйм к женщине, которая выполнила для Армандо грязную работу.

— Но это доказательство против него, инспектор, — запротестовал Вассер. — Теперь у вас есть не только показания мисс Уэст, но и документальное подтверждение предложения, которое Армандо ей сделал.

Но инспектор покачал головой.

— Чтобы добраться до Армандо, мистер Вассер, нам нужна женщина. — Он бросил угрюмый взгляд на сына. — Я заметил, что ты все время молчишь.

— А чего тут говорить? — отозвался Эллери. — Ты сам все сказал, папа. Нам придется все начать сначала.

Глава 37

Они начали все сначала, но в награду за свои труды не получили ничего, что бы не знали раньше.

Армандо вел себя крайне осторожно. Он больше не виделся с миссис Арден Влитланд (Платформой) — героиней ньюпортского скандала стоимостью в сотню тысяч долларов. Миссис Герти Ходж Хаппенклаймер из Чикаго и с Бикмен-Плейс, в свою очередь, больше не виделась с ним, — очевидно, ее пристрастие к использованным игрушкам сменилось более безопасными развлечениями, а Армандо также не делал видимых попыток возобновить встречи. Лошадница и алкоголичка Даффи Дингл все еще «просыхала» в лечебнице неподалеку от Бостона. Армандо бросил и Джин Темпл, остававшуюся в квартире на Восточной Сорок девятой улице с Вирджинией Уайтинг, иногда уезжая из нее, чтобы выполнять подвернувшуюся секретарскую работу, и, несомненно, все еще лелея в своей впечатляющей

груди воспоминания о краткой любовной связи. Доктор Сьюзан Меркелл казалась слишком занятой профессиональными обязанностями, чтобы общаться с Армандо, а может быть, его горло внезапно исцелилось. Марта Беллина вновь гастролировала — в Европе или где-то еще. О Селме Пилтер они даже не стали беспокоиться — Армандо ловил рыбку помоложе. О таинственной женщине под фиолетовой вуалью по-прежнему не было известно абсолютно ничего, словно она была призраком из готического романа, созданным чьим-то разгоряченным воображением.

Армандо сосредоточился на Лоретт Спанье, играя роль доброго дядюшки и садовника, выращивающего молодые таланты. Он регулярно посещал ее репетиции, сидя в пустом партере Римского театра, пока она разучивала новый номер Билли Годенса или работала над старыми, появлялся за кулисами по окончании репетиции, отвозил ее домой или в уютный ресторанчик, если она не слишком уставала, утешал ее, когда она пребывала в угнетенном состоянии. Его видели с ней повсюду.

— Маленькая дурочка! — ворчал Гарри Берк. — Неужели у нее нет элементарного чувства осторожности?

— Ей одиноко, Гарри, — пояснила Роберта. — Ты просто не понимаешь женщин.

— Зато я хорошо понимаю таких, как Армандо!

— Я тоже, — мрачно отозвалась Роберта. — Но не суди Лоретт по своим мужским стандартам, дорогой. Она найдет способ позаботиться о себе. Большинству из нас это удается — женщины рождаются с подобным инстинктом. Сейчас она нуждается в человеке, которому можно излить душу. Карлос легко с этим справляется.

— Он обведет Лоретт вокруг пальца, как ее тетю, — фыркнул Берк.

— Но ведь он не смог обмануть Глори Гилд, судя по ее тайному посланию, верно?

— Тогда почему она лежит в гробу бездыханная?

— Карлос не причинит вреда Лоретт. Ему нужны ее деньги.

— Он и их получит! — Берк усмехнулся. — Впрочем, ненадолго, дорогая. Ты недооцениваешь малютку Лоретт. Сейчас она, возможно, строит из себя дуру, но это до поры до времени. Чтобы получить деньги, Карлосу придется на ней жениться, и я чувствую, что в этом вопросе Лоретт окажется не настолько доверчивой.

— Сумел же он жениться на ее тете!

— Джи-Джи была практически старухой, а Лоретт молода и красива. Это всего лишь эпизод. Как бы то ни было, к чему нам тратить время на разговоры о них? Завтра я должен рано встать.

Они переключились на другое занятие, от которого у обоих перехватило дыхание.

Роберта получила роль в захудалом театре, где не должна была произносить ни слова, а только появляться на сцене в каждом из трех бесконечных актов в телесного цвета бикини, танцуя фраг.[50]

— Автор говорил мне, что написал это под влиянием ЛСД,[51] — рассказывала она Берку, — и я ему охотно верю. — Каждый вечер Роберта возвращалась домой еле волоча ноги.

Для шотландца наступили трудные времена. Пока Роберта репетировала, он проводил большую часть времени с Эллери, без толку торча в Главном полицейском управлении. Они напоминали пару из третьесортной драмы, не переносящую друг друга на дух, но связанную

---

[50] ПРИМЕЧАНИЯ: 50

Фраг — танец типа твиста.

[51] ПРИМЕЧАНИЯ: 51

ЛСД (сокращение от нем. Lysergsaurediathylamid) — диэтиламид лизергиновой кислоты, наркотик, обладающий галлюциногенным действием.

воедино невидимыми узами, как сиамские близнецы.

Их диалоги были кошмарными.

— Вас тошнит от меня так же, как меня от вас? — спрашивал Эллери.

— Верно, — огрызался Берк.

— Тогда почему вы не выходите из игры?

— Не могу, Эллери. А вы почему?

— Я тоже не могу.

— Выходит, мы товарищи по несчастью?

— То-то и оно.

Инспектор Квин советовался с окружным прокурором.

— Как насчет того, чтобы отдать Армандо под суд без сообщницы, Херман?

Прокурор покачал головой.

— Но ведь у нас есть сообщение Глори между строк и показания Роберты Уэст, — настаивал инспектор. В действительности он спорил с самим собой, используя окружного прокурора в качестве резонатора.

— Ну и что из того, Дик? Это доказывает только возможность преступного намерения с его стороны за семь месяцев до самого преступления. Даже если я бы смог предъявить обвинение в суде, можешь представить, что бы из него сдела-

ла защита? А ты знаешь, что Армандо нанял бы лучших адвокатов. Если хочешь знать мое мнение, Дик, то этот ублюдок просто наслаждался бы рекламой. Будь я проклят, если доставлю ему такое удовольствие без полной гарантии выиграть дело. Наш единственный шанс — та женщина.

— Какая? — буркнул инспектор. — Начинаю думать, что она никогда не существовала.

Тем не менее старый воин не сдавался. Он регулярно вызывал Карлоса Армандо в управление с расчетливым намерением действовать ему на нервы, как объяснял Эллери и Гарри Берку. Но пока что это действовало на нервы только самому инспектору. Казалось, визиты на Сентр-стрит только развлекают Армандо. Он уже не жаловался на травлю и не грозил судом. Его отрицательные ответы были обильно смазаны елеем, с губ не сходила улыбка, а однажды он даже предложил старику сигару.

— Я не курю сигары, — рявкнул инспектор, — а если бы курил, то не стал бы курить гаванскую, а если бы стал, то не принял бы ее от вас, а если бы принял, то наверняка бы ею подавился.

Армандо предложил сигару Эллери, который принял ее с задумчивым видом.

— Передам сигару какой-нибудь крысе, кото-

рую захочу отравить, — вежливо сказал он.

Армандо продолжал улыбаться.

— Он издевается надо мной, — бушевал инспектор, — и наслаждается каждой минутой этого! Спрашивает, почему я его не арестовываю! В жизни никого так не ненавидел! Лучше бы я сделал карьеру в департаменте улучшения санитарных условий. — В ответ на озадаченные взгляды своих сотрудников он добавил: — Тогда у меня были бы полномочия избавляться от подобного мусора.

В итоге старик перестал вызывать Армандо на Сентр-стрит.

— Выходит, дело останется нераскрытым? — спросил Берк.

— Черта с два, — огрызнулся инспектор. — Я не брошу его, пока из-под меня не выдернут стул. Но эти допросы вызывают катар желудка у меня, а не у Армандо. Мы временно оставим его в покое и будем надеяться, что он, в упоении собой, расслабится и совершит ошибку. Может быть, Армандо свяжется с женщиной под вуалью, или она попытается связаться с ним. Я держу его под круглосуточным наблюдением.

Слежку вели не только люди инспектора Квина, но и Эллери, который терял при этом в весе больше, чем мог себе позволить. Он повидал мно-

го интересного в клубах «Плейбой» и «Гэслайт», в ресторанах «Дэннис Хайдауэй», «Динти Мурс», «Сарди» и «Линди» и еще больше в пахнущих плесенью интерьерах Римского театра, но не мог похвастаться ничем, кроме изжоги и нередкого похмелья.

— Тогда почему вы это делаете? — спросил его Гарри Берк.

— Знаете, что говорят о надежде? — Эллери пожал плечами.

— Старая игра, — вздохнул Берк. — Посмотрим, у кого больше терпения — у лисицы или у охотника. Никаких результатов?

— Абсолютно никаких. Хотите поучаствовать в погоне за тенью?

— Нет, спасибо. У меня нет к этому склонности. Рано или поздно я бы придушил этого мерзавца. А вот и Роберта!

С появлением Роберты у Берка внезапно пропало желание огрызаться на Эллери и выслушивать ответные шпильки. Однажды вечером, когда Роберта вернулась в свою каморку из каморки в Гринвич-Виллидж, где она весь день танцевала фраг на сцене и потому была не в том состоянии, чтобы противиться естественным человеческим эмоциям, шотландец вооружился мужеством, как

его предки — палашами, и отважно устремился в атаку.

— Роберта. Берт. Берти. Я больше не могу этого выносить. Можешь говорить что угодно о полицейских ищейках, но они ведут чертовски скучную жизнь. Я просто схожу с ума. Я имею в виду…

— Ты имеешь в виду, что хочешь вернуться домой, — закончила Роберта.

— Вот именно! Ты меня понимаешь, верно?

— О да, — отозвалась Роберта с тончайшим слоем льда в голосе, который она всегда жаждала использовать в роли шекспировской леди Макбет. — Конечно, понимаю.

Берк просиял.

— Тогда все решено. Не так ли? — с беспокойством добавил он.

— Что именно?

— Я думал…

К его ужасу, Роберта заплакала.

— О, я не виню тебя, Гарри…

— В чем дело, Берти?

— Н-ни в чем.

— Тогда почему ты плачешь?

— Я не плачу. Чего ради мне плакать? Конечно, ты хочешь вернуться домой — ведь ты на чужой

земле. Ни игры в дартс в пабах, ни рокеров и модов,[52] ни смены гвардейского караула… У меня болит голова, Гарри. Доброй ночи.

— Но… — Глаза Гарри выражали полное недоумение. — Но я думал… — Он не договорил.

— Да. Ты всегда думаешь. Ты такой рассудочный, Гарри. — Роберта внезапно оторвалась от подушки, на которую проливала слезы. — О чем ты думал?

— Я думал, ты понимаешь, что я не имел в виду…

— Иногда, Гарри, ты способен довести до белого каления. Неужели ты не можешь просто и внятно говорить по-английски?

— Я шотландец, — чопорно произнес Берк. — Возможно, мы говорим на разных языках, но то, что у меня в голове, должно быть понятно всем. Я не имел… то есть имел в виду…

— Да, Гарри?

— Черт побери! — Борцовская шея Берка побагровела от напряжения. — Я хочу, чтобы ты поехала со мной!

Роберта выпрямилась и стала приводить в порядок волосы.

---

[52] ПРИМЕЧАНИЯ: 52

Моды — враждовавшие друг с другом английские молодежные группировки 1960-х гг.

— Это было бы очень приятно, Гарри, при других обстоятельствах. Конечно, ты не умеешь делать девушкам недостойные предложения — у тебя нет savoir-faire[53] таких людей, как Карлос или даже Эллери Квин, но полагаю, учитывая источник, я должна воспринять это как комплимент. По-своему ты очень мил. Ты действительно предлагаешь финансировать мою поездку в Англию в обмен на мои не освященные браком объятия? Я бы очень хотела повидать Англию — Стратфорд-на-Эйвоне[54] и все прочее, хотя, конечно, не могла себе этого позволить. Но боюсь, дорогой, я не могу согласиться. Очевидно, у тебя сложилось неверное впечатление обо мне. То, что обстоятельства вынудили меня признаться в былой связи с этим чудовищем Карло-сом, не дает тебе права думать, что я… девушка подобного сорта. По крайней мере, спасибо за то, что тебе захотелось провести со мной хотя бы несколько ночей любви. Но сейчас я устала и хотела бы лечь спать — одна. Спокойной ночи, Гарри.

— Заткнешься ты или нет? — рявкнул шотлан-

---

[53] ПРИМЕЧАНИЯ: 53

Сноровка, сметливость (фр.).

[54] ПРИМЕЧАНИЯ: 54

Стратфорд-на-Эйвоне — город в Центральной Англии в графстве Уоркшир, родина У. Шекспира.

дец. — Ни черта ты не поняла! Я хочу жениться на тебе!

— О, Гарри! — воскликнула Роберта. — Если бы я только знала…

Больше ей ничего не удалось произнести. Все остальное утонуло в объятиях и поцелуях.

— Ну, старина, — радостно сообщил Берк Эллери на следующий день, — я наконец сделал предложение.

Эллери усмехнулся:

— И как же Роберте удалось вытянуть его из вас?

— Прошу прощения?

— Бедная девушка неделями ожидала услышать это от вас. Может, даже месяцами. Это заметил бы всякий, кроме одуревшего от любви шотландца. Поздравляю. — Эллери пожал Берку руку.

Они решили пожениться, как только авангардистская дребедень, которую репетировала Роберта, сойдет со сцены, что, как предсказывала мисс Уэст, наверняка произойдет очень скоро.

— Мы подставим наши шеи под брачное ярмо в доброй старой Англии, — сказал Берк. — Мне не терпится оказаться в самолете, дружище. По правде говоря, я сыт по горло вашей прекрасной

страной.

— Иногда, — с тоской отозвался Эллери, — мне хочется, чтобы вы победили нас в Йорктауне.[55]

Прокляв графа Армандо и его цыганских предков, он вернулся к своему роману.

Глава 38

Рецензии на ревю Оррина Стайна читались так, словно они были нацарапаны впопыхах в момент оргазма, а не спокойно сочинены во время последующего расслабления. Театральный сезон протекал вяло, и время требовало выброса страстных эмоций критиков.

Или, возможно, причина была в легендарной удачливости Оррина Стайна. Он никогда не терпел фиаско, а в недобром мирке, где жили и работали театральные режиссеры, успех злорадно оценивали в терминах азартных игр, но не в контексте таланта к игре.

Но с Лоретт Спанье все было очевидно. Исполнитель по определению должен исполнять, и единственный вопрос — насколько хорошо он это

---

[55] ПРИМЕЧАНИЯ: 55

Йорктаун — деревня на юго-востоке Вирджинии, где английский генерал Чарлз Корнуоллис 19 октября 1781 г. сдался Джорджу Вашингтону во время Американской революции.

делает. Ответ, о котором оповестили кричащие заголовки газет, был недвусмысленным. Критики называли Лоретт последней любовью Бродвея. «Стайн нашел звезду!» — оповещал «Вэрайети», сам Уолтер Керр[56] провозгласил ее логической преемницей Глори Гилд, «Лайф» поместил ее краткий биографический очерк, очереди выстраивались у касс и осаждали служебный вход в театр, рассчитывая на автограф. Селма Пилтер подписала контракт, став официальным менеджером Лоретт Спанье — до сих пор старуха трудилась на основании устной договоренности — с полного одобрения Армандо: «Лучше иметь дело с Селмой, cara, чем подставляться всем акулам в этом беспощадном бизнесе». Из Западного Берлина пришла поздравительная телеграмма от Марты Беллины с напутствием контролировать подачу звука.

Премьера состоялась в четверг вечером. Во второй половине дня в пятницу Эллери позвонил по не указанному в справочниках номеру Кипа Кипли.

— Можешь достать мне два билета на ревю Оррина Стайна? Я пытался, но безуспешно.

---

[56] ПРИМЕЧАНИЯ: 56
Керр, Уолтер (1913–1996) — американский театральный критик.

— На какой год они тебе нужны? — осведомился обозреватель.

— На субботу.

— На эту субботу?!

— Вот именно.

— Кто я, по-твоему, — Джеки Кеннеди? Ладно, попробую. — Он позвонил через десять минут. — Не возьму в толк, почему я чешу тебе спину, когда ты должен мне невесть сколько pro quo. Билеты будут в кассе.

— Спасибо, Кип.

— Засунь свою благодарность сам знаешь куда. Дай мне что-нибудь для печати — и мы в расчете.

— Сам бы этого хотел, — искренне отозвался Эллери и со вздохом положил трубку.

Несмотря на приближающийся срок сдачи романа в издательство, дело Гилд продолжало его беспокоить. Он понятия не имел, почему внезапно решил посмотреть ревю. Это не имело никакого отношения к размерам таланта Лоретт — Эллери верил Бродвею на слово и, как правило, избегал посещать мюзиклы. Тем не менее, приписывая это профессиональному инстинкту держать палец на пульсе трупа, он в субботу вечером взял за руку сопротивляющегося отца

(для инспектора мюзиклы умерли вместе с их постановщиками Флоренцом Зигфелдом и Эрлом Кэрроллом; «Оклахому» он считал скучной, а «Мою прекрасную леди» — фантастической чепухой) и отправился вместе с ним в Римский театр.

Их такси пришлось выдержать обычное сражение с транспортом (ни один житель Нью-Йорка в здравом уме не поехал бы на своей машине в театральный район субботним вечером). Обменявшись окрашенными ностальгией замечаниями по поводу вульгарной атмосферы современной Таймс-сквер и растолкав не желающую пропускать их очередь в кассу старого Римского театра — этой Валгаллы,[57] о которой мечтал каждый фанат хит-шоу, — они наконец заняли места в середине шестого ряда партера, перед проходом.

— Неплохие места, — промолвил частично умиротворенный инспектор. — Как тебе это удалось? — Он не знал о просьбе, с которой Эллери обратился к Кипли. — Должно быть, они обошлись тебе в половину недельного жалованья. Моего жалованья, если на то пошло.

— Деньги еще не все, — нравоучительно отозвался Эллери и углубился в чтение программки.

---

[57] ПРИМЕЧАНИЯ: 57

Валгалла — в германской и скандинавской мифологии дворец, куда попадают души воинов, павших в битве.

О некоторых вещах не стоило рассказывать даже отцу.

Ревю плавно подкатывалось к концу первого акта, где анонсировались песни в исполнении Лоретт Спанье. Казалось, все в зале держали программки открытыми на этой странице — Эллери косился по сторонам, чтобы убедиться в этом. В атмосфере старого театра словно вспыхнуло нечто, оставившее запах серы. Такое случалось примерно каждые десять лет при рождении новой звезды. Можно было почти что слышать треск искр.

Но даже он замер, когда зал погрузился в темноту, предшествующую появлению Лоретт. Тишина была настолько тяжелой, что, казалось, вот-вот лопнет под собственным весом, а темнота — такой же ощутимой, как и безмолвие. Эллери напрягся на самом краю сиденья, чувствуя, что его отец — наименее впечатлительный из всех известных ему людей — сделал то же самое.

Никто не шаркал ногами и не кашлял.

Внезапно ослепительно-белый конус устремился в середину сцены. Лоретт сидела, купаясь в его свете, за широким розовым роялем, сложив руки на коленях. Фоном ей служил черный бархатный задник с вышитой на нем гигантской

розой «американская красавица». Она была одета в украшенное блестками вечернее платье того же цвета, что и роза, с высоким воротником и голой спиной. Драгоценности отсутствовали, а белая кожа и золотистые волосы выглядели вытисненными на бархате. Лоретт смотрела не на публику, а на свои руки. Казалось, она пребывает в полном одиночестве, слушая нечто недоступное обычным людям.

Полминуты Лоретт оставалась в такой позе. Затем она повернулась к дирижеру в оркестровой яме. Он поднял палочку, застыл на миг, а когда опустил ее, оркестр разразился полным душевной муки мощным аккордом медных духовых, к которому примешивались вздохи публики.

За аккордом последовали нежные звуки вступления к уже успевшей прославиться песне Годенса «О где же ты?». Оркестр умолк, Лоретт подняла руки, сыграла быстрое арпеджио, вскинула голову и начала петь.

Голос был почти таким же, какой слышал Эллери на репетиции, но не вполне. Он стал объемнее, в нем появилось нечто неощутимое, создающее разницу между качеством и стилем. Решила ли Лоретт продемонстрировать все свои возможности, или же Марта Беллина открыла ей какой-то

уникальный секрет певческого искусства, но теперь голос обладал качеством Глори Гилд и индивидуальным стилем самой Лоретт. Уолтер Керр был абсолютно прав. В том смысле, в каком новое поколение, унаследовав родительские гены, добавляет к ним нечто свое, образуя новые комбинации, племянница действительно являлась «логической преемницей» тети.

В голосе ощущалась свойственная Глори Гилд интимность, едва заметная пульсация страсти, обращенная к каждому слушателю в отдельности. Новым же была отсутствовавшая у Глори поразительная сосредоточенность на себе, как будто Лоретт вовсе не осознавала присутствия зрителей. Интимность являлась скорее следствием, чем причиной. Казалось, Лоретт поет для себя, в уединении своей спальни, позволяя себе эротическую свободу самовыражения, которую никогда бы не решилась продемонстрировать публично. Это превращало каждого мужчину и каждую женщину в зале в соглядатая, прикладывающего ухо к запретной двери, отчего подскакивает давление и затрудняется дыхание.

Впечатление было потрясающим.

Борясь с эффектом, производимым пением Лоретт на его нервную систему, Эллери старался

наблюдать за тем, что происходит с публикой. Его отец склонился вперед, полузакрыв глаза, с улыбкой на стариковских губах, в которой ощущались радостные и горестные воспоминания. Другие лица, которые Эллери сумел различить в почти полной темноте, также вызывали чувство смущения — маски приличия и самоконтроля были с них сорваны; они демонстрировали собой целую гамму эмоций в полной наготе. Зрелище было не из приятных — оно отталкивало и притягивало одновременно. Господи, думал Эллери, эта девушка станет деструктивной социальной силой, она превратит людей в одиноких волков, уничтожит жажду общения среди молодежи и заменит марихуану и ЛСД в колледжских спальнях. Ее пластинки будут продаваться десятками миллионов. Конечно, она не может осознавать потенциальной опасности своего дара, но против нее следует принять закон.

За первой песней последовал ряд других: «Любовь, любовь», «Ты мое несчастье», «Больше луна не взойдет», «Возьми меня» и «Я хочу умереть».

Руки Лоретт вновь опустились на колени. Казалось, она не слышит рева и грохота аплодисментов, сотрясающих театр. Лоретт сидела, даже не оборачиваясь, опустив взгляд и погрузившись

в эхо своего пения. Эллери не сомневался, что таковы были инструкции Оррина Стайна, но он не думал, чтобы девушка реагировала иначе, даже если бы Стайн не дал ей никаких указаний.

Публика не давала ей закончить выступление. Занавес после первого акта опускался и поднимался вновь, а маленькая фигурка в блестящем платье все еще сидела у огромного фортепиано на пустой сцене. «Бис! Бис! Бис!» — гремело в зале. Наконец Лоретт повернулась к публике на вращающемся табурете, сверкая розовым в свете прожектора. Моментально воцарилась тишина. — Мне бы хотелось петь для вас еще и еще, — заговорила она. — Но впереди продолжение чудесного шоу мистера Стайна, поэтому у меня есть время только для одного биса. Думаю, Билли Годенс не будет возражать, если я вернусь в далекое прошлое. Текст этой песни написан человеком, который, вероятно, памятен вам по деятельности далекой от музыки, — Джеймсом Дж. Уокером,[58] а музыка — Эрнестом Р. Боллом. Впервые песня была опубликована в 1905 году, а воскрешена и стала знаменитой в конце 20-х годов, когда Джимми Уокер был мэром Нью-Йорка.

---

[58] ПРИМЕЧАНИЯ: 58

Уокер, Джеймс Дж. (1881–1946) — мэр Нью-Йорка в 1926–1932 гг.

Она пользовалась особой любовью Глори Гилд — моей тети.

Эллери не сомневался, что это было проницательным ходом Стайна — произнести вслух имя Глори Гилд, вытянув на свет то, что таилось в темных уголках мыслей всех присутствующих.

Лоретт повернулась к роялю. Снова воцарилось наэлектризованное молчание. Все затаили дыхание. Она начала петь.

Возможно, выбор был неудачным с музыкальной и поэтической точки зрения. Музыка Болла была приторно-сладкой, а скверно рифмованные стихи Уокера вызывали в воображении образы птиц в золоченых клетках и бедных девушек, трудящихся за швейными машинками.

Солнечным летом, моя дорогая,
Твердишь ты, что любишь меня.
Тебе отдаю я, восторгом пылая,
Всего без остатка себя.
Но я прошлой ночью увидел во сне
Себя стариком несчастным.
Будешь любить ли, подумалось мне,
Меня, как любишь сейчас ты?

Будешь любить ли меня в декабре.

Так же, как любишь в мае?
Об этом я думаю ночью и днем,
Но все же ответа не знаю.

Лоретт исполняла песню molto espressivo,[59] в стиле английского мюзик-холла. Эллери качал головой. Это была ошибка, и он надеялся, что Оррину Стайну или Билли Годенсу вскоре придет в голову позаботиться о том, чтобы номер Лоретт на бис не казался столь пародийным. В устах любой другой певицы он вызвал бы только улыбки, если не смешки. К чести Лоретт, приходилось признать, что публика была так же захвачена этой песней из другого времени и другого мира, как действительно увлекательной музыкой Годенса.

Слушая юношеские излияния «Красавчика Джеймса» — именно так Джин Фаулер озаглавил свою биографию Джимми Уокера, — Эллери вспомнил, что тема сентиментальных виршей, особенно явственно звучащих в хоровом припеве, по-видимому, преследовала их автора до самого смертного часа. Согласно Фаулеру, через четыре десятилетия после первой публикации

---

[59] ПРИМЕЧАНИЯ: 59
Очень выразительно (ит., муз.).

песни, которую Лоретт Спанье исполняла спустя еще почти двадцать лет, когда домогающийся известности поэт-песенник, впоследствии адвокат, сенатор, мэр и плейбой-политикан, сидел в затемненной комнате, страдая болезнью, вскоре сведшей его в могилу, он внезапно включил свет, схватил карандаш и начал сочинять текст для новой песни, закончив его следующими строчками:

Декабрь никогда не наступит,
Если ты не забудешь май.

После четырех десятилетий и двух мировых войн Джимми Уокер вернулся к тому, с чего начал.

«Хотел бы я проделать то же самое с расследованием убийства Глори Гилд», — подумал Эллери.

Декабрь никогда не наступит…

Эллери выпрямился, словно от удара током. По сути, так оно и было. При других обстоятельствах такое совпадение показалось бы забавным. Он переместил левый локоть на подлокотнике сиденья, и острый край надавил на чувствительный нерв в подлоктевой впадине. Эллери едва не вскрикнул от боли.

Инспектор Квин сердито шикнул на него. Пение Лоретт было для старика частичкой его молодости.

Но для Эллери оно явилось предвестником ближайшего будущего. Он мог бы вскрикнуть, даже не травмировав нерв, ибо был поражен в куда более уязвимое место.

— Папа…

— Заткнись! — прошипел отец.

— Папа, нам нужно уходить.

— Что?!

— По крайней мере, мне.

— Ты рехнулся? Черт возьми, из-за тебя я пропустил конец песни!

Лоретт умолкла, и со всех сторон грянули аплодисменты. Она поднялась с табурета, положив белую руку на розовое фортепиано; ее голубые глаза поблескивали в свете прожектора. Потом занавес опустился и в зале зажегся свет.

— Не понимаю, что на тебя нашло, — жаловался старик, когда они пробирались по проходу. — Ты способен все испортить, Эллери, — это у тебя от рождения. Господи, что за голос! — Он продолжал говорить о Лоретт и своих впечатлениях.

Эллери молчал, пока они не вышли в переполненный вестибюль. Он морщился, как от боли.

— Тебе не обязательно уходить, папа. Можешь остаться и досмотреть шоу. Увидимся дома.

— Погоди. Что тебя гложет?

— Я просто кое-что вспомнил.

— О деле Гилд? — тут же спросил старик.

— Да.

— Что именно?

— Предпочитаю пока не говорить. Сначала я должен кое-что проверить. Оставайся, папа. Я не хочу портить тебе вечер.

— Ты его уже испортил. Как бы то ни было, остальная программа меня не интересует. Я получил удовольствие за свои деньги, даже с избытком. Ну и певица! А дело Гилд мне тоже не дает покоя. Куда мы пойдем?

— Кажется, ты передал окружному прокурору копию завещания Глори Гилд с тайным посланием между строк, которую мы обнаружили в офисе Вассера?

— Да.

— Я должен разыскать его.

— Вассера?

— Окружного прокурора.

— Хермана? Субботним вечером?

Эллери молча кивнул.

Инспектор покосился на него, но ничего не ска-

зал. Они с трудом выбрались на Сорок седьмую улицу, нырнули в ближайший ресторан, нашли телефонную будку, где Эллери провел двадцать пять минут, отслеживая окружного прокурора. Он оказался на политическом банкете в отеле «Уордорф», и его голос звучал весьма недовольно. Банкет освещала пресса и телевидение.

— Сейчас? — переспросил он. — В субботу вечером?

— Да, Херман, — ответил Эллери.

— А это не может подождать до утра понедельника?

— Нет, Херман.

— Перестаньте говорить, как персонаж водевиля! — огрызнулся прокурор. — Ладно, таинственная личность, встречусь с вами и инспектором в своем офисе, как только туда доберусь. Но если от этого не будет никакой пользы…

— Польза — не то слово, — пробормотал Эллери и повесил трубку.

Глава 39

К тому времени как Эллери прогрызся сквозь бисерный почерк между отпечатанными строчками копии завещания Глори Гилд, он выглядел

постаревшим на десять лет.

— Ну? — осведомился окружной прокурор. — Вы нашли то, что искали?

— Нашел.

— Что нашел, сынок? — спросил инспектор. — Когда я читал это вслух в офисе Вассера, то не пропустил и не изменил ни слова. В чем же дело?

— В этом самом. Вы оба должны дать мне время.

— Ты имеешь в виду, что не собираешься говорить даже теперь? — проворчал старик.

— Вытащил меня с банкета, где присутствовали все СМИ, — обратился к потолку прокурор, — да еще в субботний вечер, чтобы жена подумала, не улизнул ли я с какой-нибудь цыпочкой, и не желает открывать рот! Слава богу, Дик, что у меня нет такого чокнутого сынка. Я возвращаюсь в «Уордорф» и не буду доступен до утра понедельника, если не хочу, чтобы меня бросила жена, а я этого не хочу. Когда этот шут гороховый будет готов сообщить простому слуге народа, что у него на уме, дай мне знать. Уходя, не забудьте запереть дверь.

— Ну? — осведомился инспектор Квин, когда хозяин офиса удалился в праведном гневе.

— Не сейчас, папа, — отмахнулся Эллери.

Старик пожал плечами. Он уже давно смирился с подобным поведением сына. Домой они ехали молча.

Оставив своего отпрыска в его кабинете, инспектор отправился спать, выпятив нижнюю губу и уставясь взглядом в какой-то таинственный туннель, который, судя по выражению его лица, был населен отвратительными чудовищами.

Глава 40

Итак, лицо тайны повернулось со своей трехчетвертной позиции, и Эллери наконец увидел его анфас.

Часть четвертая ЛИЦО АНФАС

«Похороните меня лицом вниз», — сказал Диоген,[60] а когда его спросили почему, он ответил: «Потому что вскоре все перевернется».

***Диоген Лаэртский*[61]**

Глава 41

Инспектор с трудом разбудил сына.

— Что?! — крикнул Эллери, вскакивая в кровати.

— Я еще ничего не сказал, — усмехнулся его отец. — Вставай. У тебя гости.

— Сколько сейчас времени?

— Одиннадцать, и сегодня воскресенье, если ты забыл. Когда ты лег?

— Не знаю, папа. В четыре или в пять. Что за

---

[60] ПРИМЕЧАНИЯ: 60

Диоген Синопский (ок. 400 — ок. 325 до н. э.) — древнегреческий философ-киник.

[61] ПРИМЕЧАНИЯ: 61

Диоген Лаэртский (1-я пол. III в.) — древнегреческий писатель, автор биографий древнегреческих философов.

гости?

— Гарри Берк и Роберта Уэст. Если хочешь знать мое мнение, — добавил старик, задержавшись в дверях, — эти двое что-то замышляют. Они выглядят слишком счастливыми.

Это соответствовало действительности. Шотландец энергично посасывал давно погасшую трубку, его рыжеватые брови двигались, как поршни, бычья шея пламенела, а прозрачные гдаза отплясывали джигу. Правой ручищей он сжимал левую руку Роберты, которая явно не возражала против этого. Эллери еще никогда не видел ее такой оживленной. Она весело засмеялась, как только он вышел из спальни в полинявшем старом халате и стоптанных шлепанцах.

— Попробуйте угадать, Эллери! — воскликнула она. — Мы собираемся пожениться!

— А я по этому поводу должен пуститься в шотландскую пляску? — буркнул Эллери. — Это потрясающее известие дошло до меня уже некоторое время тому назад.

— Но мы изменили наши планы, Эллери.

— Мы не станем ждать, пока шоу Берти сойдет со сцены, чтобы отправиться в Англию, — возбужденно объяснил Берк. — Она уволилась оттуда, и

мы намерены пожениться здесь и сейчас.

— В моей квартире? — мрачно осведомился Эллери.

— Я имел в виду, в Нью-Йорке и сегодня.

— Вот как? — Эллери оживился. — И какова же причина перемены стратегии? Пожалуйста, садитесь оба. Не выношу людей, которые скачут, как попрыгунчики, воскресным утром. Папа, в холодильнике есть томатный сок? Сегодня мне нужна лошадиная доза.

— Это все Гарри. — Роберта опустилась на стул у обеденного стола в нише гостиной. — Он такой нетерпеливый — совсем не может ждать.

— Не могу, — подтвердил Берк, садясь рядом с ней и снова беря ее за руку. — Какой смысл ждать? Если подумать, нам нужен только священник.

— Вам также нужна маленькая вещица, именуемая разрешением на брак… Спасибо, папа. — Эллери сделал большой глоток из стакана с кроваво-красной жидкостью. — Реакция Вассермана,[62] трехдневный срок и так далее. Как вы предполагаете проделать все это сегодня?

---

[62] ПРИМЕЧАНИЯ: 62

Закон штата Нью-Йорк для получения брачной лицензии требовал сдачи анализа крови на реакцию Вассермана — метод диагностики сифилиса, изобретенный немецким бактериологом Аугус-том фон Вассерманом (1866–1925).

— О, мы уже неделю назад получили результаты анализов и разрешение, — сказала Роберта. — Можно и мне сока, инспектор? Он выглядит так аппетитно, а я не завтракала и даже не ужинала. Гарри был так настойчив…

— Не сваливайте все на Гарри, — недовольно сказал Эллери. — Он не мог сдать за вас кровь на реакцию Вассермана. Ну, полагаю, я должен вас поздравить. Могу я сделать что-либо еще?

— В вас не чувствуется особого энтузиазма, — заметил Берк. — Вы нас не одобряете?

— Не злитесь, приятель. Чего ради мне испытывать энтузиазм? Ведь женитесь вы, а не я. У нас есть яйца, папа?

— Спасибо, инспектор. — Роберта с жадностью глотнула сок.

— Не за что, — отозвался старик. — Хотите еще что-нибудь?

— Я бы с удовольствием. — Девушка поставила стакан. — А ты, Гарри?

— Пошли, Берти. — Берк сердито уставился на Эллери. — Позавтракаем в кафе.

— Гарри!

— Не надо кипятиться, Гарри, — сказал Эллери. — В воскресенье утром я не в лучшей форме. Папа готовит самую лучшую яичницу-болтунью

во всем Вест-Сайде. Попробуйте.

— Нет, благодарю вас, — чопорно отозвался Берк.

— И побольше тостов, пожалуйста, инспектор, — попросила Роберта. — Гарри, не будь занудой.

— Сейчас. — Инспектор снова исчез в кухне.

— Эллери мог бы проявить хоть какой-то энтузиазм, — пожаловался Берк. — И при чем тут воскресное утро?

— Все дело в том, что оно наступает после субботнего вечера, — объяснил Эллери. — А я лег спать, когда утро уже наступило.

— Нечистая совесть, головная боль или аппетитная бабенка? А может, все три причины сразу?

— Мы с папой вчера смотрели ревю Оррина Стайна.

Берк выглядел озадаченным.

— Ну и что? Его смотрели многие и, как я слышал, получили большое удовольствие. Иногда вы порете чушь, Эллери.

— Лоретт пела одну песню… — Эллери оборвал фразу. — Не важно. Мы говорили о вашем вынужденном браке. — Эллери выглядел так, словно проглотил что-то горькое.

— Вынужденном? — негодующе отозвалась Роберта. — Не знаю, где частные детективы заработали дурную репутацию. С Гарри девушка в большей безопасности, чем с фиалкой. Мы с Гарри долго обсуждали, идти нам смотреть Лоретт или нет. — Роберта резко переменила тему. — Яичница и бекон пахнут восхитительно! А лучше запаха поджариваемых тостов вообще ничего не бывает… Она действительно так хороша, как о ней говорят, Эллери?

— Что? Да, великолепна.

— Тогда мы не пойдем. Не выношу чужих успехов. Этого ты еще обо мне не знаешь, Гарри. И мы все равно не сможем пойти, так как будем в Англии…

— Это достойная причина, — в унисон произнесли Берк и Эллери. После чего Берк усмехнулся и крикнул: — Добавьте яиц, инспектор! Я передумал!

— А кто же совершит церемонию бракосочетания? — мрачно напомнил им Эллери.

Роберта нахмурилась.

— В этом вся проблема. Вы ведь помните, какой сегодня день?

— Разумеется. Воскресенье.

— А какое воскресенье?

— Что значит «какое»?

— Вербное воскресенье — вот какое.

— Ну и что? — Эллери выглядел озадаченным. — Не понимаю.

— Язычник! Вербное воскресенье — начало Страстной недели. И кроме того, Великого поста. Ну, Гарри — ренегат-пресвитерианин,[63] но я всегда соблюдала традиции епископальной церкви[64] и хотела, чтобы нас обвенчал епископальный священник, однако во время Страстной недели и Великого поста это невозможно. Противоречит канонам.

— Тогда подождите неделю или две — когда заканчивается пост?

Роберта покачала головой:

— Мы не можем ждать. Гарри уже купил билеты на самолет. Мы проведем ночь в отеле и вылетим завтра утром.

— Это не кажется мне непреодолимым препятствием, — заметил Эллери. — Вы можете сдать билеты.

— Нет, — сказала Роберта. — Гарри не хочет.

---

[63] ПРИМЕЧАНИЯ: 63

Пресвитерианство — разновидность кальвинизма в Великобритании (особенно в Шотландии) и США.

[64] ПРИМЕЧАНИЯ: 64

Епископальная церковь — другое название англиканской церкви.

— Или можете улететь в Англию завтра утром и отложить чертову церемонию до окончания поста.

— Это не чертова церемония, и я не смогу ждать так долго. — В голосе шотландца послышались угрожающие нотки. — Знаете, Квин, мне не нравится ваша позиция.

— Эллери, — поправил упомянутый джентльмен. — Будем вести эту эмоциональную беседу дружески. Между прочим, вы оба уверены, что хотите пожениться?

Они уставились на него, словно он произнес какую-то непристойность.

Потом Гарри вскочил на ноги.

— Пошли отсюда, Берти.

— Сядь, Гарри. — Он неохотно повиновался, свирепо глядя через стол. — Мы уверены, Эллери, — мягко сказала Роберта.

— Вы любите этого субъекта?

— Люблю.

Эллери пожал плечами.

— В таком случае вы могли бы обратиться к священнику церкви, не так строго придерживающейся канонов. Или, что еще легче, найти гражданского чиновника, который уполномочен штатом совершать брачные ритуалы. Граждан-

ское бракосочетание столь же надежно, хотя и не так пышно.

— Вы не понимаете… — начала Роберта, но в этот момент вошел инспектор, неся блюдо с яичницей, беконом и тостами, которое сразу отвлекло ее внимание.

— И я знаю такого человека, — сказал инспектор, ставя блюдо. — Кофе закипает. — Он достал из буфета салфетки, тарелки, ножи и вилки и начал раскладывать их. — Это Джей-Джей.

— Судья? — спросил Эллери.

— Судья? — с подозрением осведомился Берк. — Какой судья?

— Судья Дж. Дж. Мак-Кью, наш старый друг, — ответил инспектор и отправился за кофейником.

— И он это сделает? — допытывался шотландец.

— Если папа его попросит.

— Но он не священник, — с сомнением промолвила Роберта.

— Нельзя съесть яичницу, не разбив яиц, Берти, — con amore[65] обратился к ней жених, к которому вернулось добродушие. — Судья мне подходит. Особенно если он друг семьи. В Англии

---

[65] ПРИМЕЧАНИЯ: 65
С любовью (ит., муз.).

мы всегда можем обвенчаться у англиканского священника. Мне все равно, сколько раз я буду на тебе жениться или сколько человек будет совершать церемонию и где. Вы можете сегодня связаться с судьей Мак-Кью?

— Постараемся, — ответил инспектор, возвращаясь с кофейником и наливая чашку Роберте. — Если, конечно, он в городе.

Роберта нахмурилась, потом со вздохом кивнула.

— Ну ладно, — сказала она и погрузила нос в ароматную чашку.

Берк просиял.

Роберта набросилась на яичницу. Инспектор сел и потянулся за тостом. Эллери жевал без всякого аппетита.

Глава 42

Весь день Эллери вел себя странно. Он даже не оживился, когда его отцу удалось разыскать судью Мак-Кью на какой-то переполненной площадке для гольфа, где муниципалитет организовал игру по случаю Вербного воскресенья. Поэтому Гарри Берк снова начал злиться.

— Церемония пройдет здесь, — сказал инспек-

тор, положив трубку. — Судья говорит, что не может провести ее в своем доме: в предках его жены несколько поколений священников Высокой церкви,[66] и она считает заключение браков на Страстной неделе смертным грехом. К тому же у него уже были неприятности с ней из-за сегодняшней игры в гольф. Вечером он прибудет к нам. Вас обоих это устраивает?

— Вполне! — воскликнула Роберта, хлопая в ладоши.

— Я не хочу радоваться преждевременно, — сказал Берк, сердито косясь на Эллери. — Но с вашей стороны это очень любезно, инспектор.

Эллери изучал свой большой палец, который только что вынул изо рта. Палец выглядел так, словно над ним поработала крыса.

— Гарри, любовь моя, — быстро сказала Роберта. — Ты не должен кое-что сделать?

— Что именно?

— Ты не знаешь?

Шотландец покраснел.

— Я до сих пор ни разу не женился. О чем я забыл?

— Ни о чем важном. О цветах, шампанском и

---

[66] ПРИМЕЧАНИЯ: 66

Высокая церковь — ответвление англиканской церкви, сохраняющее многие католические обряды.

прочих мелочах.

— Господи! Прости меня!

— О шампанском не беспокойтесь, — сказал инспектор Квин. — Эллери приберег несколько бутылок на всякий случай — верно, сынок?

— Кажется, «Сазарак» 1947 года, — мрачно отозвался Эллери.

— Я не стану пить его шампанское, сколько бы в нем ни было пузырьков, — холодно заявил Берк.

— Придется, — сказал Эллери. — Где вы собираетесь купить шампанское в Нью-Йорке в Вербное воскресенье?

Берк вышел.

— Не забудь про сигареты! — крикнула ему вслед Роберта. — Мои кончились.

Хлопнула входная дверь.

— Не знаю, что нашло на вас обоих… Спасибо, Эллери. — Роберта затянулась предложенной сигаретой. — Хотя Гарри не виноват. У вас что-то на уме. Могу я спросить, что именно? Сегодня моя свадьба, и я не хочу, чтобы ее испортили.

— У меня проблемы, — признался Эллери. Инспектор допил вторую чашку кофе и быстро взглянул на него. Эллери поднялся. — Пожалуй, я вымою посуду.

— Этим займусь я. — Роберта вскочила. — Тер-

петь не могу, когда посуду моют мужчины, даже холостяки. Но вы не ответили на мой вопрос, Эллери. Какие проблемы?

Эллери покачал головой.

— Вы же сами сказали, что не хотите, чтобы вашу свадьбу испортили.

— Конечно, не хочу. Беру свои слова обратно. Можете оставить ваши проблемы при себе.

Эллери удалился в кабинет. Инспектор задумчиво посмотрел ему вслед, а Роберта слегка нахмурилась.

— Что происходит с вашим сыном, инспектор? — осведомилась она, собирая тарелки.

— Ему не дает покоя дело Гилд, — ответил старик, все еще глядя на дверь. — Эллери всегда так себя ведет, когда дело его тревожит. — Он последовал за ней в кухню, неся кофейник. — Не огорчайтесь из-за этого. — Инспектор выдвинул полочку посудомоечной машины. — Знаете, Роберта, это подало мне идею. Конечно, если вы не будете возражать…

— Против чего?

— Против присутствия нескольких гостей на церемонии.

Роберта сразу напряглась.

— Это зависит от того, кто они.

— Ну, Лоретт Спанье, Селма Пилтер, может быть, мистер Вассер, если мы сможем их отыскать. — Судя по его тону, он спрашивал разрешения всего лишь из вежливости.

— О боже! — вздохнула Роберта. — Зачем, инспектор?

— Точно не знаю, — ответил инспектор. — Можете назвать это предчувствием. Но я не раз видел, как такое срабатывало у Эллери. Присутствие всех замешанных в деле помогает ему на критической стадии расследования. Это прочищает ему мозги.

— Но ведь это моя свадьба! — воскликнула Роберта. — Жениха и невесту нельзя просить играть роль подопытных морских свинок для…

— Я знаю, что прошу многого, — мягко произнес старик.

— Кроме того, Лоретт не придет. Вы же знаете, при каких обстоятельствах мы с ней расстались. И она занята в ревю…

— Когда это шоу на Бродвее давали по воскресеньям? К тому же, мне кажется, что она придет. Возможно, Лоретт ищет шанса помириться с вами теперь, когда она добилась сногсшибательного успеха и может себе позволить забыть прошлое. Не сомневаюсь, что и вы почувствуете

себя лучше, если улетите в Англию, не оставив за собой никаких ссор и обид. — Инспектор Квин сохранял старомодную веру в эффективность этого способа разрешения подобных ситуаций. — Что скажете? — спросил он, следуя за девушкой в гостиную.

Роберта молча начала собирать чашки и блюдца.

— Будьте же спортсменкой, Роберта!

— Гарри это не понравится…

— Предоставьте Гарри мне. Он профессионал и понимает в таких вещах.

— Но ведь это и его свадьба!

— Подумайте как следует. Буду вам признателен, если вы согласитесь.

Инспектор направился в кабинет Эллери, закрыв за собой дверь. Эллери развалился за письменным столом, повернув вращающееся кресло таким образом, чтобы положить ноги на подоконник и смотреть на пасмурное небо сквозь решетки пожарной лестницы.

— Сынок.

Эллери даже не обернулся.

— Как насчет того, чтобы рассказать мне обо всем?

Эллери покачал головой.

— Ты еще в нерешительности или уже пришел к какому-то выводу?

Эллери не ответил.

— Ладно, — вздохнул инспектор. — Я собираюсь в магазин деликатесов Айзека Рубина заказать копченую индейку и сандвичи с солониной на вечер. С улицы я бы хотел позвонить Лоретт Спанье, Карлосу Армандо, миссис Пилтер и Уильяму Вассеру — пригласить их на свадьбу.

Эллери моментально опустил ноги на пол.

— Ты ведь так бы и поступил, сынок, если бы тебя что-то не удерживало?

— Ты слишком хорошо меня знаешь, — медленно произнес Эллери. — Да, папа, полагаю, ты прав. Но смешивать свадьбу с делом об убийстве… По-твоему, я с возрастом становлюсь сентиментальным? Как бы то ни было, ты не можешь этого сделать, не посоветовавшись с Робертой и Гарри.

— С Робертой я уже говорил, хотя не упомянул о приглашении Армандо, а с мистером Берком я как-нибудь справлюсь. Вопрос в том, хочешь ли этого ты.

Эллери потянул себя за нос и щелкнул костяшками пальцев.

— Хочу? Ни капельки. Но боюсь, у меня нет выбора.

— Мне позвонить кому-нибудь еще, кроме тех, кого я назвал?

Эллери задумался.

— Нет, — сказал он и вновь повернулся к хмурому манхэттенскому небу.

«Он даже не попросил меня заказать пастрому», — выходя, подумал инспектор.

Глава 43

С Гарри Берком инспектору действительно удалось справиться необычайно легко.

— Свадьба превращается черт знает во что, — проворчал шотландец, качая рыжеватой головой. — Но для меня самое главное жениться на Берти и увезти ее из вашей чертовой страны, инспектор. Завтра утром это покажется дурным сном, и мы с Берт сможем проснуться.

— Молодчина, — одобрил инспектор и повернулся к Роберте.

— Ну, если Гарри не возражает… — промолвила она, толкая ногой коврик.

— Вот и отлично.

Старик отправился в лавку деликатесов и к телефонной будке, так и не упомянув об Армандо, поскольку, будучи методичным человеком,

считал, что всему свое время.

С Лоретт ему пришлось потрудиться, как и с мистером Рубином, обслуживавшим деликатесами целую очередь не соблюдающих пост язычников, для которых его лавка была оазисом в воскресной пустыне. Наконец инспектор сделал заказ и закрылся в телефонной будке с несколькими монетами, препоясав тощие чресла перед боем.

С Уильямом Мелоуни Вассером не возникло никаких проблем. Инспектор напомнил, что Вассер является сторожевым псом крупного состояния, доверенного его попечению (как будто это имело отношение к свадьбе!). Нотариус какое-то время мялся и хмыкал, но потом заявил, что должен присутствовать, хотя Роберта Уэст и Гарри Берк тут ни при чем и ему придется пропустить «Бонанзу» и «Открытый конец».[67] С Селмой Пилтер было еще проще.

— Если придет Лоретт, то приду и я, инспектор Квин, — сказала она, пособ средневековым клювом. — Только обращайтесь с ней поосторожнее — она теперь достояние всего города. Я не хочу, чтобы она даже поцарапалась. Кто, вы говорите, женится? — Старик не упомянул, что еще

---

[67] ПРИМЕЧАНИЯ: 67

«Бонанза», «Открытый конец» — американские телесериалы.

не пригласил Лоретт и что собирается позвать Карлоса Армандо.

С Лоретт получилось труднее.

— Я не понимаю, инспектор. Чего ради Роберте приглашать меня на свадьбу?

— Но ведь вы ее лучшая подруга, мисс Спанье, — ответил инспектор, изображая удивление.

— Мы уже давно не подруги. С этим покончено. Кроме того, если Роберта хочет меня видеть, то почему бы ей не позвонить самой?

— Она занята подготовкой. Все решилось в последнюю минуту.

— Благодарю вас, инспектор, но…

В этот момент в трубке издалека послышалось «cara», произнесенное медоточивым голосом Карлоса Армандо.

— Одну минуту, — извинилась Лоретт.

Последовала оживленная дискуссия неподалеку от телефонного аппарата. Старик, усмехаясь, ожидал в будке. Армандо советовал принять приглашение — значит, он все еще чувствовал себя в безопасности. Тем лучше. Эллери будет доволен. Инспектор в который раз задал себе вопрос, что на уме у его сына, стараясь не думать о грязном трюке, который он собирался сыграть с женихом и невестой.

— Инспектор Квин, — послышался голос Лоретт.

— Да?

— Хорошо, мы придем.

— Мы? — переспросил старик с наигранным недовольством. Двух птичек удалось зашибить одним камнем. Он не ожидал, что Армандо явится союзником.

— Мы с Карлосом. Без него я не пойду.

— Право, не знаю, мисс Спанье. Учитывая отношение к нему Роберты, не говоря уже о Гарри Берке…

— Простите, но если они хотят моего присутствия, им придется смириться с присутствием мистера Армандо.

— Ладно, — вздохнул инспектор. — Надеюсь, он… э-э-э… с уважением отнесется к столь торжественному событию. Я не хочу, чтобы свадьба Роберты и Гарри была испорчена. — Старик повесил трубку, чувствуя себя Иудой и стараясь задушить это чувство на корню.

«Свадьба будет та еще!» — виновато подумал он, выйдя из будки и снова спросив себя, что же все это значит.

Глава 44

Свадьба действительно оказалась та еще.

Судья Мак-Кью прибыл в семь — это был высокий старик с седой шевелюрой, телосложением каменщика, носом боксера и чисто судейскими голубыми глазами. Он возвышался над инспектором Квином, как Фудзияма, и постоянно посматривал на часы, даже когда его представили злополучной паре, уже начавшей проявлять классические симптомы предсвадебного невроза.

— Не хочу торопить вас, — произнес судья Мак-Кью шаляпинским басом, — но мне пришлось солгать миссис Мак-Кью насчет того, куда я иду, и она ожидает моего скорого возвращения. Моя жена не одобряет свадьбы в Великий пост.

— Начинаю с ней соглашаться, — отозвался Гарри Берк с неподобающей жениху резкостью. — Но похоже, нам придется подождать, судья Мак-Кью. Инспектор Квин пригласил несколько гостей на нашу свадьбу. — Подчеркивание местоимения носило явно обвиняющий смысл.

— Скоро все закончится, дорогой, — нервно сказала Роберта. — Судья, не могли бы вы провести

не просто гражданскую церемонию, а епископальную службу? Я бы чувствовала себя более замужней, если бы…

— Почему бы и нет, мисс Уэст? — ответил судья Мак-Кью. — Правда, у меня нет с собой англиканского молитвенника.

— Он есть у Эллери в его библиотеке, — сказал Берк. Весь его облик говорил: «Делайте что хотите, лишь бы это поскорей кончилось».

— Я принесу его, — неожиданно заявил Эллери. Он вернулся из кабинета с маленькой книжкой в красном переплете, неся ее так, словно это требовало напряжения всех мышц его руки. — Кажется, страница 300.

— Вам нездоровится, Эллери? — спросил судья Мак-Кью.

— Я в полном порядке, — бодро отозвался Эллери, вручил книжку судье, отошел к окнам, между которыми Роберта поместила корзину чахлых хризантем, заказанную Берком, и мрачно уставился на улицу внизу. Он все время дергал себя за нижнюю губу, пощипывал за нос и выглядел так же празднично, как Уолтер Кронкайт, сообщаю-

щий о неудаче на мысе Кеннеди.[68]

Берк понюхал пахнущий корицей воздух со стороны Эллери и что-то пробормотал.

— Идут Вассер и миссис Пилтер, — внезапно сообщил Эллери.

— Ожидается кто-нибудь еще? — Судья Мак-Кью снова посмотрел на часы.

— А вот подъехало такси с Лоретт. — Помолчав, Эллери добавил: — И с Карлосом Армандо.

— Что?! — рявкнул взбешенный Гарри Берк.

— Не кипятитесь, Гарри, — быстро сказал инспектор. — Лоретт Спанье отказалась приходить без него. Я ничего не мог поделать. Если вам нужна Лоретт…

— Мне не нужна Лоретт! Мне никто из них не нужен! — бушевал шотландец. — Чья это свадьба, в конце концов? Черт возьми, у меня большое желание все отменить!

— Гарри! — простонала Роберта.

— Плевать я на них хотел, Берти! Эти люди превращают самый священный день нашей жизни в чертово шоу! Я не хочу, чтобы нас с тобой использовали…

---

[68] ПРИМЕЧАНИЯ: 68

Кронкайт Уолтер (р. 1916) — американский журналист. На мысе Канаверал, называвшемся в 1963–1973 гг. мысом Кеннеди (в честь президента США Дж. Ф. Кеннеди), находится американский космодром.

— Что все это значит? — неуверенно осведомился судья Мак-Кью. Ему никто не ответил.

В дверь позвонили.

Роберта, почти в истерике, убежала в ванную.

Следующие минуты напоминали киноавангард, французскую «Новую волну» и отчасти Феллини. Нежеланные гости входили друг за другом, встречаемые сердитым взглядом Гарри Берка, дурацкой улыбкой Эллери, деланым радушием инспектора и озадаченным видом судьи Мак-Кью. Единственным, кто, казалось, наслаждался происходящим, был Карлос Армандо, чьи черные глаза и смуглое лицо светились злорадством. Все сновали взад-вперед по маленькой гостиной, словно карты, тасуемые неопытным игроком, под аккомпанемент сконфуженных представлений, скомканных приветствий, негромкого ворчания, враждебных рукопожатий, сожалений по поводу запаздывающей весны, чрезмерно сердечных поздравлений по адресу Лоретт и повторяющихся, как вагнеровский лейтмотив, вопросов о местопребывании невесты — в основном их задавал Армандо самым невинным тоном.

Инспектор Квин каждый раз отвечал, что Роберта в ванной, где приводит себя в порядок перед счастливым событием.

Наконец появилась Роберта, бледная, но с высоко поднятой головой, словно героиня викторианской пьесы. Тишина, воцарившаяся в гостиной, не улучшила атмосферу. Присутствие Армандо отравляло церемонию, и Эллери однажды даже пришлось схватить Гарри Берка за руку с целью удержать эту мускулистую конечность от крайних мер. Положение, как ни странно, спасла Лоретт. Она обняла и поцеловала Роберту, после чего увела ее в кухню доставать из холодильника свадебный букет. Когда они вернулись, Роберта объявила, что Лоретт будет подружкой невесты, а инспектор поспешно достал из корзины несколько хризантем и сымпровизировал букет для корсажа подружки, использовав для этого атласную ленту, которая осталась с прошлого Рождества.

Наконец все было готово. Судья занял позицию между окнами, спиной к цветочной корзине и лицом к Берку, стоящему справа от него, и к Роберте, стоящей слева, как предписывал ритуал. За спиной у Роберты стояла Лоретт, за спиной у Берка — Эллери, а остальные — позади них. Судья МакКью открыл молитвенник на трехсотой странице

и начал читать своим basso profundo[69] текст брачной службы, установленный протестантской епископальной церковью Соединенных Штатов Америки на соборе, состоявшемся 16 октября 1789 года от Рождества Христова.

— Возлюбленные чада мои! — начал судья и откашлялся.

Инспектор Квин с заранее предусмотренного им наблюдательного пункта в стороне следил за Эллери. Он еще никогда не видел свое возлюбленное чадо столь напряженным и нерешительным. Плод чресел инспектора явно грыз какой-то червь, и, пока судья продолжал чтение, старик тщетно пытался найти и классифицировать этого червя.

— Мы собрались здесь перед лицом Господа нашего, чтобы соединить этих мужчину и женщину священными узами брака…

Комната наполнилась ароматом неведомого, присущего всем свадебным церемониям, но на сей раз этот аромат таил в себе угрозу. Роберта инстинктивно прижимала к белому кружеву подвенечного платья купленную Берком розовую бархатную муфту, приминая приколотые

---

[69] ПРИМЕЧАНИЯ: 69
Глубокий бас (ит., муз.).

к платью гардении; коренастый жених, казалось, вырос на несколько дюймов, словно ему внезапно поручили стоять в карауле у Букингемского дворца, — инспектор живо представлял его в кивере и с мушкетом у плеча. Лоретт Спанье выглядела одинокой и растерянной. Селму Пилтер обуревала тайная зависть старухи, для которой свадебные церемонии были в прошлом, а живот Уильяма Мелоуни Вассера покачивался в такт декламации судьи, словно в подражание подсмотренному где-то обряду культа плодородия. Только Армандо по-прежнему злорадно усмехался — его удовольствие от происходящего, очевидно, усиливал собственный многократный опыт подобных церемоний.

— …который является почетным состоянием, учрежденным Господом… — Судья продолжал бубнить о священных узах и первом чуде в Кане Галилейской, а инспектор Квин вновь устремил взгляд на своего единственного отпрыска, неподвижного как труп.

Старик начал спрашивать себя, не совершил ли он ошибку, взяв дело в свои руки. Что-то было не так — это явственно ощущалось в атмосфере.

— …и потому в него следует вступать не неразумно или легкомысленно, а скромно, обдуманно,

почтительно и в страхе Божием…

В чем же причина?

— Этими священными узами вскоре будут соединены двое из присутствующих здесь…

Старик видел, что его сын ведет жестокую борьбу с неведомым противником. Его челюстные мышцы нервно подергивались, костяшки пальцев на стиснутых кулаках побелели, он стоял по стойке «смирно», как нервничающий жених впереди него. «Но у Берка есть на то основания, — думал инспектор. — Что же происходит с моим сыном?»

— Если кто-нибудь знает причину, по которой они не могут быть соединены узами брака, — продолжал бас, — пусть откроет ее теперь или молчит о ней в будущем.

«Так не может продолжаться, — думал старик. — Что-то должно произойти, иначе он взорвется…» Эллери открыл рот, но тут же закрыл его.

— Я прошу и требую от вас обоих, как в день Страшного суда, когда все тайное станет явным: если кто-то из вас знает препятствие, из-за которого вы не можете быть соединены законным браком, пусть признается в этом немедленно…

— Я знаю такое препятствие, — сказал Эллери.

Казалось, он невольно выразил свои мысли. Эллери выглядел столь же потрясенным своими словами, как судья Мак-Кью, Роберта Уэст и Гарри Берк. Обвиняющий взгляд суровых голубых глаз судьи устремился на него поверх головы Берка; жених и невеста протестующе повернулись к Эллери; взгляды остальных, в том числе Карлоса Армандо, были обращены на него, как будто он случайно издал неприличный звук во время безмолвной молитвы в церкви.

— Я знаю такое препятствие, — повторил Эллери, — и больше не могу молчать о нем. Судья, вы должны остановить церемонию.

— Вы спятили! — рявкнул Берк.

— Нет, Гарри, — отозвался Эллери. — Я в здравом уме. Увы, в слишком здравом.

Глава 45

— Я должен извиниться перед вами, Роберта, — продолжал Эллери. — Возможно, для этого сейчас не время и не место, но в другом смысле это единственно возможные время и место. Как бы то ни было, у меня нет выбора.

Он шагнул вперед, пока остальные стояли неподвижно, словно актеры в живой картине.

— Вам лучше сесть, так как это потребует времени. — Эллери придвинул стулья для Роберты, миссис Пилтер и Лоретт Спанье. Они сели, но мужчины остались стоять. Атмосфера напряглась до такой степени, что напоминала последние минуты перед линчеванием. Но кто были линчеватели и кто жертва?

Эллери с усилием взял себя в руки.

— Только что я упомянул время и место. Место может быть случайным, но как насчет времени? Мы лицом к лицу с ним. Время — суть этого дела. Дела об убийстве Глори Гилд.

Я должен вернуть вас назад, к копии завещания Глори и тому, что она написала симпатическими чернилами между отпечатанными строчками. Это отчет о событиях того вечера, когда она нечаянно подслушала то, как вы, Армандо, думая, что ваша жена находится в своем коннектикутском коттедже, и пригласив в ее квартиру Роберту Уэст, пытались уговорить эту девушку убить ее.

— Вы не поймаете меня на эту дешевую уловку, — сказал Армандо, демонстрируя сверкающие белизной зубы. — Вы ловко приготовили сцену, мистер Квин, но меня нелегко застигнуть врасплох. Сообщение в копии завещания Джи-Джи, написанное симпатическими чернилами? Фан-

тазия у вас богатая, но придумайте что-нибудь поубедительнее.

— Вопрос в том, — Эллери повернулся к нему спиной, — в какое время происходил этот инцидент…

Но его снова прервали.

— Вы не могли повредить мне больше, чем делаете сейчас, — огрызнулся Гарри Берк. — С вами что-то не так, Квин. У вас мозги в башке начали плавиться. Не понимаю, о чем вы говорите.

— О времени. — Эллери достал из кармана документ. — Это копия завещания Глори с вписанным ею сообщением. Вы, Гарри, Роберта и мистер Вассер присутствовали, когда мой отец читал расшифрованное сообщение в офисе мистера Вассера, так что вы знакомы с его содержанием. Но судья, миссис Пилтер и, что самое важное, Армандо — нет. Поэтому потерпите, пока я прочитаю его им.

— Наверняка вы сами это написали, — пробормотал Армандо, но его улыбка стала настороженной. — Ладно, читайте.

Эллери не обратил на него внимания.

— «Я пишу это по причинам, которые вскоре станут понятными. Уже некоторое время мне хотелось поехать куда-нибудь отдохнуть, и я

решила отправиться в свой коттедж в Ньютауне…» — Эллери читал бесстрастным голосом, как школьный учитель, дающий урок, о том, как жена Армандо приехала в Ньютаун, обнаружила, что ее секретарша забыла уведомить коннектикутскую электрокомпанию о подаче тока, как «сыро и холодно» было в коттедже, как она, опасаясь простудиться, вернулась в Нью-Йорк, вошла в квартиру и подслушала разговор Армандо с неизвестной ей девушкой, ее описание внешности Роберты, отзыв Армандо о ней как о «корове, которую нужно доить», как Армандо предложил Роберте убить его жену, пока он обеспечит себе алиби, после чего унаследует деньги Глори и женится на Роберте, как Глори Гилд, будучи не в силах выносить это, выбежала из квартиры, бродила по улицам большую часть ночи, потом поехала назад в коннектикутский коттедж, где провела два дня, обдумывая свое положение, и так далее, вплоть до конца.

Все молчали, кроме Армандо.

— Я все отрицаю, — заявил он. — Это подлог.

— Помалкивайте. — Эллери спрятал завещание в карман. — Я спрашиваю вас: слышали ли вы в прочитанном мною сообщении хоть одно указание на время, когда эта неприглядная сцена

имела место? — Он покачал головой. — Факт в том, что послание Глори не содержит даты разговора Армандо с Робертой.

— Но Роберта назвала нам дату! — напомнил Гарри Берк. — Ночь, когда этот подонок предложил ей совершить убийство, и когда она выбежала из квартиры Глори Гилд вне себя от страха и отвращения, была в мае. К чему же вся эта чепуха насчет времени?

«Гарри, Гарри!» — подумал Эллери.

— Доставьте мне удовольствие, Гарри, — сказал он. — Давайте рассмотрим эту чепуху. Глори была убита вечером 30 декабря прошлого года. Вы, я и мой отец изучили ее дневники и мемуары, уделяя особое внимание прошлому году, и обнаружили каждую страницу прошлогоднего дневника заполненной записями, кроме одной. Но нигде в этих записях, включая сделанные в мае, не упомянуто о происшествии в квартире Глори Гилд той ночью, когда Армандо сделал свое очаровательное предложение Роберте. В противном случае мы кричали бы об этом на всю Сентр-стрит. Но нигде в дневнике за прошлый год Глори не написала ни слова о подслушанном плане ее мужа. Не написала прямо…

— Что ты имеешь в виду? — нахмурился

инспектор Квин. — Она вообще об этом не упомянула. Ты сам так сказал.

— Я сказал «прямо». Но не упомянула ли она об этом в своем дневнике косвенно?

— Пустая страница? — осведомился его отец после недолгой паузы.

— Вот именно. Каким числом она датирована?

— 1 декабря?

Эллери кивнул.

— Учитывая отсутствие упоминания об этом событии на других страницах дневника, можно сделать вывод, что Глори подслушала, как Армандо планирует ее убийство, 1 декабря. Этому имеется подтверждение — пустая декабрьская страница содержала буквы «f-a-c-e», написанные симпатическими чернилами, которые служили указателем на чтение между строк в копии ее завещания, где и содержался отчет о событиях той ночи. Несомненно, это происходило 1 декабря.

1 декабря, — повторил Эллери, впервые обращаясь к Роберте Уэст, — а не в мае, Роберта. Более того, это не могло быть вашей оговоркой. Насколько я помню, вы неверно датировали этот разговор маем не однажды, а по крайней мере дважды. Первый раз это было утром в день Нового года, когда Гарри и я только что прилетели

из Англии — спустя менее тридцати шести часов после убийства. Я нашел записку отца с просьбой позвонить вам и сделал это, а вы пришли сюда и рассказали нам о вашей связи с Армандо, прекратившейся, когда он предложил вам убить его жену. Вы сказали, что он сделал вам это предложение ночью «чуть более семи месяцев назад». Так как вы сообщили нам это 1 января, разговор с Армандо должен был иметь место в конце мая.

Одна ошибка в дате могла быть случайной, хотя разница более чем в полгода делает это маловероятным. Но вы повторили ее вторично в тот день, когда я наконец понял значение букв «f-a-c-e», обнаружив послание, скрытое в завещании Глори, которое мой отец тут же прочитал в вашем присутствии. Вы без промедления указали время сцены в квартире Гилд, как «ту ночь в мае», о чем только что нам напомнил Гарри. С вашей стороны, Роберта, это было весьма находчиво. Вы раньше всех нас обратили внимание на отсутствие даты в сообщении Глори и воспользовались для подтверждения вашей первоначальной истории.

Утром 1 января вы сказали Гарри и мне, что не видели Карлоса Армандо после «той ночи в мае» до вечера 30 декабря, когда, по вашим словам,

Армандо внезапно явился к вам в квартиру, обеспечив себе алиби на время убийства жены, вроде бы происшедшего, когда он был с вами.

Но теперь мы знаем, что вы видели вашего любовника, с которым якобы порвали в мае, вечером 1 декабря, в квартире его жены, которую он предложил вам убить именно тогда, а не шестью месяцами ранее. Если вы не бросили Армандо в мае, логично предположить, что вы продолжали видеться с ним летом и осенью — вплоть до вечера 1 декабря.

Поскольку вы солгали нам об этом, Роберта, вся ваша история становится подозрительной. В таком случае мы больше не можем полагаться ни на одно ваше слово, в том числе и на алиби, которое вы обеспечили Армандо на вечер убийства его жены. Но если это алиби ложно, то и у вас нет алиби на время убийства. Любое алиби действует в двух направлениях, доказывая невиновность не только подозреваемого, но и того лица, которое это алиби ему предоставляет. В этом была самая хитроумная часть плана — она позволяла вам прийти ко мне вскоре после убийства. Обеспечив алиби своему любовнику, вы заодно освобождали себя от подозрений, могущих возникнуть в ходе расследования. Но невиновные не изобретают

столь изощренные способы освободить себя от подозрений.

Эти логические умозаключения, Роберта, ведут к единственно возможному выводу. Вы могли быть той женщиной, которую Карлос Армандо использовал в качестве своего орудия. Вы могли быть той женщиной, за которой мы охотились, — женщиной, застрелившей Глори Гилд.

Роберта, белая, как гипсовая статуя, так сильно прижимала букет гардений, символ ее свадьбы, к кружеву платья, что цветы ломались. Шотландец рядом с ней выглядел такой же статуей из еще больше затвердевшего гипса, только прозрачные глаза оставались живыми, светясь невыразимой мукой. Армандо облизнул пухлые губы и приоткрыл рот, словно собираясь помешать Роберте Уэст говорить, но тут же закрыл его, очевидно предпочтя молчание риску, что его предупреждение расценят как признание.

Эллери отвернулся от Роберты и Гарри Берка, как будто смотреть на них было выше его сил, но потом снова обратился к Роберте.

— Вы могли быть той женщиной, — повторил он. — Вопрос в том, были ли вы ею. Да, были. Я заявляю это, поскольку существуют три подтверждения вашей вины, вытекающие из фактов.

Первое. В отчете, который Глори оставила нам между строк своего завещания, она точно описала вас, вплоть до родинки в форме бабочки на щеке, как женщину, с которой ее муж обсуждал план ее убийства. Так как мы больше не можем верить вам на слово, что вы отвергли предложение Армандо, достоверным фактом является то, что вы были женщиной, которую обвиняла Глори. «Эта девушка — сообщница Карлоса, — завершила она свое послание. — Если меня убьют, то это сделала она — ради него». Думаю, Глори едва ли оставила бы столь недвусмысленное обвинение, если бы то, что она подслушала той декабрьской ночью, не давало ей достаточно оснований полагать, что вы согласны с планом Армандо. Если бы вы, как говорили нам, были ошарашены, испуганы и не могли вымолвить ни слова, Глори не стала бы обвинять вас так безапелляционно. Очевидно, вы сказали Армандо нечто убедившее Глори в вашем согласии с планом убийства.

Кстати, проясним еще один момент в загадочном ключе, указывающем на сообщение, скрытое в завещании. Когда Глори, сидя за столом, смертельно раненная, смогла взять ручку и написать «f-a-c-e» на листе бумаги, прежде чем свалиться замертво прямо на него, это не было вдохнове-

нием, осенившим ее всего за несколько секунд до гибели. Теперь мы знаем, что она придумала этот ключ почти за месяц до того, написав те же четыре буквы симпатическими чернилами на пустой странице своего дневника, датированной 1 декабря.

Между прочим, страсть Глори к загадкам не являлась причиной использования ключа в виде букв «f-a-c-e» и симпатических чернил. Это был всего лишь modus operandi,[70] вызванный вполне определенной мотивацией. Глори опасалась, что, если она оставит открытые указания и отчет о том, что ей удалось услышать 1 декабря, Армандо или ее секретарша Джин Темпл, имеющие доступ к ее бумагам, найдут их и уничтожат: Армандо — по очевидным причинам, а Джин Темпл — потому, что у нее была связь с Армандо и она могла пребывать от него в зависимости.

Это приводит к подтверждению номер два. — Эллери неожиданно повернулся к Карлосу Армандо, который невольно шагнул назад. — Планируя убийство жены, вы полагали, что ваше добрачное соглашение с ней — о пятилетнем испытательном сроке — более не существует. Во

---

[70] ПРИМЕЧАНИЯ: 70
Способ действия (лат.).

время чтения завещания вы горячо настаивали, что по истечении пяти лет Глори порвала его у вас на глазах. Но выяснилось, что она не сделала ничего подобного, а порвала совсем другую бумагу. Поэтому, когда мистер Вассер прочитал наследникам завещание после похорон вашей жены, вы впервые узнали, что она вас одурачила, что добрачное соглашение все еще действует, что все ваши усилия, включая организацию убийства, принесли вам всего лишь пять тысяч долларов.

Для большинства убийц это означало бы шах и мат. Они бы капитулировали, взяли пять тысяч и занялись бы другими играми. Но вы сделаны из более крепкого материала и не сдались. Вам показалось, что вы нашли способ отыграться, несмотря на обманный ход Глори. Общеизвестно, что закон не позволяет убийце получать прибыль от своего преступления. Если бы Лоретт Спанье, унаследовавшую основную часть состояния Глори, осудили за убийство тети, состояние перешло бы к вам, несмотря на добрачное соглашение. Убрав с пути Лоретт, вы бы стали единственным наследником. У Глори Гилд больше не было живых родственников.

Поэтому вы расширили ваш первоначальный план, подставив Лоретт под обвинение в убий-

стве Глори. Вы знали, что ей можно приписать очень веский мотив — новое завещание делало ее главной наследницей, — а утверждение Лоретт, что Глори не говорила ей о завещании, подтвердить было невозможно. Вы также знали, что Лоретт можно приписать и возможность преступления — ее слова, что тетя была жива, когда она уходила из ее квартиры в ночь убийства, также ничем не подтверждались. При наличии мотива и возможности вам оставалось только снабдить Лоретт последним фактором классической триады доказательств — средствами. Нужно было всего лишь подстроить, чтобы оружие, из которого застрелили вашу жену, нашли в распоряжении ее племянницы.

Кому легче всего было подложить револьвер в стенной шкаф спальни Лоретт? Вы больше не жили в квартире Глори Гилд, но там жила Роберта. Несомненно, Роберта спрятала револьвер в шляпной картонке в стенном шкафу Лоретт. Мы знаем, что именно Роберта, когда оружие выпало из картонки, предложила немедленно сообщить об этом Гарри Берку и мне, находящимся тогда в квартире.

И наконец, третье подтверждение, — быстро продолжал Эллери, словно спеша избавиться

от тяжкого бремени. — Перед вами возникло неожиданное препятствие. Бродяга из Бауэри по прозвищу Спотти внезапно явился с заявлением, что располагает информацией, которая может оправдать Лоретт от обвинения в убийстве. Вы уже организовали гибель вашей жены, подтасовали улики против Лоретт и больше чем когда-либо жаждали состояния Глори, поэтому решили избавиться от Спотти, пока он не дал показания, оправдывающие Лоретт, и не уничтожил ваш последний шанс завладеть добычей целиком и полностью.

Вы выполнили свое намерение, Армандо. Так как Спотти был убит в ночлежке в Бауэри, вы, очевидно, проникли туда, переодевшись бомжем, зарегистрировались под фальшивым именем, поднялись в общую спальню, ударили ножом лежащего на койке Спотти и спокойно вышли в зимнюю ночь под носом у Берка или через заднюю дверь.

Но вопрос в том, как вы узнали о существовании Спотти. Каким образом вам стало известно об опасности, которую он представляет для вашего плана оклеветать Лоретт? И самое важное, как вы узнали, где искать Спотти? Вас не было в офисе Юрая Фрэнкелла, когда Спотти пришел

туда с предложением продать свою информацию. Но там была Роберта! И более того, она сопровождала Гарри Берка, когда он отправился следом за Спотти на Бауэри. Очевидно, когда Роберта на несколько минут оставила Берка наблюдать за ночлежкой и отошла в кафетерий за сандвичами, она позвонила вам, Армандо. Только так вы могли быстро узнать о неожиданном появлении Спотти; тогда же вы решили, когда и где можно его убить.

Вот вам вся кошмарная история, — устало промолвил Эллери. — План был невероятно хитроумный, если обладаешь способностью восторгаться подобными вещами, — блестяще разработанный, блестяще исполненный, блестяще сымпровизированный там, где требовалась импровизация, и один из самых гнусных, с какими мне когда-либо приходилось сталкиваться.

Именно вы, Роберта, проникли в квартиру Глори Гилд вечером 30 декабря с помощью дубликата ключа, предоставленного вам Армандо. Вы старались постоянно быть в курсе дела, чтобы служить для Армандо надежным источником информации по мере расследования. Должно быть, вы сначала намеревались попробовать свои чары на мне, как на сыне полицейского офи-

цера, ведущего следствие, но, когда Гарри Берк влюбился в вас, решили, что гораздо безопаснее переключить внимание на него, зная, что он имеет такой же доступ к расследованию, как и я. Это вы, Роберта, направили нас по следу женщины, которой никогда не существовало, — «другой» женщины, которую Армандо якобы использовал в качестве орудия, хотя в действительности он использовал вас. Вы были женщиной под фиолетовой вуалью, которую после убийства больше ни разу не видели. В этом деле, Роберта, вы были не только убийцей, но и одновременно служили отвлекающим маневром — редкая комбинация в истории преступлений.

К концу повествования в утомленном голосе Эллери зазвучали нотки неумолимости, более грозные, чем целый отряд спецназа. Роберта по-прежнему стояла неподвижно. Армандо не сводил взгляд черных глаз с ее лица, предупреждая, напоминая, угрожая. Но она, казалось, не видела ни его, ни остальных.

— Я почти закончил, — сказал Эллери. — Если я что-то упустил или в чем-то ошибся, Роберта, вы можете дополнить или поправить меня. («Нет!» — вопили глаза Армандо.) Думаю, кризис в ваших отношениях с Армандо наступил после оправда-

ния Лоретт в суде. С этого момента ваши интересы разошлись. Состояние Глори Гилд — или та его доля, ради которой вы трудились, — оказалось вне досягаемости для вас.

Но было ли оно вне досягаемости для Армандо? Едва ли. У Армандо инстинкты летучей мыши, именуемой вампиром. Он постарался очаровать Лоретт, как очаровывал многих женщин до нее, включая ее тетю, и вы поняли, Роберта, что теперь он вознамерился жениться на ней, дабы получить состояние, на которое не смог наложить руки с помощью убийства. Если бы это произошло, для вас в этой игре больше не оставалось бы места. Вы стали бесполезной для Армандо, за исключением взаимно предоставляемого друг другу алиби. Будучи женщиной, вы проявили чрезмерную реакцию. Вы начали предостерегать Лоретт против ухаживаний Армандо, пытаясь воспрепятствовать его новому плану и, полагаю, сохранить единственное, что у вас осталось после всей печальной истории, — самого Армандо. Должно быть, вы были безумно влюблены в него, если позволили ему уговорить вас совершить убийство, но теперь вы поняли, что теряете его…

— А как же я? — осведомился Гарри Берк хриплым голосом птицы из джунглей.

— Как же вы, Гарри? — отозвался Эллери тоскливым тоном. — Вы все еще верите в волшебную сказку про то, что Роберта влюблена в вас? В этой игре вы были пешкой, Гарри, — самой мелкой фигурой на шахматной доске, которой легко жертвуют.

— Тогда почему она выходит за меня замуж? — Шотландец впервые повернулся к Роберте. — Почему ты это делаешь?

Роберта облизнула губы.

— Гарри…

— Какая польза тебе от меня, как от мужа?

— Гарри, я полюбила тебя…

— С твоими руками, заляпанными кровью?

Ее губы дрогнули.

— Да… — произнесла она еле слышно, но затем ее голос вновь обрел силу. — Да, Эллери прав во всем — я застрелила Глори Гилд («Нет, нет, нет!» — кричали глаза Армандо.), но только не в этом. Я пыталась забыть весь этот кошмар, хотела начать новую жизнь…

— Идиотка! — завизжал Карлос Армандо. — Глупая, безмозглая идиотка! Ты же попалась в ловушку Квина! Все, что он от тебя хотел, это признание вины, и ты дала ему это! Неужели ты не понимаешь, что, если бы ты держала язык за

зубами, они ничего не смогли бы предпринять против нас? Кроме болтовни Квина, у них не было ничего — ни частицы доказательств, которую они могли бы предъявить в суде! Дура! Тупица!

— Мисс Уэст, вы хотите сделать официальное заявление? — заговорил инспектор Квин.

Роберта посмотрела на Гарри Берка. То, что она увидела в его лице, заставило ее отвернуться.

— Да, — ответила она.

Глава 46

Самолеты прилетали и улетали; строго распланированный хаос аэропорта бешено вращался и шумел вокруг, но они ничего не видели и не слышали, словно прятались от тайфуна в пещере на необитаемом острове, хотя в действительности ожидали объявления о посадке на самолет Берка.

Глаза шотландца больше не были прозрачными — они приобрели цвет крови. Он выглядел так, словно не спал и не переодевался целую неделю. Губы его были плотно сжаты. Он не просил Эллери провожать его — напротив, ясно дал понять, что больше не желает его видеть. Но Эллери это не обескуражило.

— Я понимаю ваши чувства, Гарри, — говорил он. — Да, я использовал вас, хотя с трудом смог заставить себя сделать это. Когда Лоретт пела песню Джимми Уокера о декабре и мае, это открыло мне глаза, и я все увидел предельно четко. Мне пришлось выдержать жесточайшую внутреннюю борьбу. Я не знал, как поступить. А когда вчера вы и Роберта пришли к нам и объявили, что намерены немедленно пожениться, борьба стала еще более жестокой, потому что это давало мне возможность вынудить ее признаться. Потом отец предложил пригласить на свадьбу остальных. Зная меня вдоль и поперек, он чувствовал, что конец близок, и, даже не будучи осведомленным о моих намерениях, понял, как мне помочь.

В конце концов я сдался, Гарри. Полагаю, в глубине души я не сомневался в том, что должен делать. У меня не было выбора. Армандо был прав — ни один из моих аргументов не приняли бы в суде. Поэтому мне было нужно вынудить Роберту признаться. И не только это. Я должен был найти способ помешать вам жениться на ней. Я не мог позволить вам жениться на убийце и знал, что только ее признание убедит вас в ее виновности. Разумеется, я также не мог позволить убийце выйти сухой из воды…

«Посадка на рейс Британских трансатлантических авиалиний номер девятнадцать начинается у ворот номер десять», — объявили по громкоговорителю.

Берк схватил чемодан и почти побежал к десятым воротам.

Эллери поспешил за ним.

— Гарри…

Шотландец повернулся.

— Убирайтесь к черту! — свирепо рявкнул он и устремился к проходу, так сильно толкнув плечом старую леди, что она пошатнулась и чуть не упала.

Эллери подхватил ее.

— Этот джентльмен неважно себя чувствует, — объяснил он.

Эллери стоял у ворот, пока самолет не вырулил на взлетную полосу, не оторвался от земли и не скрылся в небе.

Конечно, Берк был несправедлив. Но трудно ожидать справедливости от человека, жизнь которого только что выбили у него из-под ног одним ударом.

Или от человека, который нанес этот удар, успокаивая себя доводами разума.

Эллери все еще стоял на своем необитаемом

острове, когда к его руке прикоснулись.

Обернувшись, он увидел инспектора Квина.

— Пойдем, Эл, — сказал старик, беря сына за руку. — Я куплю тебе чашку кофе.